Учредители:

Институт географии РАН

Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии Санкт-Петербургского государственного университета

Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н, проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Бабурин В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Ученый секретарь:
к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 20.05.2014
Формат 70x108 1/16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2014

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 2 (44), 2014

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY OF REGIONAL STUDIES

Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии 4
Baklanov P.Y. Geographical and geopolitical factors in regional development

Гладкий А.В. Сущность агломерационного эффекта территории и его влияние на прибыльность регионального развития предприятий 10
Gladkey A.V. The essence of agglomeration's effect and their influence on economic efficiency of enterprises' regional development

Гонтарь Н.В. Рыночные и государственно-административные механизмы капитализации территории 17
Gontar N.W. Market and state mechanisms of territorial capitalization

Колчев А.Н. Подходы к анализу территориальной структуры банковской системы 25
Kolchev A.N. Approaches to analysis of the territorial structure of the banking system

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Елагин С.А., Евдокимов М.Ю. Общие и географические особенности результатов выборов в Смоленскую областную думу пятого созыва 36
Elagin S.A., Evdokimov M.U. Results of the election campaign in Smolensk regional duma of the fifth convocation: general and geographical features

Шеломенцева М.В. Методология формирования информационно-аналитической базы исследования трудовых ресурсов региона 42
Shelomentseva M.V. Methodology of forming the information analysis base for the research of labor force of the region

Шмарин А.А., Шмарин А.П. Оптимизация модели взаимодействия участников рынка пассажирских перевозок (на примере г. Оренбург) 45
Shmarin A.A., Shmarin A.P. Optimization of model of interaction of participants of the market of passenger traffic (on the example of Orenburg)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВГО ХОЗЯЙСТВА
DEVELOPMENT ISSUES OF THE WORLD ECONOMY

Бояр А.А. Дифференциация «полезности», получаемой государствами от участия в интеграционной группировке 51
Boiar A.A. Differentiating utility received by states from their membership in an international union

Шуканов П.В., Логвин М.М. Геоэкономические аспекты устойчивого развития мира 57
Shukanov P.V., Logvin M.M. Geo-economic aspects of sustainable development peace

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
REGIONAL PROBLEMS ARE IN THE MODERN WORLD

Голяшев А.В. Отраслевая специализация штатов США в межрегиональном товарообмене 65
Golyashev A.V. Sectoral specialization of the US states in interregional trade

Мезенцева Н.И., Батыченко С.П. Территориальная дифференциация заболеваемости населения Украины 79
Mezentseva N.I., Batychenko S.P. Territorial differentiation of the population morbidity of Ukraine

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION

Акимжанов Х.Р., Сафронов С.Г. Социально-экономическая трансформация территориальной структуры Карагандинской агломерации 86
Akimzhanov J.R., Safronov S.G. Social and economic transformation of the Karaganda agglomeration territorial structure

Житин Д.В. Родной язык как индикатор ассимиляционных процессов в Российской Федерации 96
Zhitin D.V. Mother tongue as an ind icator of the assimilation processes in the Russian Federation

Забураева Х.Ш., Краснов Е.В. Об этногенетических особенностях населения регионов северо-восточного Кавказа и их классификации 106
Zaburaeva Kh.Sh., Krasnov E.V. Ethnogenetic typology of the regions of north-east Caucasus

Карлова Е.В., Харченко С.В. О связи географических границ городских вернакулярных районов с природными рубежами (на примере крупных городов Центральной России) 112
Karlova E.V., Kharchenko S.V. On relations of geographical boundaries of the urban vernacular regions and natural barriers (case study of big cities of the Central Russia)

Савоскул М.С. Социально-пространственные связи высококвалифицированных мигрантов из России и Украины во Франкфурте-на-Майне 124
Savoskul M.S. Social-spatial links of Highly Skilled Migrants from Russia and Ukraine in Frankfurt Main

Благовестова Т.Е., Школьников А.С. Территориальная дифференциация качества жизни населения Смоленской области: объективная и субъективная оценка. 135
Blagovestova T.E., Shkolnikov A.S. Territorial differentiation of life quality for Smolensk area: objective and subjective assessment

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT

Булгакова А.И. Камеральная статистика, коммерческая и хозяйственная география как направления в отечественной общественной географии XIX – начала XX века 145
Bulgakova A.I. Cameral statistics and commercial geography paradigms in domestic social geography XIX – early XX century

Шупер В.А. Региональные исследования: неизвестное наследие М.К. Петрова 151
Shuper V.A. Regional studies: unknown heritage M.K. Petrov

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимиру Павловичу Максаковскому – 90 лет 156
Юбилей Владимира Ефимовича Шувалова 158

Сведения об авторах 160

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бакланов П.Я. (Владивосток)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ[1]

Baklanov P.Y.

GEOGRAPHICAL AND GEOPOLITICAL FACTORS IN REGIONAL DEVELOPMENT

Аннотация. *В статье рассматриваются основные аспекты влияния географических и географических факторов на региональное развитие.*

Abstract. *The article discusses the main aspects of the influence of geographic and geographical factors on regional development.*

Ключевые слова: *региональное развитие, географические факторы, геополитические факторы.*
Key words: *regional development, geographic factors, geopolitical factors.*

Региональное развитие чаще всего понимается в обобщенном виде, как социально-экономический рост в том или ином регионе за определенный период времени, например, за 1 год или более. Это может быть выражено в приросте населения, валового регионального продукта и других социально-экономических показателей региона. Представляется, что более полно и содержательно региональное развитие можно определить, как формирование и развитие в регионе территориальных социально-экономических систем и их структур с приростом экономического, социального и экологического качеств регионального развития [4]. В подобном понимании региональное развитие близко к территориальному развитию [11]. Однако, при значительной территориализации комплексного развития региона, В.Н. Лаженцев не выделяет подобных нашим территориальных социально-экономических систем и их структур.

В общем, региональное развитие в пределах определенной конкретной территории определяется совокупностью географических, социально-экономических, научно-технических, геополитических и экологических факторов. Например, М. Глазырин [9] говорит о системных факторах регионального развития и необходимости выделения различных социально-производственных комплексов в регионе, на которые и воздействуют системные факторы. Однако, географические факторы в их сочетание не включаются и не рассматриваются – как и многими другими авторами.

Географические факторы начинают действовать уже с начала освоения территории определенного региона, на первой стадии регионального развития. Это, прежде всего, природно-ресурсный потенциал и его размещение по территории (акватории) региона. В более строгом виде этот географический фактор регионального развития можно определить, как выявленное на данный период времени природно-ресурсное пространство региона с соответствующими количественными оценками. В последнем должны отражаться не только известное на данный период времени сочетание природных ресурсов с их качественно-количественными характеристиками, но и их взаимосвязи, и пространственные сопряжения между ними [3]. Природно-ресурсный фактор определяет формирование добывающих звеньев системы, поддерживание их функционирование и

[1] Статья подготовлена в рамках Программы Президиума РАН № 31.

развитие, а также – функционирование других звеньев системы.

На этой же начальной стадии освоения территории начинает действовать и такой важный географический фактор регионального развития, как природные условия региона, их географическая дифференциация и пространственно-временная изменчивость в целом. Этот же фактор отражает влияние техногенных, антропогенных изменений природной среды и экологических ограничений на региональное развитие. В этой связи экологические факторы регионального развития – как установленные человеком ограничения на различные элементы природопользования – проявляются более полно в форме географических факторов.

Не менее важными географическими факторами регионального развития, действующими с начальной стадии освоения территории, являются физико-географическое и экономико-географическое положение региона. Первое отражает положение региона (определенной территории, акватории) в более общем природном географическом пространстве, а второе – также положение региона в более общем природно-ресурсном и социально-экономическом географическом пространстве [5, 6]. Например, важными составляющими этих географических факторов являются выход (или – его отсутствие) региона к морям, рекам, освоенным регионам, транспортным магистралям, крупным экономическим и энергетическим центрам и т.п.

Важнейшей характеристикой экономико-географического положения региона (района) является его положение по отношению к рынкам, рыночным зонам. Имеются ввиду внешние для района ресурсные рынки и рынки реализации готовой продукции и услуг, производимых в районе. Такие рынки могут быть либо основными, либо дополнительными для внутренних рынков района, которые будут развиваться, диверсифицироваться и расширяться по мере его хозяйственного освоения. В процессе регионального развития происходит определенная перестройка, расширение, развитие, как внутренних рынков, так и внешних.

Все эти географические факторы регионального развития: природные ресурсы и условия, их размещение и дифференциация, географическое и экономико-географическое положение района можно отнести к первичным факторам. На региональное развитие они действуют всегда, но наиболее значимым является их действие на начальной стадии освоения в период формирования отдельных звеньев системы. При этом каждый из этих географических факторов воздействует через соответствующие структуры географического пространства на все пространство региона. В последующем, когда в регионе происходит формирование различных звеньев территориальных социально-экономических структур, кроме названных выше первичных географических факторов, начинают действовать географические факторы, которые можно назвать вторичными. По нашему мнению, к ним относятся территориальное социально-экономическое комплексообразование (структурообразование) и районообразование. Комплексообразование выражается в формировании взаимозависимых и в той или иной форме взаимосвязанных групп населения, обслуживающих и дополнительных хозяйственных структур, инфраструктурных звеньев, необходимых и достаточных для создания и функционирования основных видов деятельности, которые закладываются на начальном этапе освоения и регионального развития [1, 2, 12]. Районообразование включает в себя формирование сочетания линейно-узловых и ареальных звеньев комплексообразования, и одновременно – вычленение основных рыночных зон и территориальных зон влияния отдельных структурных звеньев комплексообразования [2]. То есть, основу районообразования составляет комплексообразование, дополненное вычленением территориальных рыночных зон и зон влияния.

По механизму действия социально-экономическое комплексообразование и районообразование в целом являются процессами саморазвития: целевое формирование отдельных основных видов деятельности (одного или нескольких) первоначально в одном экономическом центре вызывает необходимость формирования и развития здесь целых сочетаний инфраструктурных звеньев, а также обслуживающих и дополнительных структур, в том числе, выходящих за пределы этого центра. При этом в комплексообразование и районообразование включаются группы населения, производственная и социальная инфраструктура, различные хозяй-

ственные предприятия, финансовые, научные, учебные организации, службы сервиса и управления и другие. При этом и комплексообразование, и районообразование, будучи процессами саморазвития, свое воздействие на региональное развитие также оказывают через структуры географического пространства – прежде всего – социально-экономического. Таким образом, комплексообразование в наиболее полном виде проявляется в виде социально-экономического комплексообразования, охватывающего группы населения, объекты и учреждения социальной и экономической сферы, инфраструктуры. Районообразование также в наиболее полном виде выступает как социально-экономическое.

В процессе комплексообразования в формирующихся территориальных социально-экономических структурах появляются элементы потенциальных структур в виде незанятого трудоспособного населения, производственных, энергетических и транспортных резервных мощностей и возможностей, которые становятся важным фактором агломерирования и регионального развития.

В более общем виде вторичным географическим фактором регионального развития следует выделить территориальную организацию общества и ее основные региональные составляющие: социально-экономическое комплексообразование и районообразование, а также – процессы территориального планирования и управления, и социально-экономического районирования. Результатом этих сложных пространственных процессов саморазвития и внешнего управления является формирование и развитие разноранговых территориальных социально-экономических систем.

На региональное развитие, также воздействуют геополитические факторы, прежде всего – геополитическое положение региона. Однако в целом такое воздействие идет с уровня геополитического положения страны в целом. На региональном уровне действуют отдельные составляющие геополитического положения [7]. Это – наличие государственных границ и возможности выхода региона к другим странам и морским побережьям, соотношение социально-экономического потенциала региона с таковым в соседних регионах зарубежных стран, вхождение территории или акватории в трансграничные регионы, бассейны рек, морей и др. Важным также является вхождение региона в сферу геополитических интересов других стран.

Как показывает исторический опыт освоения новых территорий, геополитические факторы в большей мере воздействуют на региональное развитие приграничных районов, на формирование, инерционность и динамику их территориальных систем. В отдельные периоды региональное развитие таких районов сдерживается геополитическими факторами, в другие периоды – стимулируется [7].

В целом и первичные, и вторичные географические факторы определяют важнейшие пространственные особенности территориальных социально-экономических систем и структур региона, их основные свойства и параметры. Важными свойствами территориальных социально-экономических систем являются различные формы пространственно-временных связей и сопряжений в их структурах и в их отдельных звеньях, в том числе пространственная рассредоточенность и замкнутость на различных территориальных уровнях, их пространственные пересечения и совмещения.

Большую роль в региональном развитии играют такие свойства территориальных социально-экономических систем и структур, как их пространственно-временная устойчивость, инерционность и динамичность. Практически на все эти свойства то или иное влияние оказывают географические и геополитические факторы. Поэтому важной научной проблемой является изучение и оценка роли отдельных географических и геополитических факторов в формировании и динамике территориальных социально-экономических структур и систем, их отдельных свойств и характеристик.

В общем территориальную социально-экономическую систему можно определить, как пространственное сочетание групп населения, объектов и организаций хозяйства, инфраструктуры, сферы обслуживания и управления в пределах определенной территории (от отдельного поселения до социально-экономического района и страны в целом) вместе с их различными взаимосвязями и сопряжениями между собой и с территорией.

Как показывают наши исследования [4, 6], любая территориальная социально-экономическая система состоит из

различных многочисленных элементов и структурных звеньев. В качестве элемента может быть выделен однородный, пространственно компактный компонент системы в виде территориальных групп населения, отдельных объектов хозяйства и инфраструктуры.

Пространственно выраженное и относительно обособленное сочетание различных взаимосвязанных или сопряженных элементов образует структурное звено территориальной социально-экономической системы. Под сопряженностью элементов понимается наличие у ряда элементов тех или иных отношений общности, прежде всего – соседства в пределах определенного пространства, территории, начиная с локального уровня.

Можно выделить следующие типы структурных звеньев территориальных (пространственных) социально-экономических систем:

- узловые – локальное сочетание разнообразных элементов в пределах отдельных поселений (групп населения, объектов хозяйства, инфраструктуры и т.п.);
- линейные – пространственные сочетания линейных инфраструктурных элементов (участков транспортных сетей) и потоков вещества, энергии, пассажиров, информации;
- линейно-узловые структурные звенья – пространственные сочетания двух узловых элементов и связывающего их линейного, где бы они ни размещались;
- площадные (ареальные) – участки территории, занятые сельскохозяйственными и лесными угодьями, искусственными насаждениями, акватории водохранилищ, прудов и т.п. По существу – это отдельные звенья территориальных структур природопользования [8]. Сюда же относятся и отводы земель под разработки тех или иных полезных ископаемых – как части общего природно-ресурсного пространства. В таких структурных звеньях часто осуществляется определенный вид деятельности, направленный на добычу и использование не только одного (основного), но и целого ряда сопутствующих природных ресурсов (гидроэнергетических и рыбных ресурсов водохранилища, различных лесных, территории и строительного сырья и т.п.);
- линейно-ареальные, состоящие из ареалов – участков территорий или акваторий с представленными на них видами деятельности и звеньями природопользования и связывающих их линейных элементов;
- узлово-линейно-ареальные – структурные звенья, состоящие из узла, ареала и связывающего их линейного элемента.

Все подобные структурные звенья могут различаться по уровню их сложности и обобщения в зависимости от того, какое сочетание элементов выделяется и рассматривается в составе каждого отдельного звена. Например, в качестве узла могут выделяться от одного отдельного пространственно компактного хозяйственного предприятия, фирмы, селитебного района – до их локального сочетания в поселении в целом, в том числе и в виде крупного города.

В качестве линейного – может выделяться транспортное звено, связывающее два взаимодействующих предприятия, где бы они ни размещались, вместе с соответствующими потоками сырья, товаров, энергии. Более сложным линейным звеном является транспортное звено, связывающее два поселения с соответствующими перевозками разнообразных грузов и пассажиров между ними. Соответственно, могут выделяться разные типы линейно-узловых структурных звеньев – от звеньев в пространственных системах производства, хозяйства, до интегрированных звеньев в виде сочетаний связанных поселений, городов – как экономических и социально-экономических узлов (центров) [1, 2].

Исходя из подобных представлений, в качестве территориальной социально-экономической системы, как наиболее целостного пространственного образования, можно выделить сочетание всех поселений, связанных непосредственно транспортными путями (железнодорожными, автодорожными, трубопроводными и другими) с одним поселением, выбранным в качестве центрального [6].

Центральный элемент (узел, центр) в системе может выбираться либо по своей величине или значимости социально-экономиче-

ских функций, либо как своеобразная «точка отсчета» структурных звеньев в системе. В систему могут включаться либо все без исключения структурные звенья I-го порядка (все поселения непосредственно связанные с центральным транспортными линиями), либо – значимые, существенные по своим основным функциям и характеристикам. При необходимости в систему могут включаться и наиболее значимые звенья II-го и более порядков.

Для территориальных социально-экономических систем и их структур, выделенных в определенном регионе, можно оценивать двоякую роль географических факторов. Во-первых, их роль в первоначальном формировании и развитии территориальных систем за период до настоящего времени. При этом роль первичных географических факторов может быть представлена и оценена для каждого структурного звена (узлового, линейного, ареального, их сочетаний). Вторичные географические факторы, как правило, воздействуют на отдельные узловые звенья, а затем их действие распространяется на другие звенья – линейные, узловые, ареальные – в виде процесса или цикла комплексообразования и районообразования.

С учетом того, что в каждом поселении, особенно – крупном, городском, осуществляется почти весь цикл жизнедеятельности человека и удовлетворяется большая часть потребностей населения, в том числе в труде, в любом поселении можно выделить сочетание условно постоянных структурных элементов и сочетание условно переменных.

В виде условно постоянных можно выделить сочетание различных элементов, которые обеспечивают нормальные условия проживания человека, населения в любом поселении. Такие элементы характерны практически для всех поселений. Это – предприятия, организации и объекты жилищно-коммунального хозяйства, пищевой промышленности, здравоохранения, образования, культуры, городского транспорта и энергетики, торговли, самоуправления и др. Подобные элементы необходимы для обеспечения нормального проживания всего населения поселения, в том числе для его различных поло-возрастных групп. При этом все население поселения потребляет многочисленные услуги и товары, производимые в условно-постоянном секторе, формируя вместе с элементами последнего значительный локальный рынок потребительских товаров и услуг. Объемы и структура такого рынка в общем зависят от величины поселения (численности населения), его географического положения (объемы и типы коммунальных услуг, сезонность их потребления и т.п.), исторических традиций и т.п. Однако общий набор необходимых и достаточных потребительских товаров, и услуг остается величиной во многом постоянной для различных поселений, особенно – с равной или сходной численностью населения.

Условно-переменные элементы, которые у каждого поселения свои, различные, образуют предприятия, компании, организации со специализированными, основными видами деятельности. Их готовая продукция, услуги, в основном вывозятся за пределы поселения. То есть, сектор с условно-переменными элементами работает на внешние рынки, расположенные вне поселения, в пределах других поселений. При этом сам сектор с условно-переменными элементами образует внутренний рынок производственных товаров – он потребляет сырье, исходные ресурсы, услуги, необходимые для его функционирования и развития. Определенное потребление производственных товаров осуществляет и сектор с условно-постоянными элементами (сырье, энергия, нефтепродукты, расходные материалы и т.п.). Это также включается во внутренний рынок производственных товаров и услуг. Одновременно оба сектора формируют локальный рынок труда в поселении.

Кроме того, к элементам условно-переменного сектора следует отнести учреждения науки, образования, культуры, управления и др., услуги и функции которых выходят за границы данного поселения. В качестве необходимых и обязательных структурных элементов в каждом из вышеназванных структурных звеньев следует выделять и оценивать природно-ресурсные компоненты узла (линейного звена и т.п.). Во-первых, это соответствующая территория размещения предприятия, транспортного звена, поселения и т.п., как важнейший и всеобщий ресурс. Во-вторых, водоемы с водозаборами и водопроводами, лесные насаждения, в том числе в пригородах, сельскохозяйственные угодья, в том числе под садово-огородными участками жителей поселения, карьеры для

добычи стройматериалов и т.п. В общем, каждый узел, так или иначе, добывает, изымает из природы и использует несколько видов природных ресурсов. Кроме того, выделяются участки, зоны природной среды, куда выводятся в той или иной мере прошедшие очистку отходы производства, хозяйства, в том числе жилищно-коммунального. Сюда же следует отнести и санитарно-защитные пояса вокруг отдельных предприятий и поселений. В целом – это звено (несколько звеньев) природопользования, формирующееся в пределах поселения и его окружения. Их отдельные пространственные сочетания образуют звенья ресурсно-экологической структуры (1, 2 и др.).

Каждый элемент любого структурного звена, как и территориальной системы в целом, может быть описан системой различных параметров, количественных показателей.

При структуризации и изучении территориальных социально-экономических систем важно определить, как изменение одного элемента в том или ином структурном звене может повлиять на другие. Варианты подобных взаимосвязанных изменений могут охватывать элементы одного узла (поселения) и распространяться на другие узлы (поселения) – прежде всего в структурных звеньях 1-го порядка, а затем – и в других. Тем самым может быть выявлена реальная или возможная, потенциальная связанность и взаимообусловленность в структурных звеньях системы.

Именно поэтому региональное развитие, рассматриваемое на уровне территориальных социально-экономических систем, позволяет полнее и содержательнее охватить реальные или прогнозируемые изменения, идущие, например, от отдельных инвестиционных проектов, отдельных экономических центров, поселений. Соответственно в пространственно рассредоточенной форме оценивается и роль географических факторов – как вторичных, так и первичных. Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия пространственные факторы регионального развития стали все более учитываться в зарубежных экономических и географических исследованиях. Более того, постулирование учета пространственных факторов в моделях экономического роста в районе или отдельной фирме привело к появлению « новой экономической географии». Однако, во-первых, пространственные факторы в региональных исследованиях чаще всего вводятся в виде 2-ух – 3-ех дискретных уровней (районные и локальный), а, во-вторых, даже в «новой экономической географии» очень мало собственно географической составляющей [10], а географические факторы регионального развития вообще не рассматриваются.

При нашем подходе обязателен учет географических факторов и их воздействия через структуры географического пространства на структуры территориальных социально-экономических систем. В отдельных элементах территориальных систем в процессе их динамики часто появляются и существуют резервная часть неиспользуемых мощностей, незанятые трудовые ресурсы, в том числе и в виде безработных, резервная провозная способность в транспортных звеньях. Все подобные излишки, резервы, не загруженность мощностей в отдельных элементах и структурных звеньях названы нами элементами потенциальной структуры (1, 2 и др.). Как показывают научные исследования и практика территориального развития, наличие элементов потенциальной структуры в условно-постоянном секторе узлов и в линейных элементах способствует агломерационному эффекту, росту, развитию как условно-постоянного, так и условно-переменного секторов в крупных узлах. Наличие элементов потенциальной структуры в условно-переменном секторе – способствует росту, развитию различных связанных с ним элементов других узлов. Кроме того, отдельные элементы условно-переменных секторов обладают и свойством потенциальных структур в связи с возможностью переориентироваться своей продукцией и услугами на другие связи и внешние рынки. Такие возможности усиливаются в условиях роста конкуренции и конкурентоспособности. Установление подобной потенциальной структуры в территориальных социально-экономических системах имеет большое практическое значение, так как позволяет заранее определять и оценивать возможные варианты структурных перестроений в различных узлах, линейных элементах и звеньях. В конечном итоге все это проявляется и в региональном развитии и позволяет полнее оценивать его варианты.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Пространственные системы производства (микроструктурный уровень анализа и управления). – М.: Наука, 1986. – 150 с.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007. – 239 с.
3. Бакланов П.Я. Территориальные природно-ресурсные системы // Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков: в 3 т. Т.2. Природные ресурсы и региональное природопользование. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 560 с.
4. Бакланов П.Я. Представления о территориальных социально-экономических структурах // Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX и XXI веков. Т. III, Территориальные социально-экономические структуры. – Владивосток: Дальнаука, 2012. – С. 11–35.
5. Бакланов П.Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Изв. РАН. Сер. географич. – 2013. – № 5. – С. 7–18.
6. Бакланов П.Я. Структуризация территориальных социально-экономических систем // Вестник Моск. ун-та. Сер 5. География. – 2013. – № 6. – С. 3–8.
7. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 168 с.
8. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков: в 3 т. Т.2. – Природные ресурсы и региональное природопользование. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 560 с.
9. Глазырин М. Системные факторы регионального развития // Экономист. – 2013. – № 6. – С. 90–96.
10. Куричев Н.К. Новая экономическая география: взгляд экономико-географа // Региональные исследования. – 2011. – № 4. – С. 3–16.
11. Лаженцев В.Н. Территориальное развитие: методология и опыт регулирования. – СПб: Наука. 1996. – 109 с.
12. Мошков А.В. Территориально-производственное комплексообразование на Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 156 с.
13. Романов М.Т. Территориальная организация хоз-ва слабо освоенных регионов России. – Владивосток, Дальнаука, 2009. – 318 с.

Гладкий А.В. (Киев, Украина)

СУЩНОСТЬ АГЛОМЕРАЦИОННОГО ЭФФЕКТА ТЕРРИТОРИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРИБЫЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Gladkey A.V.

THE ESSENCE OF AGGLOMERATION'S EFFECT AND THEIR INFLUENCE ON ECONOMIC EFFICIENCY OF ENTERPRISES' REGIONAL DEVELOPMENT

Аннотация. *Рассмотрена сущность агломерационного эффекта территории. Раскрыта его компонентная структура, проведен анализ отдельных составляющих (природноресурсных, экономических, расселенческих, управленческих). Определены основные предпосылки формирования агломерационного эффекта. Раскрыты составные части агломерационного эффекта территории: природно-ресурсная, экономическая, коммерческая, материально-бытовая, культурно-образовательная и научная. Выделены их положительные и отрицательные стороны. Охарактеризованы основные преимущества и недостатки функционирования агломерационных образований. Раскрыто влияние агломерационного эффекта на прибыльность регионального развития предприятий.*

Abstract. *The essence of agglomeration's effect is disclosed. The component structure of agglomeration effect and its different units (natural resources usage, economic development, settlement structure as well as regional management activities) are investigated. The basic components of agglomeration effect as well as their positive and negative influence on the territory are researched. There are: natural-resource components, economic, commerce, material-domestic, cultural as well as educations components. The general preconditions of their development are defined. The influence of agglomeration's effect on economic efficiency of enterprises' regional development is explored.*

Ключевые слова: *агломерационный эффект, региональное развитие, экономическая эффективность, прибыльность размещения.*

Keywords*: agglomeration effect, regional development, economic efficiency, location profit.*

Вопросы формирования агломерационного эффекта территории являются одними из наиболее дискуссионных и недостаточно изученных в общественной географии. Несмотря на то, что основы изучения вопроса были заложены еще в трудах И. фон Тюнена, А. Вебера и А. Леша и развиты в работах выдающихся западных экономистов

(А. Маршалл, В. Хендерсон, П. Кругман, М. Фуджита, Ж.-Ф. Тисс), а также украинских и российских географов (М.М. Паламарчук, Н.Т. Агафонов, С.И. Ищук, А.Е. Пробст, Л.М. Корецкий, М.Д. Шарыгин и др.), проблема подбора показателей и критериев определения агломерационного эффекта производства остается актуальной.

Известно, что в среде промышленных городских агломераций формируется значительный социально-экономический эффект развития хозяйства. По мнению ряда ученых, он проявляется в условиях ограниченности земельных ресурсов и высокой сосредоточенности человеческой деятельности, которые обеспечивают дополнительные конкурентные преимущества размещения производства [11]. Этот эффект приводит к сокращению затрат времени и различных материальных средств на производственный процесс, улучшение сервиса и инфраструктурного обслуживания, широкого применения информационных ресурсов и инноваций, эффективного использования рыночных механизмов развития и т.д. [2].

Основы подобного видения (за исключением рыночных и информационных составляющих) были заложены в отечественной науке еще в советское время, когда агломерационный эффект связывался с технологическим и инфраструктурным сочетанием ряда предприятий вокруг ведущего производственного процесса или энергопроизводственного цикла [1, 3, 6]. В результате такого комплексообразования возникала эффективная форма функционирования различных предприятий в рамках одного или нескольких энергопроизводственных циклов, верхние звенья которых были размещены в ядре агломерации (промышленного узла), а низкотехнологичные, сырьевые и энергетические – в периферийной зоне. При таких условиях, различные предприятия хозяйственного комплекса развивались эффективно и сбалансировано, получая преимущества от тесных, многосторонних, взаимовыгодных связей, совместного использования территории и ресурсов, инфраструктуры, научно-технической базы и т.д.

Эффективность подобного комплексирования снижалась из-за отсутствия конкурентной среды, несамостоятельности отдельных заводов и фабрик в вопросах выпуска продукции, выбора поставщиков и партнеров и формировании рынков сбыта. В рыночных условиях устоявшиеся связи предприятий и плановые основы производства нарушаются в результате развития новых факторов экономического роста, ведущими из которых являются формирование коммерческой прибыли, рыночная конкуренция, минимизация затрат и себестоимости продукции, оптимизация производственных, технологических и снабженческо-сбытовых связей, использование природных и земельных ресурсов, которые получили свою рыночную стоимость, и т.д. [5, 9, 16].

С развитием рыночной экономики сущность проявления агломерационного эффекта меняется. Нарушаются искусственно созданные связи в рамках энергопроизводственных циклов, устраняются нерациональные производственные отношения между предприятиями, возникают новые формы их территориального сосредоточения. Происходят значительные изменения в области прав собственности, разгосударствления и приватизации, формируется рынок земли и рентные отношения. Соответственно, появляются новые принципы развития промышленных предприятий, ориентированных не на технологическую взаимосвязанность и производственной кооперации, а, прежде всего, на получение максимальной коммерческой прибыли. Все это приводит к тому, что агломерационный эффект от размещения промышленных предприятий начинает формироваться на основе двух ведущих рыночных свойств агломераций [11, 12, 14].

С одной стороны, он возникает за счет повышения уровня обеспеченности отдельных предприятий земельными и трудовыми ресурсами с удалением от центрального ядра (а также их удешевления) одновременно с поддержкой достаточно высокого уровня инженерного обслуживания производства и качественного состава промышленно-производственного персонала в периферической зоне агломерирования. С другой стороны, агломерационный эффект поддерживается в пригородной зоне в результате высокой приближенности промышленных предприятий к быстрым и надежным линиям коммуникаций и качественным системам связи, а также в результате приближенности и тесному взаимодействию с центральным ядром, которое выступает своеобразным средоточием

концентрации высших этажей коммерчески-ориентированных предприятий сферы услуг, деловой, бизнесовой и финансовой активности, средой распространения научно-технических инноваций, современных информационных систем, рыночной инфраструктуры, международной активности и высокоемкого рынка сбыта готовой продукции [4, 7, 15].

Для углубленного анализа сущности и характера проявления агломерационного эффекта рассмотрим отдельные его составные части (табл. 1). Природно-ресурсная составляющая агломерации выступает своего рода субстратом эффективного развития производства на основе дифференциации рентной стоимости земли и других элементов природной среды [2]. Так, в предыдущих исследованиях было установлено, что стоимость земельных участков с профилирующей индустриальной функцией снижается с удалением от исторического ядра и центральных поясов агломерации (где сложилась монопольная земельная рента), а эффективность промышленного производства растет ввиду уменьшения рентных затрат и достаточно высокого уровня прибыльности размещения предприятия [2, 9]. Соотношение между стоимостью земли и экономической отдачей от размещения предприятий достигает оптимального уровня в агломерированных поселениях второго порядка, приближенных к радиальным транспортным магистралям, а минимума – в ближайших к ядру и замыкающих населенных пунктах [8]. Предприятия срединных территорий агломерации обладают относительно дешевыми и доступными земельными ресурсами, а также находятся в непосредственной близости от центра деловой активности – большого города. Благодаря действию ряда общественно-географических закономерностей в центре агломерационных образований активно развиваются модульные наукоемкие производства [5], а на периферии – более крупные предприятия, требующие привлечения значительных территорий, дешевых природных и трудовых ресурсов.

На основе специфического влияния природно-ресурсного потенциала формируются экономическая и коммерческая составляющие агломерационного эффекта, которые сводятся к получению дополнительной выгоды от размещения и функционирования предприятий. Она проявляется в территориальной приближенности последних к среде повышенной деловой активности и одновременного нахождения их на территориях с низкой земельной рентой и богатым природным и трудоресурсным потенциалом (за счет урбанизации) [9].

Соответственно, вследствие агломерированного размещения, сокращаются затраты предприятий на технологические инновации, рыночную инфраструктуру, транспорт и связь, растет осведомленность владельцев в событиях деловой и бизнес жизни, повышается конкурентоспособность продукции, растут объемы рынков сбыта [5].

Значительную роль в формировании агломерационного эффекта играют показатели развития отраслей социального обслуживания. Так за счет формирования высокого уровня жизни людей и их активной жизненной позиции, за счет сосредоточения передовых учреждений образования, науки, культуры, искусства агломерационные образования характеризуются повышенной привлекательностью для проживания различных слоев населения и широкими возможностями реализации диверсифицированных потребностей в работе [6]. Также, агломерации предоставляют широкие, уникальные возможности для развития личности, поддержки ее интеллектуальных и творческих способностей. То есть в их пределах создается высоко комфортная социальная среда для наиболее полной реализации человеческого потенциала, а не только чрезмерно гипертрофированная и экономически неоправданная социальная инфраструктура, как утверждал ранее ряд авторов [1, 6].

Урбанизированный характер расселения в агломерации способствует более широкой реализации продукции на рынке товаров и услуг, что создает дополнительную выгоду для товаропроизводителей. Процессы концентрации населения в агломерационных образованиях регламентируются высокой стоимостью земли и жилья в ядре агломерации, гипердинамизмом и экологическими осложнениями в городской среде и, соответственно, благоприятными условиями для проживания в городах периферийной зоны (при условии устранения основных причин маятниковых миграций). Уровень обслуживания в центральных и периферийных поясах агломерации, благодаря распростра-

Таблица 1

Формирование агломерационного эффекта территории

Составные части эффекта	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Природно-ресурсная	Широкие возможности вовлечения природных ресурсов, перераспределение профильной структуры и уровня прибыльности предприятий в зависимости от стоимости земли и земельной ренты	Ограниченность земли и природных ресурсов, которые порождают монопольную земельную ренту в ядре и предопределяют неравномерность хозяйственной деятельности
Экономическая	Рост экономической эффективности хозяйствования, дополнительная коммерческая выгода от размещения и функционирования предприятий различной специализации (с высоким уровнем отраслевого разнообразия), широкое привлечение финансовых ресурсов, инвестиций и банковских активов	Высокий уровень конкурентности среды, ограниченный доступ к экономическим ресурсам развития
Коммерческая	Рост доходов предприятий в результате территориальной близости к рынкам сбыта и ячеек финансовой и деловой активности, высокая инновационность и коммуникативность предприятий	Рост стоимости земли и недвижимости, природных ресурсов и рабочей силы, инженерно-технического обслуживания
Материально-бытовая	Формирование высокого уровня жизни людей и максимально полного удовлетворения их жизненных и духовных потребностей, увеличение физического капитала	Унификация жизни, стандартизация услуг, которая вызывает недостаточное внимание к потребностям личности
Культурно-образовательная и научная	Развитие передовых учреждений системы образования, формирование очагов прикладной высоко инновационной науки – технополисов, технопарков и т.д.	Чрезмерная концентрация культурно-образовательных и научных учреждений приводит к формированию депрессивных регионов за пределами агломераций
Инфраструктурная	Развитие современных объектов производственной и социальной инфраструктуры, соответствующих требованиям экономичности и экологичности	Перегруженность объектов инфраструктуры, высокие операционные затраты на их поддержание в рабочем состоянии и на деятельность социальных служб
Расселенческая и демографическая	Значительная урбанизация и распространение городского образа жизни, которые способствуют формированию высоко коммуникативной среды, развитию предпринимательской инициативы, распространению высоких стандартов жизни	Гиперконцентрация населения, которая приводит к распространению деструктивных процессов и явлений. Сокращение естественного прироста, депопуляция
Трудоресурсная	Значительная профессиональная дифференциация трудовых ресурсов, рост их квалификации, широкие возможности самореализации за счет процессов урбанизации, высокое развитие социального капитала	Нерациональные маятниковые миграции, высокая конкуренция на рынке труда, широкая дифференциация заработной платы, рост спроса на низко квалифицированную рабочую силу
Экологическая	Оптимизация системы природопользования и комплексная переработка отходов	Обострение экологических проблем в результате чрезмерной концентрации производственных мощностей
Управленческая	Концентрация управленческих ресурсов, разработка планов и проектов социально-экономического развития территории, генеральных планов развития городских поселений	Усложнение системы управления, низкий уровень взаимосвязанности различных ветвей власти, рост бюрократии и коррумпированности

Составлено автором.

нению коммерческих предприятий социального комплекса, в наше время стремительно выравнивается [3, 6].

В сфере расселения населения и формирования трудоресурсного потенциала агломерационной эффект проявляется в высокой скорости протекания общественных процессов, в формировании среды высокой социальной, предпринимательской и деловой активности, которая формируется благодаря распространению урбанизации и городского образа жизни, а также благодаря широким возможностям выбора мест приложения труда. В агломерационных образованиях формируется высоко-диверсифицированное общество потребительского типа, растет профессиональная разветвленность работников, повышается уровень их квалификации и образования, увеличиваются показатели оплаты труда и требования населения к стандартам жизни. Все это активизирует экономические процессы развития промышленного производства агломерации, а также стимулирует адекватный запросам населения рост уровня обслуживания в учреждениях социального комплекса, придает им индивидуально-личностный характер.

И, наконец, агломерационные образования характеризуются сложностью системы природопользования и обострением экологических проблем. Высокая сосредоточенность различных промышленных предприятий, перегруженность транспортных коммуникаций, значительный уровень антропогенной нагрузки в пределах урбанизированных территорий определяют низкое качество природных условий проживания людей и рост концентрации вредных веществ в урболандшафтах.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, одним из основных условий формирования агломерационного эффекта территории становится разработка эффективной системы социально-ориентированного, экологически обусловленного регионального менеджмента, подкрепленного конкретными действиями органов управления на местах. Их деятельность, направленная на разработку детальных научно обоснованных планов и проектов комплексного социально-экономического развития территории, генеральных планов развития городских поселений особенно важна для устранения ряда отрицательных черт функционирования крупных агломерационных образований, которые заключаются в гиперконцентрации населения, наличии нерациональных маятниковых миграций, монопольном росте стоимости земли и природных ресурсов, росте стоимости жизни, ограниченном доступе отдельных людей и организаций к экономическим факторам развития, в засилье бюрократии и коррумпированности власти, обострении экологического кризиса.

На формирование агломерационного эффекта территории влияет целый ряд предпосылок и факторов. Ведущими из них, как показали предварительные исследования, является природно-географические, расселенческие, социально-инфраструктурные и коммуникационные [9, 12]. Как известно, специфические природные условия и ресурсы территории могут выполнять стимулирующую и ограничивающую роль в развитии и формировании агломерационных образований. Так земли, богатые полезными ископаемыми, притягивают к себе значительные финансовые, производственные и трудовые ресурсы, что стимулирует бурное развитие добывающих отраслей хозяйства, на основе которых возникает разветвленный производственный комплекс преимущественно сырьевой и энергетической ориентации. Эти процессы сопровождаются, как правило, стихийной урбанизацией (характерной чертой которой является низкий уровень благоустройства и урбанистической культуры), механическим (т.е. основанным на сырьевых и финансовых потоках и снабженческо-сбытовых связях, а не на общественном прогрессе) ростом коммуникативности среды, повышением темпов экономической жизни.

В регионах, богатых полезными ископаемыми, происходит упрощение механизма формирования агломераций. Их развитие носит преимущественно односторонний узкопрофильный характер, основанный на эффекте масштаба и концентрации низкотехнологичных добывающих отраслей хозяйства. Глубинные структурные основы агломерационного эффекта (прогрессивность и международная ориентированность предприятий, отраслевое разнообразие, сложные рентные отношения, значительная дифференциация трудовых ресурсов, высокие стандарты жизни людей и разнообразие путей самореализации их потенциала) в

промышленных агломерациях такого типа воспроизводятся слабо.

Примером лимитирующего проявления природно-ресурсных факторов является также наличие естественных барьеров на пути сбалансированного развития центрального ядра и периферийной зоны агломерации. По утверждению ряда авторов, агломерационный эффект оптимально развивается в условиях формирования радиально-кольцевого опорного каркаса территории и наличия рациональной сети центро-периферийных связей [1, 2, 9]. Линейное (вдоль естественных барьеров) или приморское расположение урбанизированных зон значительно ослабляет их совокупный агломерационный эффект, поскольку нарушается эффективность связей между отдельными центрами, возникают диспропорции в перераспределении механизмов формирования прибыли, меньшим становится совокупный потенциал поля расселения.

Для формирования полноценного агломерационного эффекта необходимо, чтобы выполнялся ряд требований к системе расселения населения территории. Прежде всего, они заключаются в высоком уровне урбанизации, распространении городов и городского образа жизни. Большой город (ядро агломерационных процессов) должен развиваться в окружении высоко урбанизированных периферийных территорий, которые могут быть представлены как крупными, так и малыми городами. Их функциональная взаимосвязь и взаимная дополняемость имеют определяющее значение для формирования агломерационного эффекта территории. Поэтому нельзя поддержать мнение ряда авторов [6, 8] о существовании «промышленно-городских» агломерационных образований вокруг крупных городов с низкоурбанизованой пригородной зоной. Поселения таких пригородных территорий характеризуются низкой способностью к усвоению, распространению и адаптации влияния ядра, что существенно тормозит процессы активизации рыночных сил, предпринимательства и конкуренции, уменьшает инвестиционную привлекательность территории, негативно влияет на рынок рабочей силы, затрудняет процессы производственного комплексирования и кооперирования. В такой среде нет присущих агломерации высоких показателей коммуникативности и социальной контактности, конкурентности и деловой активности, нет широкого использования различных коммерческих и экономических ресурсов. Следовательно, не происходит рост экономической эффективности хозяйствования, не воспроизводится полностью дополнительная коммерческая выгода от размещения и функционирования предприятий.

Согласно предварительным исследованиям, в ядре агломерационных образований обязательно должен развиваться крупный (преимущественно миллионное) многофункциональный город [2, 3, 11]. Чем больше численность его населения и экономический потенциал, тем больший территориальный простор имеет агломерационная зона и тем более сильный агломерационный эффект формируется в ее пределах [3]. Большой город в ядре локальной системы концентрирует разнообразную человеческую деятельность, делая ее высокодоходной и общественно значимой. Также он обусловливает высокую интенсивность протекания общественных процессов, формирования урбанистической культуры поведения людей и активной жизненной позиции. Ослабленность или отсутствие четко выделенных ядер урбанизации прямо сказывается на формировании низкого агломерационного эффекта территории.

Коммуникационные предпосылки агломерационного эффекта обусловливают возникновение специфической среды высокой социальной контактности и комплиментарности, которая сформировалась на основе выгодного общественно-географического положения и развития системы транспортных магистралей и связей. Благодаря последним, в пределах агломерации возникает сложный кумулятивный комплекс взаимосвязанности и взаимодополняемости различных видов человеческой деятельности, распространяется межрегиональная интеграция и специализация, происходит широкое распространение информационных ресурсов, активизируются процессы общественных отношений [5]. Развитие транспорта и связи стимулирует диффузионные процессы между ядром и агломерированными поселениями, усиливает взаимосвязанность и взаимозависимость территорий и предприятий, определяет интенсивность внедрения рыночных механизмов хозяйствования.

Агломерационный эффект определяется как некая пространственная синергия, которая сформировалась в пределах большого города и его пригородной зоны на основе использования земельных и других природных ресурсов территории, урбанизированной концентрированной системы расселения и плотной сети коммуникаций [4]. Промышленные предприятия агломерации получают преимущества своего функционирования, заключающиеся в получении дополнительной прибыли от использования свойств агломерирования. Синергетический эффект отличается от агломерационного отсутствием в его системе процессов распределения элементов на центральные и периферийные с соответствующей системой связей и функций. Детальный анализ особенностей проявления и экономической оценки влияния агломерационного эффекта на прибыльность отдельных предприятий локальных территориально-производственных комплексов является перспективной задачей для дальнейших исследований в этом направлении.

Библиографический список

1. Важенин А.А. Влияние смены закономерностей расселенческих процессов на характеристики систем расселения // Региональные исследования. – 2006. – № 3 (9). – С. 43–66.
2. Гладкий О.В. Наукові основи суспільно-географічних досліджень промислових агломерацій: Монографія / [наук ред. С.І. Іщук]; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. – К.: ВГЛ „Обрії”, 2008. – 360 с.
3. Грицай О. В. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. – 167 с.
4. Економіка міст: Україна і світовий досвід: Навч. посібник / Вакуленко В.М., Дехтяренко Ю.Ф., Драпіковський О.І. та ін.; За заг. ред. В. Макухи – К.: Основи, 1997. – 243 с.
5. Запотоцький С.П. Региональная конкурентоспособность: место в общественной географии // Региональные исследования. – 2012. – № 4 (38). – С. 17–23.
6. Захарченко В.І. Трансформаційні процеси у промислових територіальних системах України. – Вінниця: Гіпаніс, 2004. – 547 с.
7. Земцов С.П. Опыт выявления и оценки потенциала инновационных кластеров (на примере отрасли «Рациональное природопользование») // Региональные исследования. – 2013. – № 2 (40). – С. 12–19.
8. Костерін В. Синергетичний ефект крупних міст // Економіка, фінанси, право. – 2000. – № 4. – С. 11–13.
9. Литвиненко Р.И. Промышленные агломерации УССР и перспективы их комплексного развития // Основные направления комплексного развития регионов. – К., 1980.
10. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2005. – 168 с.
11. Шевченко В.О. Центризм та центричність в географії. – К.: Ніка-Центр, 2006. – 160 с.
12. Яськова Т.И. Пристоличный регион как реципиент кризисных явлений: взгляд на проблему сквозь призму географической теории // Региональные исследования. – 2010. – 1 (27). – С. 29–37.
13. Clark G.L., Feldman M.P., Gertler M.S. The Oxford Handbook of Economic Geography. – N.Y.: Oxford University Press, 2003. – 742 p.
14. Fujita M., Krugman P.R., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade – MIT Press, Cambridge MA, 1999. – 640 p.
15. Fujita M., Thisse J.-F. Economics of Agglomeration: cities, industrial location and regional growth. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 466 p.
16. Henderson V. How urban concentration affects on economic growth? // The World Bank development research group. – N.Y., 2000. – 27 p.

Гонтарь Н.В. (Ростов-на-Дону)

РЫНОЧНЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КАПИТАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ[1]

Gontar N.W.

MARKET AND STATE MECHANISMS OF TERRITORIAL CAPITALIZATION

Аннотация. *Статья посвящена анализу понятия капитализации территории. Предложена модель капитализации территорий с учетом специфики закономерностей организации капитала и неравноценного значения для капитализации рыночного процесса и административного распределения ресурсов. Обосновано различие потенциала капитализации для разных типов территорий. Обозначены направления повышения территориальной капитализации в условиях России.*

Abstract. *Article is devoted to the analysis of concept of capitalization of the territory. The model of capitalization of territories taking into account specifics of regularities of the organization of the capital and unequal value for capitalization of market process and administrative distribution of resources is offered. Distinction of potential of capitalization for different types of territories within political process of distribution of resources is proved. The directions of increase of territorial capitalization in the conditions of Russia are designated.*

Ключевые слова. *Территориальная капитализация, государственные инвестиции, рынок, пространственная организация, территориальные социально-экономические системы.*

Key words. *Territorial capitalization, state investments, market, spatial organization, territorial social and economic systems.*

Введение. Проблематика капитализации территории анализируется в контексте поиска долгосрочных стратегий позиционирования стран и регионов в условиях глобального перераспределения геоэкономических статусов и влияния. Потребность в выявлении значимых механизмов данного процесса обусловливает внимание к территориальной капитализации, которая может характеризоваться одновременно как инструмент, результат и индикатор формирования позиций территорий в многоуровневой системе распределения экономического и политического влияния.

Понятия и определения. Уточняя содержание понятия капитализации, подчеркнем, что соответствующие трактовки должны быть ориентированы на выявление актуального статуса территории в центро-периферийной структуре. Многочисленные источники трактуют территориальную капитализацию как «стоимость» территории (её ресурсов, локализованных в её пределах бизнесов, активов) [12, 21]. Также имеет место тенденция рассматривать территорию как своего рода «машину по производству прибыли»: так, С. Чернышёв говорит о капитализации как систематической деятельности по превращению всех без исключения ресурсов, фондов и активов в работающий капитал [21]. С этой точкой зрения согласуется и позиция других авторов [8, 12].

Однако задача выявления глубинных процессов формирования статуса территории делает существенно более значимым для оценки капитализации состояние институциональной среды территорий. Причина этого лежит в важности не столько обладания производственными активами, сколько управления процессами производства и обращения в условиях возрастания мобильности ресурсов и капитала [16]. При этом важно отметить своего рода положительную обратную связь, которая проявляется в концентрации капитала в наиболее капитализированном регионе, так как активы стекаются туда, где их стоимость максимальна. Здесь можно упомянуть перемещение специалистов из периферии в центр, что автоматически повышает стоимость их рабочей силы; выведение ценных бумаг эмитента на основные фондовые биржи мира, что, как правило, ведет к росту цены данного актива [10]. Выгоды мобильности при этом чувствуют именно капитализированные регионы, тогда как для остальных мобильность трудовых ресурсов ведет к отъезду в те края, где общество озаботилось отстроить институты, позволяющие эти ресурсы капитализировать [21].

[1] Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Проект № 13-02-00122.

Отсутствие эффективных институтов ведет к недокапитализированности» территорий, которые, как следствие, не способны удерживать капитал и население, а их предприятия не могут сохранить кадры [14]. Следствие такой ситуации – и бесперспективность «накачивания» депрессивных территории ресурсами, которые, в силу упомянутой мобильности, мигрируют туда, где могут быть капитализированы.

Глобальная мобильность способствует тому, что все формы капитала, включая человеческий и социальный, перемещаются в области с наибольшей капитализацией, а все формы деятельности – в области с наименьшей капитализацией [там же]. Как следствие, имеет место развитие третичного и четвертичного секторов в «первом» мире, а вторичного – в новых индустриальных странах [6]. При этом в ядре глобальной экономики, играющем роль совокупной метрополии, концентрируются новые компетенции и финансовые технологии управления [21].

Вместе с тем, разделение сфер влияния двух глобальных полюсов основано на неформальном согласии мировых субъектов относительно безотказного функционирования в общемировом масштабе свобод перемещения капитала, товаров и услуг, информации, людей, а также на всеобщем соблюдении определенных договоренностей, наиболее важная часть которых – распределение функций в части выработки и исполнения «правил игры». Правила (стереотипы, нормы, стандарты, регламенты, понятия, проекты и программы) – один из наиболее важных продуктов для современной экономики. При этом прибыли от эмиссии правил оказываются выше, чем любые другие прибыли, потому что без правил капитализации невозможна капитализация как таковая. Правила (знаковые конструкции, то есть стереотипы, нормы, стандарты, регламенты, понятия, проблемы и программы) есть знакоткань, в пространстве которой существует капитал [13]. Данная закономерность реализуется как на глобальном, так и на национальном уровне, где выработка правил также обеспечивает дивиденды, не сопоставимые ни с какой иной формой активности.

Ключевым аспектом формирования статуса, предопределяющим капитализацию территории, является институциональная среда: выработка правил для широкого круга акторов процесса опирается на наличие в условном территориальном «ядре» такого ресурса как институты. Четкая «работа» последних, с одной стороны, обеспечивает капитализацию самих таких территорий (и повышает капитализацию устремляющихся сюда активов), с другой – формирует паттерны поведения для периферийных систем. В случае же последних речь идет не только о низком качестве институтов, но также и о таком их состоянии, которое не позволяет институциализировать ресурсный потенциал, примеры чего детально исследованы Э. де Сото [18]. Следствие несовершенных институтов – недооценка активов: разница капитализации (как стоимости), например, российских и норвежских национальных ресурсов составляет семь раз (не в пользу России); гектар пахотной земли в российском Поволжье стоит в пять раз дешевле, чем в польской Силезии, и в двадцать пять раз меньше, чем в Нидерландах [21].

С учетом отмеченных фактов, территориальная капитализация может трактоваться как исторически накопленный в ходе экономического и институционального развития «вес» территории в выработке правил оценки ресурсов и активов и формировании способов их капитализации.

Подходы к оценке территориальной капитализации. Основная часть сложившихся сегодня подходов к оценке капитализации территории основывается на понятии капитала в различных его формах. Так, в [12] подчеркивается, что комплексные методики оценки совокупного регионального капитала отсутствуют, но приблизительная стоимостная оценка отдельных его видов возможна на основе суммирования показателей капитала: созданного человеком (техногенного), человеческого (квалификация, знания, опыт) и природного (экологического). Однако один и тот же вид активов территории может быть оценен по-разному в зависимости от сферы его приложения.

Вовлечение в расчеты капитализации валового продукта предлагается в [1], где капитализация активов территории определяется как сумма будущих ВРП, приведенная к настоящему моменту. Однако, например, Н.М. Межевич указывает на недостатки оценки капитализации территорий посредством ВРП в силу его значительной теневой составляющей, и отдает предпочтение

оценке капитализации как рыночной стоимости материальных, трудовых, пространственных и культурных ресурсов [9].

Оценка капитализации на мезоуровне на основе стоимостей зарегистрированных на территории компаний упоминается в [20]. На неё же опирается В.В. Арабкин, говоря, что все виды капиталов свое стоимостное выражение получают через экономический капитал (индикаторы валовой прибыли региона и накоплений основного капитала). Инструментом соответствующих оценок является, например, анализ показателей капитализации локализованных в регионах России компаний списка «Эксперт-200». О.Г. Дмитриева рассматривает капитал территории как сумму техногенного, природного и человеческого капиталов с учетом прибыли после налогообложения, амортизации, неналоговых доходов, налогов и заработной платы [9].

Для оценок капитализации на национальном уровне Р. Бреннер [4] указывает на важность индикатора совокупной рыночной стоимости (биржевой стоимости акций и объема задолженности) частных корпораций страны, к чему следует прибавить биржевую стоимость государственных облигаций. При этом самым надежным индикатором является изменение рыночной стоимости ценных бумаг, измеряемой в золоте.

Стоимостные подходы к измерению капитализации смыкаются с методиками оценок «национального богатства», для оценок которого используется Система национальных счетов либо (по версии Всемирного банка) стоимость природного капитала, произведенных активов и человеческого капитала [23]. Соответствующие оценки Росстата ориентируется на концепцию СНС ООН, но практически при оценке национального богатства России учитываются лишь три статьи: основные фонды, материальные оборотные средства и домашнее имущество; существенная же часть активов не участвует в расчетах в силу проблем подсчета показателей, недоступности или секретности исходных данных [16].

В 2002 г. специалисты Института экономики РАН оценили национальное богатство России по методике ВБ в 60 трлн долл. (причем по индикатору душевого человеческого капитала Россия оказалась сопоставима с наиболее развитыми странами). В альтернативных исследованиях [17] «стоимость» страны определена как сумма дисконтированных доходов отдельных отраслей. По результатам таких расчетов стоимость экономики России на нач. 2003 г. оценивалась примерно в 33,6 трлн долл.

Суммарная стоимость 200 крупнейших по капитализации компаний РФ в 2013 г. составила более 22 трлн руб. (более 671 млрд долл.); на первые 5 компаний списка с капитализацией более 1 трлн руб. пришлось ок. 45% суммарной капитализации, а на 20 крупнейших – 80% [19].

Оценивая подходы к измерению территориальной капитализации, отметим лишь частичное их соответствие предложенному нами подходу к капитализации как накопленному территориями «весу» в формировании «правил игры», что одновременно обуславливает характер и результат самой капитализации. Кроме того, неустранимыми видятся и проблемы стоимостного подхода: оценка для одной и той же территории может существенно разниться при трансформации институциональной среды, изменении спектра и характера использования и позиционирования ресурсов. Сами такие оценки на национальном уровне в целом служат отражением привлекательности соответствующих юрисдикций, но они сталкиваются с проблемой интертерриториализации компаний (последние невозможно «приписать» к какой-то определенной территории). В целом, таким образом, более точной оценкой видится сочетание количественных измерений с исследованием качественных параметров институциональной среды в части формирования условий капитализации как таковых.

Предпосылки формирования модели территориальной капитализации. Для анализа механизма капитализации при этом следует учесть характер и принципы формирования территориями-лидерами «правил игры». Прежде всего, следует отметить историчность процесса метрополизации, что не позволяет отнести выработку соответствующих «правил» лишь к деятельности современных правительств. Также особенностью рассматриваемых «правил» является их адекватность потребностям не отдельного сектора экономики (упадок которого пресек бы наследование завоеванного статуса) или социальной группы, а запросам максимального числа экономических агентов и общества в целом. Условием формирования и

накопления статусов (капитализации территории) явилось выстраивание эффективных условий рыночного взаимодействия, чему сопутствовала и концентрация материальной базы процесса (производственных активов). Основой метрополизации длительное время служило становление институциональной среды посредством выстраивания системы правил, генерируемых добровольными, соглашениями. При этом свободная конкуренция ареалов локализации наиболее эффективных институтов вела к географической миграции статуса метрополии, вместе с тем формируя «пул» наиболее продвинутых территориальных систем (в рамках этого процесса Ф. Бродель указывал на переход глобального центра мира-экономики в XX в. от Лондона к Нью-Йорку [5]).

Наращивание значимости государства путем постепенного замещения рыночных институтов государственными (формирование вместо частных – центральных банков, вместо полного – частичного банковского резервирования, вместо золотого стандарта – фидуциарных средств обмена, вместо частной благотворительности – централизованной системы социального страхования, навязывание правил регулирования рынков труда, цен и объемов товарного производства) вело к постепенному повышению роли государства, в том числе в процессах территориальной капитализации.

Анализ влияния государства на процесс капитализации основан на учете ряда фактов. Так, в нач. XX в. Ф. Оппенгеймер обращал внимание на различие двух способов удовлетворения потребностей человека: (1) посредством производства и добровольного обмена с другими и (2) посредством насильственной экспроприации материальных ценностей у других людей [24]. Первый метод Оппенгеймер назвал «экономическим способом» удовлетворения потребностей, второй – «политическим» способом [11]. Таким образом, имеют место методы, основанные, с одной стороны, на обмене, с другой, – на распределении. Территориальные субъекты процесса капитализации могут обратиться как к тем, так и к другим методам. При этом государство «отвечает» за формирование и реализацию внерыночных процессов капитализации. Пример последнего – реализуемый государством инфляционный механизм перераспределения. Суть его кратко можно описать как появление новых финансовых ресурсов в экономике вследствие эмиссионной деятельности государства, в результате чего первые получатели вновь созданных денег могут предложить более высокую цену за ресурсы (природные, трудовые, интеллектуальные), что имеет следствием переток ресурсов туда, где за них могут быть предложены более высокие цены. Как правило, первыми получателями дополнительных (новых) ресурсов являются банки и государственные корпорации. В момент получения средств у них появляется возможность скупки активов по низким ценам, еще не среагировавшим на поступление денег в экономику. Пространственная концентрация институтов, имеющих полномочия по созданию новых денег и по принятию решений относительно их распределения, создает для территорий (центров), где такие институты локализованы, источник пополнения их активов, в том числе посредством притяжения ресурсов иных территорий (квалифицированных кадров, компаний, инвестиций). Элементом описываемого механизма являются приоритеты государства, которые образуют разновидность параллельных денег, поскольку определяют возможность получения потока, которого лишены другие субъекты [15].

Возможность получения дохода не с помощью производства, а с помощью «политических способов» лежит в основе капитализации посредством установления личного или группового контроля над аппаратом государственного управления. Государственные субсидии создают самостоятельный процесс распределения. Здесь впервые доход отделяется от торговли и производства и обретает собственное существование [там же]. Значимость «политических методов» в российской практике продуцирует неэффективность российской системы, в которой главным капиталом является властный ресурс (степень близости к людям, принимающим решения), поскольку это приводит к вырождению более перспективных разновидностей капитала (знания, умения, этика, репутация, честность) [22].

Как отмечает Дэвид Боуз, говоря о государственных приоритетах (и соответствующем субсидировании), экономисты называют этот процесс погоней за рентой или погоней за трансфертом [3], что предполагает соперничество за распределение разного

рода субсидий и льгот. Этот фактор продуцирует географическое тяготение к центрам распределения и в целом формирование центростремительных связей, ориентирующих российские регионы на неэкономический канал капитализации.

Общая характеристика модели территориальной капитализации. С опорой на приведенные выше положения можно обозначить общую формулу территориальной капитализации на основе сочетания рыночных и государственно-регулирующих компонентов. Так, территориальная капитализация является результирующей двух составляющих: рыночной капитализации и административной квазикапитализации.

Характеризуя базовые элементы общей модели территориальной капитализации, следует отметить, что рыночный процесс как поле и инструмент капитализации попрежнему с необходимостью остается её универсальным ресурсом, обеспечивая капитализацию территории в процессе создания и обмена продуктов и услуг.

Данный процесс по-разному проявляет себя в различных территориальных условиях в зависимости от спектра, возможностей использования и текущей стоимости капитальных благ, наличия востребованных рынком ресурсов, производств, состояния глобальных рынков. Однако рыночный обмен ставит всех участников в равные условия. Таковые состоят во мнении участников добровольных обменов о выгодности для них таких обменов, что и делает возможным последние.

Потенциал территориальной капитализации посредством рыночных механизмов может как сокращаться, так и возрастать. Это может происходить при изменении спектра и масштаба ресурсов и качеств территории, её производственного сектора, востребованных в качестве капитальных благ материальных и нематериальных активов. Спектр таких благ может меняться с усовершенствованием технологии, возникновением соответствующей потребности, либо, напротив, угасанием потребности в ресурсах. Роль технологий в «капитализации места» отмечал В.Л. Глазычев, приводя пример Шарм-эль-Шейха – классический пример капитализации удобного места, которую нельзя было осуществить раньше, потому что опреснение соленой воды было относительно дорого. Как только опреснение удалось включить в расходы, возник плодоносящий ареал курортного бизнеса. Лас-Вегас – классическая ситуация, где особый сервитут Невады, право на азарт плюс наличие мощного гидроузла Боулдер-Дэм дали возможность создать «локус с гигантской капитализацией» [7].

Также возрастание потенциала капитализации может основываться и на совершенствовании предпринимательской активности (её форм и направлений) как процесса удовлетворения максимального рыночного (потребительского) спроса.

Отметим, что непреложным условием реализации рыночного процесса является выработка, действие, адаптация институциональной среды, отвечающей задачам обеспечения рыночных обменов.

Второй канал капитализации, который приобрел значение со становлением масштабной перераспределительной роли государства (в том числе в рамках современной концепции welfare state) – административная квазикапитализация («политический способ», согласно Ф. Оппенгеймеру) – в той или иной мере присущ всем современным экономикам, включая как «рыночные» западные, так и российскую. Её особенность – доминирование административно-регулирующей составляющей, вносящей ограничения в рынок и формирующей свои собственные «институты». При этом реализация перераспределения в рамках данного потока базируется на изъятии ресурсов из самой экономики.

Возможность использования этого канала капитализации ограничена рамками государственных границ или квазигосударственных структур, таких как еврозона. Также, если рыночные инструменты капитализации жестко не зависит от типов территорий, то во втором случае потенциал лидирующих и зависимых территорий оказывается весьма различен. Здесь имеют место исключительно инструменты, реализуемые территориально-политическими элитами, что не всегда соотносится с реальной геоэкономической и геополитической значимостью тех или иных территорий.

Политические средства капитализации лидирующих территорий. Лидирующие территории, как правило, характеризуются новым уровнем контроля над потоками и нематериальными активами, а также высокой степенью развития рыночных институтов. Будучи универсальна для глобального уровня

анализа, данная ситуация на национальном уровне имеет свои особенности. Так, в России за более чем десятилетие сырьевого бума сформировался особый профиль инструментов капитализации, где контроль потоков ориентирован на те сферы, где, во-первых, рентный поток максимизирован, во-вторых, – он легче контролируется. Это замыкает контроль исключительно на государственном бюджете, в России формируемом более чем на 50% сырьевой рентой. Одновременно, такой контроль является более легким для российских акторов процесса по сравнению с конкуренцией на глобальных рынках.

Иным потоком, укрепляющим капитализацию лидирующих регионов России, является сверхконцентрация налогов, что отличает ситуацию от процесса рыночной капитализации. Образцом такого отличия служат ведущие метрополии. Так, если бы Токио и три прилегающие к нему японские префектуры образовали самостоятельное государство, то по объему ВВП оно бы заняло третье место в мире после США и Германии. Другой регион Японии, включающий Осаку, Киото и Кобе, оказался бы шестым после Великобритании [10]. Лидерство таких центров сформировано на основе контроля глобальных рыночных потоков и производства добавленной стоимости. В то же время Москва приближается к показателям этих центров благодаря концентрации здесь штаб-квартир крупного национального бизнеса (Газпром, Роснефть, Сбербанк, Лукойл и других) и значительной части налоговых сборов [2].

Инфляционный механизм также представляет собой значимый инструмент капитализации лидирующих территорий, где сосредоточены первые получатели эмиссионных средств, которые могут реализовать свои стратегии в условиях относительно понизившихся (для них) цен. Кроме того, здесь (как правило, в отдельных центрах) принимаются решения по поводу государственных приоритетов (форма квазиденег). Наличие институтов, сосредотачивающих такие полномочия, составляет дополнительный ресурс капитализации. Речь может идти как о локализации самих государственных приоритетов в Москве или Санкт-Петербурге, что, таким образом, замыкает потоки, так и о локализации здесь фирм и компаний, реализующих амбициозные проекты в других регионах РФ.

Ресурсом здесь является и фактическая «скупка» получившими дополнительную (эмиссионную или налоговую) подпитку территориально локализованными субъектами наиболее привлекательных активов (кадров, технологий, производственных ресурсов), которые включаются в процесс дополнительной капитализации лидирующих территорий.

Несмотря на то, что капитализация посредством «политических способов» отчасти влияет на рост капитализации в целом, она подвержена манипулированию (поскольку реализуется группами интересов) и не проходит проверку на эффективность и заинтересованность потребителей в данном объекте или услуге (индикатором чего в рынке выступает цена).

Таким образом, речь может идти о формировании своего рода самоподдерживающегося механизма капитализации. Регионы-лидеры при этом оказываются таковыми и благодаря более веским экономическим позициям, и большему весу на административном поле.

Политические средства капитализации периферийных территорий. Характеризуя спектр «политических способов» капитализации периферийных территорий, следует отметить, что для них специфика положения состоит в том, что потенциал их капитализации рыночными методами ограничен в силу как географических особенностей (удаленность, слабость транспортных связей), так и институционально-технологической отсталости, что сужает спектр возможностей включения в производственные цепочки. Одновременно позиции таких территорий в сфере политических методов также относительно слабы как по причине удаленности от центров принятия решений, так и ввиду общего устройства российского институционального поля. Как следствие, в производственной сфере ресурсом их капитализации остается узкий спектр отраслей, часто сырьевых, в политической же сфере – потенциал перенаправления в свою сторону потока субсидий, реже – государственных инвестиционных проектов.

Продуктом распределения, который можно трактовать как отчасти положительное следствие для капитализации территорий, является инфраструктурное строительство, включая социальные объекты, что способ-

но отчасти улучшать качество среды и возможность использования иных ресурсов территории (и включения их в структуру капитала). Однако такие проекты часто не соответствуют как интересам жителей, так и критериям экономической эффективности, они не возвращают контроль над наиболее ценными ресурсами (включая трудовые и финансовые).

Как следствие, капитализация зависимых территорий является предметом деятельности прежде всего на политическом поле, то есть является деятельностью элит. В то же время слабость локализованных здесь рыночных агентов не позволяет поднять на новый уровень состояние институциональной среды, которая оказывается под влиянием государственного регулирования. Эффективность рассматриваемого способа капитализации оказывается относительно невысока и концентрируется на вопросах поступления разного рода трансфертов и субсидий. Максимизация дивидендов взаимодействия на политическом поле посредством позиционирования элит территорий и самих территорий как важных элементов экономического пространства происходит посредством обмена ресурсов Центра на «ресурсы» в виде проведения «на местах» ряда значимых для страны в целом стратегий. Примеры таких стратегий – сдерживание напряженности на окраинах, приграничный форпост, трансграничный коридор взаимодействия, сохранение присутствия в удаленных регионах, инфраструктура общероссийского уровня, и другие. Однако следует отметить, что эти инструменты не являются эксклюзивными для зависимых территорий и лидеры пользуются ими также, причем более успешно.

Заключение. Основываясь на проведенном анализе, отметим, что долгосрочным действенным инструментом, который может позволить капитализации регионов России обрести более продуктивный характер, является максимальное сокращение роли «политических способов» капитализации с одновременным расширением ресурсов капитализации посредством рыночных инструментов может быть реализовано посредством:

- смены относительного положения территории (развитие тех видов деятельности, для которых не будут существенны имеющиеся ограничения, например, инфраструктурные),
- смены ценностных свойств территории (в том числе посредством развития институциональной среды),
- смены оценки качеств территории (качества, не обеспечивающие капитализацию в одной структуре капитала, могут быть включены в иные производственные и потребительские цепочки),
- развития технологий для использования ранее не использовавшихся свойств (новые отрасли и смена качества старых).

Важным фактором повышения статусов территорий как инструмента и, одновременно, результата капитализации остается состояние институциональной среды, которое напрямую зависит от баланса рыночных сил и административного регулирования, анализ чего может стать важнейшим компонентом исследования процессов трансформации пространственной организации социальных и экономических явлений.

Библиографический список

1. Алтынбаева Э. Р. Управление устойчивым развитием региона на основе капитализации активов территории. Автореф. дисс. … канд. экон наук. – Казань, 2012.
2. Аналитическая справка о поступлении администрируемых ФНС России доходов в консолидированный бюджет Российской Федерации // Сайт ФНС России. – http://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm
3. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. – Челябинск: Социум. Cato Institute, 2004. – 392 с.
4. Бреннер Р. Причины экономического роста // Сайт Свободная среда. – http://www.inliberty.ru/library/study/338/
5. Бродель Ф. Динамика капитализма (пер. с фр.). – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 128 с.
6. Бузгалин А.В., Калганов А.И. Глобальный капитал. Изд-е 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 248 с.
7. Глазычев В.Л. Капитализация пространства // Сайт В.Л. Глазычева. http://glazychev.ru/publications/articles/2004-01_capitaliz_prostr.htm.
8. Дармилова Ж.Д. Оценка экономических ресурсов региона: концепция, методология, инструментарий. – Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 158 с.

9. Капитализация регионов. Материалы семинара 3–4 октября 2003 г. – Санкт-Петербург: Фонд «ЦСР «Северо-Запад», 2003.
10. Княгинин В. Капитализация регионов // Со-Общение. – 2003. – № 6.
11. Кэллахан Дж. Экономика для обычных людей. – Челябинск: Социум, 2006. – 422 с.
12. Особенности воспроизводства регионального капитала: сущность, подходы к оценке, методы управления / Под ред. проф. Савельева Ю.В. – Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. – 210 с.
13. Островский Е. 27 декабрьских тезисов о капитализации России // Сайт Русское ревю. – 2005. – №214. http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1008&ids=117
14. Переслегин С. Капитализация будущего // Российское экспертное обозрение. – 2005. – № 2. – С. 38–41.
15. Ротбард М. Власть и рынок. – Челябинск: Социум, 2010. – 418 с.
16. Силифонкина С. В. Анализ методологических подходов к оценке капитализации территории // Молодой ученый. – 2011. – № 1. – С. 100–107.
17. Сколько стоит Россия / Под ред. И.А. Николаева. – М.: Экономика, Елима, 2004. – 400 с.
18. Сото, Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму (пер. с англ. Б. Пинскера). – Челябинск: Социум, 2008. – 408 с.
19. Список крупнейших компаний по рыночной стоимости (капитализации) на 2 сентября 2013 года // Эксперт. – 2013. – № 40 (870).
20. Цибульский В.Р., Силифонкина С.В. Методика оценки капитализации региона с использованием доходного подхода // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 20. – С.14–19.
21. Человечество вынуждено взяться за капитализацию России – с нашим ли участием либо без нас / Философ Сергей Чернышёв – о том, чего не оказалось в «Стратегии-2020» // Известия. – 2011. – 7 сентября. http://izvestia.ru/news/499748.
22. Шелин С. Наследственность, отягощенная блестящей нефтяной конъюнктурой // Российское экспертное обозрение. – 2005. – № 2. – С. 6–8.
23. Dixon A.J., Hamilton K. Expanding the Measure of Wealth // Finance & Development. – 1996. – December. – P.15–18.
24. Oppenheimer F. The State. – N.Y.: Vanguard Press, 1914. – P. 24–27.

Колчев А.Н. (Москва)

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Kolchev A.N.

APPROACHES TO ANALYSIS OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF THE BANKING SYSTEM

Аннотация. *В статье предложен оригинальный подход к экономико-географическому анализу территориальной структуры банковской системы любой страны. Рассмотрена зависимость территориальных структур трех основных типов кредитно-финансовых институтов (КФИ) (коммерческих, инвестиционных и универсальных) от стратегии их делового развития. Выделены три типа территориальных структур, соответствующие каждому типу КФИ: горизонтальная, вертикальная и смешанная. Выделены группы стран с преобладанием характерного типа территориальной структуры. Определены пять универсальных факторов, под влиянием которых складывается территориальная структура банковской системы в любой стране. Показано динамическое взаимодействие универсальных факторов друг с другом и реакция территориальной структуры банковской системы на каждый фактор в отдельности и в совокупности.*

Abstract. *The paper offers an original approach to economico-geographical analysis of territorial structure of banking system in any given country. Territorial structure of the three major types of financial institutions (commercial, investment and universal) is reviewed versus their business strategy. Three types of territorial structure are distinguished: horizontal, vertical and mixed, corresponding to each type of financial institution. Groups of countries with prevailing distinctive type of territorial structure are identified. Five universal factors, influencing the territorial structure of any country's banking system, are specified. Dynamic interaction of universal factors, and corresponding reaction of the territorial structure of the banking system to each factor individually and as a whole, is revealed.*

Ключевые слова: *территориальная структура банковской системы, типы кредитно-финансовых институтов, типология территориальных структур кредитно-финансовых институтов, унификация территориальных структур банковских систем, универсальные факторы формирования территориальных структур банковских систем, межстрановое сопоставление территориальных структур национальных банковских систем.*

Key words: *territorial structure of the banking system; types of financial institutions; typology of the territorial structure of financial institutions; unification of territorial structures of banking systems; universal factors in shaping territorial structures of banking systems; cross-country comparison of territorial structures of national banking systems*

Недавний кризис мирового хозяйства (2008–2010 гг.) наглядно показал, какую огромную роль может играть в современной экономике финансовый сектор. Сравнительно скромный по своей доле в занятости и в валовом продукте развитых стран (около 8–10%), этот сектор постепенно аккумулировал в себе слишком многие причинно-следственные связи между отраслями хозяйства. От его состояния стала в решающей степени зависеть динамика и материального производства, и сектора услуг, а в опосредованном виде – динамика всей общественной жизни. Неудивительно, что финансовому сектору посвящено множество исследований в экономической, социологической и политологической научной литературе. Однако в экономической географии труды по анализу банковской системы встречаются не часто, а ее территориальной структуры и того реже [2, 3]. Основная проблема состоит в сложности восприятия, анализа и оценки законов банковской индустрии с позиций экономико-географической науки.

Дело прежде всего в том, что банковский бизнес относится к сфере нематериального производства. Производимые банками товары и услуги носят виртуальный характер и являются весьма специфическим интеллектуальным продуктом финансовых работников, который трудно оценить количественно. Попытки представить этот продукт в виде входящих и исходящих потоков денежных средств, учитывающихся на клиентских и корреспондентских счетах банков, также не дают значимых результатов для определения взаимосвязей между банками и оценки их влияния на территориальную структуру банковской системы. Действительно, распространенный в банковской статистике

«индекс концентрации финансовых потоков» отражает совокупный объем финансовых потоков, приходящихся на один банк на определенной территории. Однако это лишь характеристика уровня локальной конкуренции [1], которая ничего не говорит о процессах внутри территориальной структуры банковской системы и ее состоянии.

В экономико-географических исследованиях зачастую априори считается, что финансовые потоки безразличны к расстояниям и поэтому банки могут размещаться там, где захотят. Отсюда популярность тезиса о том, что банки идут туда, где размещаются их клиенты. Но как тогда объяснить феномен американских штатов Колорадо, Монтана и Вайоминг, имеющих весьма низкую плотность населения, но продемонстрировавших наибольший прирост численности кредитно-финансовых институтов за период 1992–2012 гг., который составил 400%, 271% и 180% соответственно (рассчитано по [16])? К сожалению, выше упомянутый тезис не объясняет и межстрановые различия в пространственном распределении кредитно-финансовых институтов (КФИ), заметные даже неискушенному человеку. Очевидно, эти различия обусловлены разной реакцией национальных банковских систем на разное по своему характеру и глубине воздействие разнообразных факторов.

Территориальную структуру банковской системы можно образно назвать «кровеносной системой» экономического организма, которая распределяет и перемещает финансовые потоки на всем экономическом пространстве между всеми его элементами и участниками происходящих на нем процессов. В то же время, будучи весьма чувствительными к финансовому климату, банки не только приспосабливаются к структуре финансово-экономического пространства, но и сами активно участвуют в его формировании и трансформации.

Уникальность и исключительность места кредитно-финансовых институтов в экономике и их роль в управлении финансовыми потоками признаются во всех странах без исключения. Именно поэтому данная сфера современного хозяйства с особой тщательностью регулируется государственными органами почти всех развитых стран с рыночной экономикой. Национальные правительства и законодательные органы оказывают значительное регулирующее и контролирующее воздействие на банковскую индустрию и ее территориальную структуру через систему особых законодательных и нормативных актов. Можно с уверенностью утверждать, что чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем сильнее государственный контроль банков.

Таким образом, экономико-географическое исследование территориальной структуры банковской системы не будет полным, если не даст ответа на три основных вопроса:

(1) чем обусловлена конфигурация территориальной структуры банковской системы,

(2) можно ли ее описать параметрически,

(3) является ли уникальность национальных территориальных структур банковских систем непреодолимым препятствием для их межстранового сопоставления.

Для этого потребуется выявить и проанализировать факторы, которые влияют на пространственную конфигурацию банковской системы в любой стране; определить систему показателей, позволяющих количественно измерить эти факторы и описать территориальную структуру; вывести единый показатель, описывающий состояние любой национальной территориальной структуры банковской системы и позволяющий вести межстрановые сопоставления. Особое внимание следует уделять тем факторам, которые влияют на размещение КФИ в любой стране и в силу этого носят *универсальный* характер. Это позволит типологизировать территориальные структуры банковских систем разных стран и поможет провести их межстрановое сопоставление. Однако прежде всего следует определить, что понимается под территориальной структурой банковской системы.

Территориальная структура банковской системы страны представляет собой пространственное распределение кредитно-финансовых институтов под влиянием определенных факторов и причинно-следственных связей между ними.

1. Типология территориальных структур банковских систем.

Можно обнаружить несколько общих признаков, типичных для территориальных структур банковских систем всех стран.

Во-первых, любой кредитно-финансовый институт может быть уподоблен типичной

компании, но лишь до известной степени. От компаний в других секторах экономики его отличает уникальный характер производимых товаров и услуг, как по ассортименту, так и по потребительским качествам и свойствам. Бизнес КФИ состоит исключительно в предоставлении финансовых услуг населению (физическим лицам) и компаниям (юридическим лицам) посредством осуществления по их указанию расчетно-кредитных, ссудно-сберегательных и иных специальных финансовых операций. Кредитно-финансовый институт представляет собой уникальный вид компании, для которой «производственным сырьем и материалами» и, одновременно, производимыми «товарами и услугами», являются деньги в широком понимании этого слова: наличные и безналичные денежные средства, операции с ними, ценные бумаги, иные инструменты финансового рынка и деривативы. Типичными организационно-правовыми формами компании по российскому законодательству являются: общество с ограниченной ответственностью (ООО), закрытое акционерное общество (ЗАО) и открытое акционерное общество (ОАО). В английском континентальном и американском праве все компании являются акционерными и делятся на частные (private) и публичные (public). Акции частных компаний распространяются по закрытой подписке (эквивалент ЗАО); акции публичных компаний (эквивалент ОАО) торгуются на фондовой бирже и доступны любому лицу.

Во-вторых, типичными являются многие операции банков, что позволяет выделить три типа кредитно-финансовых институтов: коммерческие (в Великобритании – торговые; “merchant”), инвестиционные и универсальные. Коммерческие КФИ могут принимать средства от населения во вклады, поэтому их часто называют «депозитарными» (depository). В эту категорию входят собственно коммерческие банки, сберегательные банки, ссудно-сберегательные ассоциации и кредитные союзы. Инвестиционные КФИ работают с финансами корпораций, предоставляя им инвестиционные кредиты, проектное финансирование, осуществляя брокерские операции и выпуская от их имени специальные финансовые продукты и инструменты. При этом они не могут принимать средства населения во вклады. К инвестиционным КФИ относятся специализированные инвестиционные банки (предоставляют весь спектр инвестиционных услуг); финансовые конгломераты (предоставляют инвестиционные, некоторые страховые и недепозитарные услуги); компании, управляющие частными инвестициями (брокерские, андеррайтинговые, венчурные и «финансовые бутики»), а также специализированные юридические компании, оказывающие правовую поддержку инвестиционным операциям.

Универсальные КФИ сочетают в себе функции коммерческих и инвестиционных банков и имеют вид финансовых конгломератов.

Эта типология отражает ориентацию банков на обслуживание тех или иных клиентов. Клиенты выступают одновременно как потребителями продуктов и услуг, произведенных КФИ, так и источниками финансовых средств, необходимых для производства этих продуктов и услуг. Именно поэтому кажется логичным уже упоминавшийся тезис: «банки размещаются там, где их клиенты». Однако сопоставление территориальных структур коммерческих, инвестиционных и универсальных КФИ даже внутри одной страны показывает, что их строение и ориентация существенно отличаются друг от друга. Это обусловлено принципиально разным подходом КФИ разных типов к выработке стратегии отношений со своими клиентами.

Клиенты КФИ делятся на граждан (физические лица) и компании (юридические лица). Для граждан типичными финансовыми операциями являются текущие платежи в розничной торговле, коммунальной сфере, открытие сберегательных вкладов, потребительское и ипотечное кредитование и т.п. Компании же требуют от КФИ гораздо более широкого, сложного, специфичного спектра услуг и продуктов, многие из которых носят уникальный характер. В силу этого по стратегии делового и территориального развития коммерческий банк отличается от банка инвестиционного.

Основной функцией коммерческого банка является ссудно-сберегательная (депозитарная). Принимая средства граждан во вклады и депозиты, коммерческие банки обязаны вернуть эти средства по первому требованию вкладчика. Это существенно ограничивает их возможности по реинвестированию клиентских средств на длительные сроки и заставляет обращаться к инструментам и возможностям рынка денег. На рынке денег

обращаются финансовые ресурсы и инструменты сроком до одного года. Наряду с этим, единичная операция клиента-гражданина по сравнению с корпорацией носит «микро-финансовый» характер. Это определяет крайнюю заинтересованность коммерческих банков в максимальном расширении клиентской базы, что диктует выраженную ориентацию деловой стратегии коммерческого банка на поиск мест скопления клиентов и территориальное расширение филиальной сети. Коммерческие банки «следуют за клиентами».

Стратегия инвестиционных банков носит иной характер. Даже отдельные операции таких банков имеют значительные объемы, весьма затратны, сложны при подготовке и исполнении и зачастую уникальны. Опросы крупнейших инвестиционных банков мира и компаний, управляющих активами (HSBC, Barclays Capital, Schroders, Nomura Group, Bank Austria, Reiffeizen Central Bank, Deutsche Bank и др.), проведенные автором в 1996–1999 гг., показали, что издержки инвестиционного банка по организации привлечения капиталов могут составлять от 5% до 25% от суммы привлекаемых с рынка капиталов средств и занимать по времени от 6 до 12 мес. Инвестиционные КФИ выполняют функции связующего звена между корпорациями и инвесторами, обеспечивая им доступ на рынки капиталов. Основными функциями инвестиционного банка являются: (а) оказание финансовой и консультационной поддержки в сделках по слиянию и приобретению и гарантированию размещения ценных бумаг и займов (собственно инвестиционная деятельность); (б) управление активами и (в) брокерские операции на фондовом рынке. Однако в последние 10 лет в структуре основных операций инвестиционных банков произошли серьезные перемены, выразившееся в существенном изменении соотношения этих трех основных функций по их значимости для формирования дохода. Как это ни парадоксально, но инвестиционные банки все больше отходят от таких традиционных функций, как управление активами и инвестирование. Их деятельность теперь сосредоточена на торговле ценными бумагами (брокерские операции на фондовом рынке), за счет которой генерируется около 70% дохода инвестиционных КФИ. Операции по управлению активами и инвестиционная деятельность приносят лишь чуть более 30% дохода [11]. Источниками средств инвестиционных КФИ являются ресурсы и возможности рынка капиталов, откуда они берут и где размещают активы и продукты в интересах своих клиентов.

Специфика бизнеса инвестиционных банков определяет их территориальную предрасположенность не к местам дислокации корпоративных клиентов, а к крупным финансовым центрам, куда сходятся основные потоки капиталов и где ведется основная биржевая деятельность. В силу этого стратегия размещения инвестиционных КФИ ориентирована не на развитие филиальной сети, а прежде всего на близость к рынку капиталов. Исторически сложилось так, что рынок капиталов имеет точечную географическую локализацию в весьма ограниченном числе мест. Это основные финансово-биржевые центры мира, прежде всего Лондон, Нью-Йорк, Гонконг, Франкфурт и в меньшей степени Чикаго, Токио, Цюрих, Амстердам и Торонто. 22 ведущих инвестиционных банка и банковских конгломератов мира имеют свои штаб-квартиры в финансовых и биржевых центрах (Нью-Йорке, Чикаго, Лондоне, Гонконге, Торонто, Цюрихе, Франкфурте и Амстердаме). Таким образом, инвестиционные банки «ведут за собой своих клиентов».

Универсальные банки, являясь конгломератами коммерческих и инвестиционных КФИ, в своем размещении пользуются смешанной стратегией: их коммерческие структуры «следуют за клиентом», а инвестиционные тяготеют к финансовым центрам и «ведут клиентов за собой». Яркий пример такой стратегии – крупнейший в мире по рыночной капитализации американский универсальный банк “Wells Fargo & Co.” со штаб-квартирой в Сан-Франциско, шт. Калифорния (236 млрд долл. в 2013 г. По этому показателю “Wells Fargo” превзошел “Industrial and Commercial Bank of China Ltd.”) [9] Коммерческая часть банка насчитывает более 9 тыс. филиалов и отделений, более 2 тыс. ипотечных центров, 12 тыс. банкоматов и обслуживает свыше 70 млн клиентов в 39 штатах и ф.о. Колумбия [14]. Инвестиционная часть представлена тремя крупными структурами: “Wells Fargo Securities” (собственно инвестиционный банк с основными операционными офисами в крупнейших международных финансовых и биржевых центрах – Нью-Йорке, Лондоне и Гонконге); “Wells Fargo

Capital Finance" (операции на рынке капитала, кредитование активов, трастовые операции, инвестиции в коммерческую недвижимость; основные операционные офисы в Нью-Йорке, Лондоне, Гонконге и Чикаго) и "Wells Fargo Advisors" (брокерская деятельность и юридическая поддержка операций инвесторов на рынке капиталов; основные операционные офисы в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Силиконовой долине и Сент-Луисе). Аналогичным образом построены территориальные структуры европейских универсальных банков ("BNP Paribas", "Deutsche Bank", Commerzbank", "Societe Generale", "Barclays plc.", "HSBC" и проч.).

Принципиальные различия в стратегии отношений «банк-клиент» коммерческих и инвестиционных КФИ имеют несколько проявлений, характерных для любой национальной территориальной структуры. Во-первых, в этой структуре доминируют коммерческие КФИ, причем как по численности, так и по объемам финансовых ресурсов. Расчеты, проведенные автором по данным официальной финансовой статистики 30 крупнейших коммерческих, инвестиционных и универсальных банков, показали, что соотношение стоимости депозитов, инвестиционных активов и активов под управлением составляет 0,6:0,15:0,25 соответственно. Во-вторых, коммерческие КФИ гораздо более дисперсно распределены по территории страны. Наконец, в-третьих, все коммерческие КФИ имеют филиальную сеть, что обусловливает многоядерность их территориальной структуры. Согласно официальной статистике в США в 2012 г. насчитывалось более 90 тыс. депозитарных институтов, в том числе 6082 коммерческих банка, 987 сберегательных ассоциаций и более 84 тыс. филиалов депозитарных институтов [16]. В Великобритании на 326 торговых банков приходится более 15 тыс. филиалов и отделений. Филиальные сети универсальных банков Франции, Италии и Германии, по экспертной оценке автора на базе опроса специалистов "International Financial Review", насчитывают примерно по 10 тыс. филиалов и отделений каждая. В России 956 банков и почти 2,1 тыс. отделений и филиалов, не считая 43,5 тыс. дополнительных, операционных и кредитно-кассовых офисов [17].

Мировой комплекс инвестиционных КФИ состоит из чуть более четырех сотен институтов: 20 крупнейших инвестиционных «оптовых» банков [5], 69 независимых инвестиционных банков, брокерских и андеррайтинговых компаний, не аффилированных с коммерческими банками; 37 инвестиционных финансовых конгломератов, 278 компаний, специализирующихся на закрытом размещении ценных бумаг [18] и 15 ведущих юридических компаний, оказывающих правовую поддержку инвестиционным операциям на капитальных рынках [13].

В последние 10 лет в развитых странах наметилась важная тенденция – определенное функциональное сближение коммерческих и инвестиционных КФИ, причем по инициативе последних. Это не значит, что инвестиционным КФИ разрешили принимать средства граждан во вклады и депозиты. Однако в рамках банковских холдингов их инвестиционные структуры получают доступ к огромным объемам депозитных ресурсов коммерческих подразделений. Не исключено, что это послужило одной из основных причин упомянутой выше смены приоритетов в операциях инвестиционных банков в пользу брокерской деятельности. Дело в том, что обязательство коммерческих структур банковского холдинга вернуть депозитные средства клиенту по его требованию, для инвестиционных подразделений означает автоматическое отнесение этих финансовых ресурсов к категории т.н. «коротких денег» (имеющих срок обращения до 1 года), и единственный способ вовлечения этих средств в деловой оборот – это спекулятивные краткосрочные операции на фондовой бирже. Отсюда резкий рост доходов инвестиционных банков от брокерской деятельности и развитие специальных механизмов страхования (т.н. «хедж-фондов»). Несмотря на важнейшее значение этой тенденции для реструктуризации финансовых ресурсов банковской системы, на собственно территориальную структуру кредитно-финансовых институтов она не оказывает почти никакого влияния.

Различная стратегия отношений с клиентами определяет и разное строение территориальных структур у разных типов КФИ. Можно выделить три типа территориальной структуры кредитно-финансового института: «горизонтальная», «вертикальная» и «смешанная». Деловая стратегия коммерческого КФИ, построенная по принципу «банк следует за клиентом», обуславливает «горизонтальный» тип территориальной структуры таких институтов. Для него характерна

многоядерность при относительно небольшом (около 10) числе филиалов на один банк в среднем по стране. Это не исключает наличия банков с разветвленной и многочисленной филиальной сетью: “CitiBank” (США); “HSBC” (Великобритания), “Toronto Dominion” (Канада), «Сбербанк» (Россия) и др.

Принцип «клиент следует за банком», лежащий в основе деловой стратегии инвестиционных банков, предопределяет «вертикальный» тип их территориальной структуры. В такой структуре банки-ядра не имеют филиальной сети. Функции филиалов выполняют юридически самостоятельные, но коммерчески зависимые от банков-ядер кредитно-финансовые институты. Универсальные КФИ имеют территориальную структуру «смешанного» типа – преимущественно «горизонтальную» для коммерческих подразделений и преимущественно «вертикальную» для инвестиционных.

В развитых странах с большой территорией национальная территориальная структура КФИ, как правило, относится к «горизонтальной». Такую структуру имеют банковские системы США, Канады, Австралии и России. Правда, в России на один банк в среднем приходится чуть менее двух филиалов. Однако в силу особенностей национальной нормативно-правовой базы функции филиалов могут выполнять т.н. дополнительные офисы и расчетно-кассовые центры, число которых превышает 40 тыс. Это дает основание отнести территориальную структуру российской банковской системы также к горизонтальному типу.

Для стран с «вертикальной» национальной территориальной структурой банковской системы характерна «малоядерность». Верхний уровень структуры представлен всего несколькими мега-банками, в то время как на нижних уровнях располагаются не филиалы, а банки меньших размеров – региональные, местные и муниципальные. Такой тип территориальной структуры распространен в странах азиатско-тихоокеанского региона, где большинство банковских систем исторически следует японскому принципу вертикально интегрированных универсальных банков. В Японии организация структуры банковской системы в конце 1945–1953 гг. под влиянием США претерпела некоторые изменения. Ее верхний уровень представлен «большой шестеркой» мега-банков, вокруг которых группируются головные компании и производства отраслевых концернов. Эти финансово-промышленные конгломераты («кейретсу» и «дзайбатсу») имеют горизонтальную конфигурацию. Например, коммерческая структура банка “Mizuho” имеет филиалы в каждой префектуре (всего более 500), свыше 11 тыс. банкоматов и обслуживает 26 млн японских семей и 90 тыс. мелких компаний и индивидуальных предпринимателей. Однако ниже лежащая территориальная структура банковской системы (109 средних региональных и около 300 мелких локальных кооперативных банков), обслуживающая всю производственную цепочку поставщиков и распределительные сети отраслевых концернов, имеет вертикальную конфигурацию. КФИ в этой ее части, хотя и являются юридически самостоятельными компаниями, коммерчески зависимы от мега-банков первого уровня и фактически выступают их подразделениями. Такое построение национальной территориальной сети банковской системы Японии дает основание отнести ее к «вертикальному» типу. В Китае четко прослеживаются три аналогично вертикально интегрированных уровня: 4 мега-банка, 11 крупных общенациональных банков второго уровня и 125 средних и мелких муниципальных банков третьего уровня.

«Смешанный» тип национальной территориальной структуры КФИ характерен для банковских систем ведущих стран Евросоюза (Германия, Франция, Италия, Испания) и Великобритании. Эти страны имеют высокоразвитую банковскую систему, состоящую из относительно небольшого числа ядер – крупных и средних коммерческих банков с достаточно широкой филиальной сетью (в среднем 40–45 отделений и филиалов на один банк). Вместе с тем нельзя не отметить принятое Европейским центральным банком в конце 2013 г. решение о принудительном выделении инвестиционных банковских подразделений в отдельные структуры в целях снижения потенциальных рисков для депозитарных подразделений. Такое решение продиктовано очевидными уроками последнего кризиса (2008–2011 гг.) и учитывает положительный опыт США, где депозитарные и инвестиционные функции кредитно-финансовых институтов разделены законодательно. Не исключено, что практическая реализация этого решения приведет к изме-

нениям территориальной структуры банковской системы Евросоюза.

2. Универсальные факторы формирования территориальных структур банковских систем.

Выделение унифицированных по своему строению типов территориальных структур национальных банковских систем позволяет определить тот круг универсальных факторов, которые имеют решающее значение для формирования территориальной структуры финансового сектора в любой стране.

Территориальное распределение душевого дохода. Преобладание коммерческих КФИ в структуре национальных банковских систем наряду с территориальными проявлениями особенностей их деловой стратегии обуславливают важный экономико-географический феномен: территориальная структура любой национальной банковской системы ориентируется в основном на финансовое обслуживание граждан и следует за их деньгами. Особо подчеркнем – за *деньгами* населения, а не за самим населением. Этот принципиальный нюанс часто не замечают, однако именно душевой доход потенциальных клиентов определяет финансовый интерес коммерческих банков к ним, а его территориальное распределение дает банку вектор пространственного развития. Например, сопоставление карт распределения душевого дохода по графствам США [12] и филиальной сети “Wells Fargo & Co.” [7] показывает, что филиалы банка размещаются в местах концентрации доходов населения. Территориальное распределение душевого дохода является универсальным фактором, влияющим на пространственную структуру банковской системы.

Качественный состав клиентуры. Одним из универсальных факторов формирования территориальной структуры банковской системы, очевидно, является клиентская база КФИ. Ее два ключевых параметра: численность и качество.

Численность клиентов, безусловно, играет важную роль при определении банком стратегии территориального развития. Однако выделять ее в качестве самостоятельного универсального фактора представляется не вполне правомерным. Во-первых, один и тот же клиент может одновременно вести счета в нескольких банках. Соответственно, он будет равным образом учитываться в их статистике как отдельный субъект территориальной структуры. Во-вторых, численность клиентской базы является коммерческой тайной банка; официальная статистика по этому показателю отсутствует. Редкие факты публикации этих сведений, как правило, связаны с рекламой банка и нуждаются в тщательной проверке. Наконец, в-третьих, в развивающихся странах и странах с низким уровнем экономического развития значительная часть населения избегает пользоваться услугами банков и предпочитает хранить деньги «под подушкой». Попытки определить численность клиентуры отдельного банка по числу активных кредитных и дебетовых карт тоже не дают нужного результата. Банк может выпустить для своего клиента несколько карт разных платежных систем, привязанных к одному счету. С другой стороны, клиент может иметь карты одной платежной системы, выпущенные разными банками. Например, в США соотношение активных кредитных карт и численности населения составляет 5:1; в Бразилии 1:2,5; в России 1:5,9; в Китае 1:33 и в Индии 1:64,6 [8]. Это серьезно искажает оценки численности клиентской базы.

Качественный состав клиентуры, напротив, отражает уровень финансовой обеспеченности и «финансовой грамотности» граждан и компаний. Он определяет востребованность финансовых услуг по спектру, объемам и по сложности. «Финансово грамотные» клиенты имеют возможность оценивать качество и линейку банковских продуктов и диверсифицировать свои счета между разными банками в зависимости от намерений по управлению своими средствами. Классическим проявлением влияния этого фактора на территориальную структуру КФИ стали т.н. «кризисы ликвидности», характерные для банков сельскохозяйственных районов США середины XIX в. При достаточной численности клиентская база таких банков имела серьезные диспропорции по качественному составу. Подавляющую часть клиентуры составляли фермеры и мелкие предприниматели, которые в период посевной и уборочной кампании в массовом порядке изымали средства со своих счетов для расчетов за удобрения, аренду техники и транспорта, топливо и т.п. Это приводило к быстрому истощению и без того небольших ресурсов наличности у местных мелких

и средних банков. Отсутствие «кредитора в последней инстанции»[1] лишало их возможности краткосрочного заимствования, финансового маневра и вело к банкротству, быстро распространявшемуся на другие банки и регионы, и сокращению территориальной структуры. Таким образом, именно качественный состав клиентуры следует выделять в качестве универсального фактора, влияющего на территориальное размещение КФИ и, соответственно, пространственную структуру банковской системы.

Государственные нормативно-правовые акты. Огромное воздействие на банковский сектор оказывает государство, весьма строго регулируя его деятельность через специальные законодательные и нормативные акты. Совокупность этих актов выделяется в отдельный блок «национального банковского законодательства». Оно основано на общем ключевом принципе: закрепляет за кредитно-финансовыми институтами исключительное право производить и продавать финансовые продукты и услуги. Никакие иные компании или граждане не могут заниматься финансовой деятельностью без специального разрешения государства (лицензии), а КФИ, в свою очередь, не может заниматься никакой иной производственной деятельностью или оказывать иные услуги. Банковское законодательство представляет собой систему законов «прямого» и «общего» действия.

Прямые национальные законы регулируют отношения КФИ с себе подобными и с компаниями других секторов экономики. Например, в США вплоть до конца 1990-х гг. национальные законы прямого действия запрещали банкам участвовать в акционерном капитале других КФИ, банковским холдингам – приобретать доли в компаниях реального сектора экономики и сферы услуг; банки разделялись на коммерческие и инвестиционные. В Евросоюзе законодательство разрешает банкам приобретать пакеты акций промышленных компаний и совмещать коммерческие и инвестиционные функции. В Великобритании банки не могут участвовать в капитале промышленных компаний, но розничные торговые сети могут иметь собственные банки (например, “Harrods Bank”, “Tesco Bank”, “Sainsbury Bank”, “M&S Bank). В Японии банки и промышленные компании через акционерные механизмы «кейретсу» и «дзайбатсу» могут взаимно участвовать в капитале друг друга. Например, “Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ” является финансовой структурой группы компаний “Mitsubishi”, банк “Mizuho” обслуживает финансовые потоки корпораций “Nissan”, “Yamaha”, “Cannon” и “Hitachi”, банк “Sumitomo Mitsui” является финансовым центром корпораций “Sony”, “Toshiba”, “Fuji” и “Japan Steel Works”.

Через законы «общего» действия государство может косвенно влиять на территориальную структуру, что нагляднее всего иллюстрируют банковские слияния. Как правило, при слиянии доминирующий банк приобретает сеть отделений, филиалов и дочерних компаний поглощаемого банка. Такие сделки проводятся с соблюдением условий антимонопольного законодательства, направленного в данном случае на недопущение излишней концентрации банковского бизнеса, создающей почву для нечестной конкуренции и роста процентных ставок для клиентов банка. Косвенной мерой воздействия является и нормативное регулирование кредитно-финансовых институтов со стороны национальных центральных банков, которым эта обязанность предписана законом прямого действия. Несоблюдение нормативов центрального банка может привести к отзыву лицензии кредитно-финансового института.

Кроме национальных, на территориальную структуру банковской системы зачастую оказывают влияние и местные законы. Например, в 1927 г. в США легислатуры штатов получили право устанавливать правила и условия открытия филиалов банков на своей территории. Национальным банкам запретили открывать филиалы вне границ штата своего базирования, а в пределах штата – только на условиях и по правилам, установленными законами штата для местных банков. Следствием явилось постепенное замедление темпов роста численности национальных банков, рост числа банков штатов и повышение общей плотности территориальной структуры банковской системы на уровне

[1] «Кредитором в последней инстанции» («кредитор последней надежды»; “creditor of last resort”) называется финансовый институт, предоставляющий наличные денежные средства другому кредитно-финансовому учреждению (или рынку в целом) для преодоления возникшей критической потребности в ликвидности, которая не может быть удовлетворена из иных источников, во избежание шоковых последствий для последнего. Как правило «кредитом в последней инстанции» выступает центральный банк страны.

графств и городов. В то же время банки, открывающие филиалы вне штата своей регистрации, обязаны в течение года обосновать перед местными властями необходимость открытия такого филиала, доказав неразвитость локальной территориальной структуры банковской системы, недостаточность объемов и ограниченность спектра кредитно-финансовых услуг на данной территории. В противном случае органы власти штата имеют право закрыть такой филиал. Государственные законодательные и нормативные акты являются важнейшим универсальным фактором, оказывающим влияние на систему кредитно-финансовых институтов и их территориальное размещение.

Корпоративный налог на прибыль. В некоторых странах (США, Канада) корпоративная налоговая система представлена двумя уровнями: национальным и местным. Ставка национального налога на прибыль исчисляется внутри страны по единой для всех кредитно-финансовых институтов шкале и имеет значение для их конкурентоспособности лишь на международной арене. Однако в некоторых странах существует законодательно закрепленное местными органами управления право самостоятельно устанавливать корпоративные налоги в пределах своей юрисдикции, и это играет важную роль в формировании финансового климата внутри страны на административно обособленных территориях. Так, снижение ставок местных налогов на прибыль корпораций властями ряда штатов США (Миссури, Северная Дакота, Канзас, Миннесота, Айова) за последние 10 лет привело к росту в них числа депозитарных КФИ на 80–200%. При единой ставке местного налога на корпоративный доход свыше 100 тыс. долл. от 6,25% до 12%, для кредитно-финансовых институтов ставка этого налога колеблется от 2,25% до 7% с последующим вычетом 50% суммы налога штата из суммы, подлежащей выплате в федеральный бюджет. Это не только сделало более разветвленной местную территориальную структуру, но и повысило ее плотность. Учет фактора местных корпоративных налогов важен для понимания особенностей строения территориальной структуры КФИ внутри страны, а фактор национальных корпоративных налогов – для межстранового сопоставления национальных территориальных структур. Корпоративный налог на прибыль является универсальным фактором, влияющим на формирование территориальной структуры банковской системы.

Кризисы. Кризисы могут носить как «системный», так и «несистемный» характер, поскольку независимо от первичной (основной) сферы и территории своего происхождения могут влиять и на другие сферы жизни и территории не только «страны происхождения», но и других стран. Эта двойственность ярко проявилась в ходе т.н. «кризиса субстандартного кредитования» (subprime crisis) в США в 2008–2011 гг. Как ни парадоксально, но государство во многом само спровоцировало кризис. Со второй половины 1980-х годов в США велась постепенная либерализация банковской отрасли. Апогеем стал «Закон о совершенствовании финансовых услуг» 1999 г. (“Financial Services Modernization Act”), разрешивший кредитно-финансовым институтам участвовать в капитале друг друга и создавать банковские холдинги. Существовавшее более 60 лет законодательное разделение инвестиционных и коммерческих кредитно-финансовых институтов было упразднено, что бесспорно стало важнейшим событием банковской истории США. Однако позитивный эффект ослабления государственного контроля банковской отрасли оказался недолгим. Либерализация сферы специальных механизмов финансирования позволила банкам выдавать слабо обеспеченные ипотечные кредиты в обход действующих нормативов и правил. В результате в сегменте индивидуального жилищного строительства сформировалась финансовая пирамида. Лопнувший «ипотечный пузырь» привел к обвалу рынка недвижимости. Кризис «субстандартного кредитования» был порождением самой банковской системы США. Однако он затронул и страны, в которых «субстандартные кредиты» вообще не практиковались, например, Россию и Китай, приобретя в них характер «несистемного» кризиса. В то же время быстрые и активные меры, предпринятые США по противодействию кризису «субстандартного кредитования», позволили сохранить практически без изменений банковскую систему страны и ее территориальную структуру. Конгресс специальным решением утвердил программу финансовой поддержки банковской системы и вернул разделение банков на коммерческие и инвестиционные [4]. В результате таких

оперативных мер полностью обанкротились всего лишь пять коммерческих банков, один инвестиционный, одна ссудно-сберегательная ассоциация и 21 кредитный союз, что составило менее 0,0003% от общего числа кредитно-финансовых институтов страны.

Примерами «несистемных» кризисов могут служить кризисы 1873 и 1893 гг. в США и «Великая Депрессия» 1929–1933 гг. Они были порождены за пределами банковской сферы, но оказали огромное влияние на всю систему КФИ и ее территориальную структуру. Так, в ходе «Великой Депрессии» в США полными банкротами стали 9,5 тыс. банков, что составило около 40% всей банковской системы страны. На этом фоне системный кризис «субстандартного кредитования» выглядит рутинным событием. Но и в случае «Великой Депрессии» активнейшее прямое участие правительства и Конгресса США привело к стабилизации банковской системы и минимальным потерям частных вкладчиков банков. Вкладчикам полностью обанкротившихся американских банков было выплачено 85 центов за каждый вложенный доллар, хотя до сих пор бытует мнение, что их накопления были безвозвратно утрачены [6]. Таким образом, кризисы являются еще одним важным универсальным фактором, оказывающим серьезное влияние на территориальную структуру банковской системы.

3. Взаимодействие универсальных факторов и адаптация территориальной структуры банковской системы.

Уроки кризисов и меры государственного регулирования банковской отрасли свидетельствуют об огромном внешнем воздействии, которое эти факторы оказывают на территориальную структуру банковской системы. Что еще важнее, четко прослеживается их влияние не только друг на друга в пределах одной территориальной структуры, но и на территориальные структуры других стран. Это наглядно демонстрирует универсальность и различную силу воздействия факторов на территориальную структуру КФИ.

Воздействие универсальных факторов на территориальную структуру извне вызывает ее ответную внутреннюю адаптивную реакцию. Например, за последние 40 лет средний душевой доход в США в текущих ценах вырос в 5 раз [15]. За это же время банковская филиальная сеть также пятикратно выросла, при этом пятикратно сократилось число головных офисов банков [16]. Очевидно, что фактор душевого дохода стимулирует процессы внутренней перестройки банковской системы. С одной стороны, происходит расширение ее территориальной структуры за счет роста филиальной сети. С другой стороны, идет концентрация банковской отрасли путем укрупнения кредитно-финансовых институтов через слияния. В США за период 2003–2013 гг. число крупных коммерческих банков (совокупные активы 300 млн долл. США и выше) увеличилось почти на 35% (с 1288 до 1734) и почти на столько же (34%) сократилось общее число депозитарных КФИ (с 8352 до 6239). При этом филиальные сети поглощаемых банков сохраняются и присоединяются к доминирующим. За период 1994–2003 гг. в США произошло 3517 слияний, в которых участвовали банковские активы на сумму 3,1 трлн долл., депозиты на сумму 2,1 трлн долл. и более 47 тыс. банковских структур. В результате доля активов 10 крупнейших коммерческих банков в общей сумме активов банковского сектора США увеличилась с 22 до 46%, а депозитов с 19 до 41% [10]. Например, после слияния американских “Wells Fargo & Co” и “Norwest” территориальная структура “Wells Fargo” присоединила к себе 291 коммерческое отделение в 16 штатах, центры ипотечного кредитования в 49 штатах и операционные офисы в Канаде, Центральной Америке, на о-вах Карибского бассейна, Гуаме и Сайпане.

Противоположное по своему характеру воздействие на эти процессы оказывает другой универсальный фактор – государственные законы и нормативы. Антимонопольное законодательство контролирует и регулирует банковские слияния, ограничивая укрупнение КФИ и чрезмерную концентрацию отрасли. Очевидно, что универсальные факторы запускают и меняют вектор и интенсивность процессов в национальных территориальных структурах банковских систем, влияя на их географию и плотность. Кроме того, приведенные примеры подтверждают разнонаправленный характер влияния универсальных факторов на территориальную структуру КФИ и показывают ее обратную реакцию.

Выводы

Анализ пространственного рисунка национальных банковских систем, типов терри-

ториальных структур и универсальных факторов влияния позволяет сделать ряд важных выводов.

Национальные территориальные структуры банковских систем могут быть унифицированы в аналитических целях и разделены на три типа: горизонтальная, вертикальная и смешанная.

Формирование и функционирование национальных территориальных структур банковских систем происходит под воздействием пяти универсальных факторов в их географическом выражении: душевой доход населения; качественный состав банковской клиентуры; корпоративные налоги; государственные законодательные и нормативные акты и кризисы.

Универсальные факторы оказывают разное по силе влияние на территориальную структуру банковской системы.

Универсальные факторы могут оказывать разнонаправленное влияние на территориальную структуру. Действие одного и того же фактора может дестабилизировать или, наоборот, стабилизировать состояние национальной банковской системы и ее территориальной структуры.

Влияние некоторых универсальных факторов на территориальную структуру и банковскую систему в одной стране может передаваться другим национальным структурам и банковским системам.

Территориальная структура обладает определенной сопротивляемостью к воздействию универсальных факторов влияния.

Унификация и типизация национальных территориальных структур и универсализация факторов влияния открывают путь к сопоставлению территориальных структур банковских систем разных стран.

Библиографический список

1. Башкатов Б.И. Социально-экономическая статистика. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
2. Лузанов А.Н. Географический анализ развития банковской сферы в России. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2001.
3. Прус Е.А. Современная территориальная структура банковской сферы в США (докризисный и кризисный периоды). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2011.
4. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. // Pub.L. 111–203. H.R.4173. July 21, 2010.
5. Du Lisa, The 20 Investment Banks That Took In The Most Money in 2011 // Business Insider, 07 March 2012.
6. Friedman Milton; Schwartz Anna J., A Monetary History of the United States, 1867-1960 //National Bureau of Economic Research, 1963.
7. http://en.wikipedia.org/wiki/File:Wells_Fargo_footprint_2010-03.png.
8. Mann Ronald J., Prime Numbers: The Plastic Revolution //Foreign Policy, February 19, 2008.
9. Market Capitalization: China Versus Western Banks //Euromoney, August 2013.
10. Pilloff Steven J., Bank Merger Activity in the United States // Board of Gevernors of the Federal Reserve System. Case Study 176. May 2004.
11. Rhee Robert J., The Deadline of Investment Banking: Preliminary Thoughts on the Evolution of the Industry 1996–2008 //Journal of Business and technology Law, vol. 5 No.1, 2010. University of Maryland School of Law.
12. Small Area Income and Poverty Estimates (SAIPE). //U.S. Census Bureau, December 2012.
13. Sources of Capital //Dow Jones Private Equity Analyst. Special Edition. April 2010.
14. Wells Fargo Today //Wells Fargo Inc. Retrieved June 28, 2012.
15. Historical Income Tables – Households. Tables H-1 , H-6. // U.S.Census Bureau. Retrieved 10 September 2013.
16. www2.fdic.gov.
17. www.cbr.ru.
18. www.peimedia.com.

Елагин С.А. (Москва), Евдокимов М.Ю. (Смоленск)

ОБЩИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В СМОЛЕНСКУЮ ОБЛАСТНУЮ ДУМУ ПЯТОГО СОЗЫВА

Elagin S.A., Evdokimov M.U.

RESULTS OF THE ELECTION CAMPAIGN IN SMOLENSK REGIONAL DUMA OF THE FIFTH CONVOCATION: GENERAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES

Аннотация: *в статье изложены результаты исследования общих и географических особенностей избирательной кампании в Смоленскую областную думу пятого созыва. Выявлена структура политических интересов населения Смоленской области и её динамика. Определены объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование политических приоритетов населения. Выделены территориальные различия в голосовании и на этой основе предложена авторская типология муниципальных районов и городских округов Смоленской области по особенностям избирательной кампании.*

Abstract: *This article presents the results of research and the general geographical features of the election campaign in Smolensk Regional Duma of the fifth convocation. There is detected the structure of the political interests of the population of the Smolensk region and its dynamics. There are defined objective and subjective factors that are influencing the formation of public policy priorities. There are marked spatial differences in voting and on this basis the author tenderes the typology of municipalities and municipal districts of the Smolensk region on the specifics of the election campaign.*

Ключевые слова: *электоральная география; электорат; избирательная кампания; политическая партия; Смоленская область.*

Keywords: *electoral geography; the electorate; election campaign; political party; Smolensk region.*

Электоральная география – одна из самых «молодых» частных наук в составе экономической и социальной географии России. Её возникновение связано с интенсивностью демократических преобразований в стране после распада СССР, которые собственно и стимулировали формирование российской избирательной системы. С выборов президента СССР, российского парламента и всенародного голосования по проекту новой Конституции начала складываться избирательная система современной России. Вместе с ней стала формироваться и электоральная география, позволяющая осознать территориальные особенности политических приоритетов населения страны. Теоретические основы изучения географии выборов в России были заложены и продолжают развиваться в работах В.А. Колосова [1, 2], Н.В. Петрова [1, 3], Р.Ф. Туровского [5, 6, 7], А.С. Титкова [3, 4] и др. Стоит отметить, что электоральная география имеет ярко выраженный прикладной характер. Её представители занимаются не только мониторингом и, построенным на его основе анализом электоральных процессов, отношений между бизнесом и властью, отношений между центром и регионами, но и консультированием политических элит, что делает исследования в этой области востребованными.

Политические приоритеты населения Смоленской области. Одной из главных особенностей выборов в Смоленскую областную Думу пятого созыва, прошедших в единый день голосования (8 сентября 2013 г.), стало большое количество партий, участвовавших в них – 22 (4 в предыдущей избирательной кампании). Однако в результате выборов, места в Областной Думе достались лишь 5 партиям, преодолевшим 7% барьер. Это: партия «Единая Россия» (ЕР) (41% голосов), депутатами от неё стали 13 представителей (более 54% всех партийных депутатских мест); «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) (15% го-

лосов) – 4 депутата; «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) (13,5% голосов) – 4 депутата; «Справедливая Россия» (СР) (7,6% голосов) – 2 депутата; «Партия пенсионеров» (ПП) (6% голосов) – 1 депутат. При этом в одномандатных округах ЕР отдала 1 место из 24 возможных представителю КПРФ. В итоге, у ЕР в областной Думе оказалось 36 мест (из 48), КПРФ – 5, ЛДПР – 4, СР – 2, ПП – 1.

Несомненным изменением, по сравнению с предыдущими выборами, стала смена «партии власти» в Смоленской области, так как губернатором в 2012 г. достаточно неожиданно для региональной элиты был назначен представитель ЛДПР, что усилило присутствие во властных органах не только представителей данной партии, но и представителей КПРФ. При этом вопрос, состоятся ли в единый день голосования 14 сентября 2014 г. первые за последние 12 лет досрочные выборы губернатора Смоленской области, остаётся до сих пор открытым в связи с неоднозначностью итогов думского голосования. Это в значительной мере усилило использование административного ресурса и выдвинуло лишь одну реально оппозиционную к власти партию – СР.

Партия ***ЕР*** получила на выборах около 100 тыс. голосов активных избирателей. При этом наибольшей поддержкой избирателей она пользовалась в северных сельских районах. В сумме эти районы внесли в победу партии около 11% всех голосов за ЕР. Более 50% избирателей проголосовало за партию в Глинковском, Темкинском, Краснинском, Кардымовском и Ершичском районах и в г. Десногорске. Общая сумма проживающих здесь сторонников ЕР превысила 15% всех сторонников ЕР. Наименьшей поддержкой избирателей партия пользовалась в г. Смоленске, Ельнинском (28,4%) и Дорогобужском районах (29,6%). В результате, число сторонников партии в г. Смоленске составило около 17% всех голосов ЕР (доля избирателей города составляет 1/3 всех избирателей области), в Сафоновском районе – 8,2%, Рославльском и Вяземской районах – по 7,2%, в Сычевском районе – более 5%, в Ярцевском и Смоленском районах и в г. Десногорске – более 4,6%.

КПРФ получила поддержку более 35 тыс. голосов. В Ельнинском районе, где КПРФ заняла 1 место, степень поддержки избирателями превысила 32%. Около 22% избирателей проголосовало за партию в Ленинском, около 20% – в Заднепровском районе г. Смоленска, более 19% – в Шумячском районе. Относительно высокие показатели степени поддержки партии продемонстрировали избиратели Починковского района (18,3%), г. Десногорска (17,4%), Промышленного района г. Смоленска (17,2%), Рославльского района (более 17%). Наименьший процент голосов – в Новодугинском (6,24%), Сычевском и Холм-Жирковском районах – соответственно 7,2% и 8,9%, а в Краснинском, Дорогобужском и Демидовском районах партия набрала менее 10% голосов. В большинстве этих районов, кроме Сычевского, КПРФ заняла 3 места. Наибольшее число сторонников КПРФ проживало в г. Смоленске (около 1/3 всех голосовавших). Далее идут Рославльский (7,5%), Вяземский (6,4%), Сафоновский (5,7%) районы. В Смоленском, Ярцевском, Починковском районах проживало по 4,7% сторонников партии, в г. Десногорске – 4,3%.

ЛДПР поддержали около 32 тыс. избирателей. Наибольших успехов она достигла в Духовщинском и Дорогобужском районах, где ее поддержало 20,5% и 19,97% голосовавших. В окраинных Руднянском (запад) и Гагаринском (восток) районах за партию проголосовало около 19,2% избирателей, в Ершичском – 18,9%, в Сафоновском – 18,1%, а в Смоленском – более 17,6%. Суммарная доля сторонников ЛДПР, проживающих в этих 7 районах, составила более 35% всех голосовавших за партию, причем, наибольшие отряды её сторонников проживали в депрессивных Сафоновском (9,3%) и Смоленском (около 7%) районах. Только 12% избирателей г. Смоленска проголосовало за ЛДПР. Однако число сторонников данной партии в этом городе составило около 23% общего их числа в области. Наименьшие результаты партия показала в Сычевском (5,4% голосов), Глинковском (7,2%), Новодугинском и Темкинском районах (более 7,7%). В Демидовском и Угранском районах партию поддержало менее 10% голосовавших граждан. Значительны ряды сторонников партии в Вяземском (7,4% всех голосовавших за партию), Рославльском (6,6%), Ярцевском (4,2%) и Починковском (3,8%) районах. У ЛДПР выявлен почти 4-х кратный разброс в степени поддержки партии, на 7 наиболее ак-

тивных районов приходится более 1/3 числа всех сторонников ЛДПР, доля сторонников партии в г. Смоленске составляет более 22%.

За ***СР*** проголосовало около 18 тыс. избирателей. Наилучшие показатели голосования были в Промышленном районе г. Смоленска (14,3% от всех голосовавших избирателей). В Вяземском районе сторонников партии набралось более 12,5%, в Демидовском, где она заняла 2 место, – 12,3%. В Темкинском – около 12%, в Хиславичском и Ельнинском – более 11%, в Починковском и Кардымовском – более 10%. При этом, в Промышленном, Хиславичском и Ельнинском районах сторонники СР заняли 3 место, опередив сторонников ЕР. В результате в 10 территориях проживало почти 50% всех сторонников СР, причем в Промышленном районе Смоленска и в Вяземском районе проживало соответственно 19,4% и 12,4% всех голосовавших за партию. Большой отряд сторонников проживал в г. Смоленске (в целом более 37%), более 7% – в Рославльском. В Ярцевском, Сафоновском и Смоленском районах избирателей, поддержавших СР, зафиксировано по 3%. Крайне низким было число сторонников партии в Сычевском, Руднянском, Гагаринском (около 2%), Холм-Жирковском районах и в г. Десногорске (по 2,2%), в 7 районах сторонникам партии не удалось преодолеть даже полупроходной 5% барьер, а еще в четырех – 7% барьер.

ПП поддержало более 14 тыс. избирателей. Наибольшего успеха она достигла в Ярцевском районе – более 11% голосовавших, в Духовщинском и Гагаринском районах, в Ленинском и Промышленном районах г. Смоленска и в г. Десногорске за неё проголосовало более 7% активных избирателей. На долю этих районов приходится более 40% всех голосов ПП, причем, на районы Смоленска более 22%. Кроме того, ещё в 10 районах области её сторонникам удалось преодолеть 5% полупроходной барьер. Минимальное голосование за ПП характеризовало сельские окраинные районы: Монастырщинский – 2,9%, в Глинковский, Сычевский, Ершичский и Кардымовский – менее 3,3% голосовавших. Значительно больше сторонников партии проживало в г. Смоленске (около 30%), Ярцевском (8,7%), Вяземском (7,6%), Смоленском (5,7%) и Сафоновском (5,5%) районах. На долю этих районов приходится около 60% все голосов за ПП.

Отметим ещё одно новшество данной избирательной кампании – появившиеся партии-спойлеры, откровенные «клоны» с названиями, схожими с названиями лидирующих партий и «отбирающие» у них голоса избирателей. Например, «Коммунистическая партия социальной справедливости» (КПСС) (2,5% голосов), партия «Коммунисты России» (КР) (1%). Голоса, отданные за них, могли бы внести существенные коррективы в результаты голосования за КПРФ в области. С помощью сторонников данных партий КПРФ могла обойти ЛДПР, потеснив ее со 2 места, а в Демидовском районе опередить партию СР. Избиратели г. Смоленска внесли в копилку обеих партий по 25% всех голосов. Большие отряды сторонников обеих партий – в Вяземском (по 7,9% всех голосов), Рославльском (7,9% – у КПСС и 4,8% – у КР) и Смоленском (5,6% – у КПСС и 5,9% – у КР) районах.

Среди партий аутсайдеров следует выделить следующие: «Родина» (1,8% голосов), «Гражданская Платформа» (1,6%), «Патриоты России» (1,57%). Несмотря на то, что в ходе выборов они получили поддержку небольшого числа избирателей, в некоторых районах им было отдано значительно число голосов. Так, «Родина» в Дорогобужском районе получила более 9,7% голосов, в Духовщинском районе – более 6,2%, в г. Смоленске – 3,7%. За партию «Гражданская платформа» в Велижском районе проголосовало более 4,76%, а в г. Смоленске и Сафоновском районе – около 3% избирателей. Наибольшую степень поддержки партии «Патриоты России» продемонстрировали избиратели Смоленского района – более 6,8% голосов. Остальные политические партии, принявшие участие в выборах, получили менее 1% голосов избирателей. Но, так или иначе, более 16% голосов, отданных за политических «карликов», на распределение мандатов никак не повлияло.

Особенности проведения избирательной кампании. Выборы в Смоленскую областную Думу пятого созыва показали как традиционно смоленские тенденции, так и некоторые отличия от предыдущих кампаний. Низкий процент избирателей, пришедших на выборы – 29,1% свидетельствует о высокой степени протестной ориентации электората и неверии в возможные изменения к лучшему. Отсутствие графы «против

всех» явно снизило явку, как и неудачно выбранное время для выборов (сезон активных сельскохозяйственных работ на личных подсобных и дачных участках). Поэтому использование административного ресурса было просто необходимым (13% участников выборов голосовало «на дому»), особенно в сельской местности. Так в Новодугинском и Темкинском районах число проголосовавших «на дому» превысило 30%, а в Сычевском – 20%. Благодаря этому явка избирателей в них превысила 50%. В то же время у горожан (жители наиболее крупных городских поселений области Смоленска, Ярцева, Вязьмы и Рославля) явка была низка и не достигла 27%.

В результате такой высокой активности избирателей трех сельских районов их доля в результатах выборов увеличилась в 2 раза (число избирателей составляет около 3% всех избирателей, а число участников выборов – около 6% активных граждан). При этом свой выбор они сделали преимущественно в пользу партии ЕР, увеличив её результат более чем на 6% голосов. Наилучший результат ЕР в Сычевском, Новодугинском и Холм-Жирковском районах – 66,9% голосов, минимальный процент – традиционно в Смоленске (22,8%). Единственным исключением среди городов стал Десногорск, где за эту партию проголосовал 51,9% избирателей.

Если учесть, что в области проживает чуть более 806 тыс. избирателей (в голосовании приняло участие 234 тыс.), то данное распределение голосов подчеркнуло повышенную активность сельских пенсионеров и почти полное равнодушие к местным выборам со стороны молодежи (до 35 лет), так как многие из них либо предпочли отдыхать, либо, работая в Москве, не сочли выборы достаточным поводом для приезда в область. С другой стороны, реальная жизнь молодежи в принципе мало зависит от местной власти. В результате, в области сложился географический парадокс: несмотря на то, что большинство избирателей проживает в прикаркасной зоне (более 55%), на итоги выборов наиболее значительно влияют жители сельских населенных пунктов окраинных районов. В результате суммарная доля избирателей 9 сельских районов составила почти 18%, в то время как проживает в них только около 11% голосующих. Доля участников выборов из малоактивных городских поселений составила 47,5% избирателей, поэтому итоги выборов в значительной мере отражают мнение наиболее консервативной и возрастной части электората окраинных районов области.

При проведении выборов серьезных нарушений, которые могли повлиять на ход голосования и подведение результатов выборов, не зафиксировано, выборы признаны состоявшимися (в Облизбирком поступило всего две жалобы). Таким образом, протестной ориентации электората, пришедшего на выборные участки, фактически не наблюдалось. В результате выборов состав законодательного собрания обновился более чем на 60%, а руководящий состав – практически полностью (из 7 комитетов в 6 – новые председатели).

Борьба за электорат велась привычными методами, но повсеместное распространение домофонов сделало традиционную пиартехнологию «от двери к двери» малоэффективной. Поэтому в сельской местности проводить агитацию было гораздо проще и результативнее. Довольно редко на улицах можно было увидеть агитки кандидатов, обошлось без массового заклеивания заборов, стен домов и других доступных площадей портретами участников избирательного процесса. СМИ, преимущественно бесплатные, также не оказали реального воздействия на электорат. Что касается информационной войны, то три «коалиционные» партии: ЕР, ЛДПР и КПРФ – делали выпады в сторону друг друга лишь при достаточно веских поводах, по всей видимости, ощущая общее бремя ответственности. Только война компроматов между СР и остальными «правящими партиями» несколько оживляла предвыборную пропаганду.

Региональные элиты традиционно поддерживали выходцев из своих районов, не обращая внимания на партийную принадлежность. Так, в одном одномандатном округе № 23 победил прежний кандидат от КПРФ, жители Вяземского и Тёмкинского районов вновь доверили ему представлять их интересы в областном законодательном собрании. В Демидовском районе сильные позиции СР обеспечил бывший заместитель главы района.

Несмотря на убедительную победу партии ЕР как в области (ее соперники КПРФ и ЛДПР получили 36,5% и 32,8% от голосов ЕР), так и по одномандатным округам,

соперничество между партиями носило напряженный, но не жесткий характер. В 12 районах главным соперником ЕР выступали сторонники «партии власти» – ЛДПР. При этом, определенную борьбу за лидерство её сторонники вели в Дорогобужском и Духовщинском районах (68% и 56% от голосов ЕР). В Холм-Жирковском и Новодугинском районах борьбы практически не было (ЛДПР получила 18,4% и 11,4% от голосов ЕР). В Демидовском районе главным соперником ЕР выступили сторонники партии СР (22,2% от голосов ЕР).

Борьба за 2 место также развернулась между 4 партиями. Главным соперником партии ЕР в Ельининском районе выступили СР (около 40% от голосов ЕР), а партии СР в Демидовском районе – КПРФ (80,7% от голосов СР). Во всех районах, где 2 место заняла ЛДПР, её соперником была КПРФ. В Вяземском районе позиции партий разделяли всего 3 голоса, в Духовщинском и Дорогобужском районах число сторонников КПРФ составило около 50% от числа сторонников ЛДПР, а в Руднянском и Новодугинском районах более 80%. В большей части районов, где главным соперником партии власти выступала КПРФ, третье место заняла ЛДПР. При этом, в Хиславичском районе позиции партий разделили го 13 голосов, а в Тёмкинском и Глинковском районах и Промышленном районе г. Смоленска третье место досталось СР.

Очевидны ***географические особенности*** результатов выборов в Смоленскую областную Думу пятого созыва. В обобщённом виде их можно констатировать, выделив 2 типа и несколько подтипов районов (на основе 25 муниципальных районов и 2 городских округов Смоленской области) (рис. 1).

Первый тип – районы и округа, население которых отдало большую часть своих голосов за партию «Единая Россия». Из 27 изученных территорий 26 относятся к этому типу голосования. Однако второе место среди политических приоритетов населения данных районов принадлежит разным партиям. На этом основании можно выделить несколько подтипов:

- районы с доминированием ЕР и со значительной долей ЛДПР (12 районов): Велижский, Вяземский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Краснинский, Руднянкий, Сафоновский, Смоленский, Холм-Жирковский, Гагаринский, Новодугинский;
- районы с доминированием ЕР и со значительной долей КПРФ (13 районов и округов): Смоленск, Десногорск, Глинковский, Кардымовский, Монастырщинский, Хиславичкий, Починовский, Рославльский, Сычёвский, Тёмкинский, Угранский, Шумячский, Ярцевский;
- районы с доминированием ЕР и со значительной долей СР: Демидовский.

Второй тип – районы, население которых отдало свои предпочтения КПРФ: Ельнинский район.

Проведённый территориальный анализ результатов выборов позволил выделить следующие их особенности:

- более значительное влияние сельского электората, чем городского, на результаты выборов;
- территориальную концентрацию наиболее активного электората в районах, расположенных вдоль главных транспортных магистралей (железнодорожных и автомобильных) и в г. Смоленске;
- явное лидерство в ходе выборов партии ЕР и главных её соперников (КПРФ и «партии власти» в Смоленской области – ЛДПР) во всех районах области;
- Наличие значительного разрыва в степени поддержки ЕР по районам при отсутствии крупных центров проживания сторонников партии (в г. Смоленске доля сторонников ЕР составила всего 17 % от всех сторонников партии).
- Наличие значительного разрыва в степени поддержки КПРФ по районам при наибольшей концентрации электората данной партии в южных и центральных районах области. Высокий уровень концентрации сторонников КПРФ в г. Смоленске (33 % всех голосовавших за КПРФ).
- Наличие значительного разрыва в степени поддержки ЛДПР по районам при очень высоком уровне территориальной концентрации сторонников ЛДПР. Большая концентрация сторонников партии в г. Смоленске (22 %).
- Высокий уровень территориальной

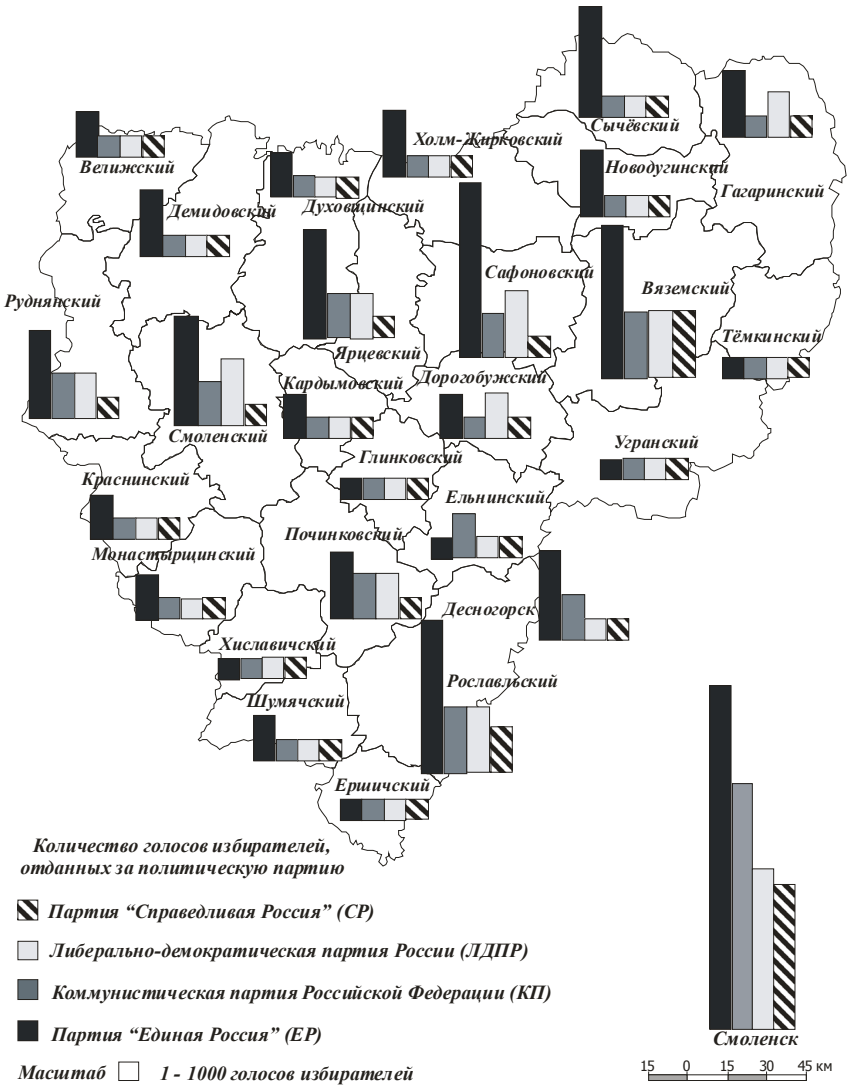


Рис. 1. Географические особенности результатов выборов в Смоленскую областную Думу пятого созыва
Составлено авторами по: [8].

концентрации сторонников партии СР (7 районов области – 50% голосовавших за неё при полном отсутствии сторонников партии или их незначительной доле в целом ряде районов). Самый высокий среди партий-лидеров уровень концентрации сторонников партии в г. Смоленске (37 % всех голосовавших за СР).

- Концентрация электората ПП в городах – Смоленске и Десногорске и слабое присутствие в сельской местности (3 района с долей около 10%, все остальные менее).

Библиографический список

1. Березкин, А.В. и др. Весна 89: География и анатомия парламентских выборов / Под ред. В.А. Колосова и др. – М.: Прогресс, 1990.
2. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. – 1996. – № 4. – С. 33–46.
3. Петров Н.В., Титков А.С. Электоральный ландшафт России // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 159–160.

4. Титков А.С. Методы электоральной географии 1990-х годов: работают ли они в 2000-е годы // Политическая социология . – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 90–101.
5. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
6. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. – М: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
7. Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология. – 1996. – Вып. 3 (17). – С. 37–52.
8. Информация о выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru (дата обращения 14.012014).

Шеломенцева М.В. (Москва)

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА

Shelomentseva M.V.

METHODOLOGY OF FORMING THE INFORMATION ANALYSIS BASE FOR THE RESEARCH OF LABOR FORCE OF THE REGION

Аннотация. *В данной статье приводятся результаты исследования трудовых ресурсов России на федеральном и региональном уровнях. Предлагается модель методологической системы исследования состояния трудовых ресурсов, основанная на информационных ресурсах государственной статистики.*

Abstract. *The article summarizes the results of the research of the labor force in Russia at the federal and regional levels. The author offers the model of a methodological system of research of the status of the labor force based on the information resources of the state statistics.*

Ключевые слова: *трудовые ресурсы, регион, муниципалитет, процессы формирования трудовых ресурсов, процессы распределения и использования трудовых ресурсов.*

Key words: *labor force, region, municipality, processes of labor force formation, processes of allocation and employment of labor forces.*

Российская экономика, как субъект глобальной экономики, обусловливает заинтересованность в объективных оценках своего социально-экономического развития, в том числе и на региональном уровне.

Смещение приоритетов социально-экономической политики ведущих мировых экономик в инновационную сферу значительно повышает роль трудовых ресурсов (ТР) в развитии не только отдельных территорий, но и государства в целом. Это обусловливает необходимость проведения комплексного анализа (количественного и качественного) состояния и трансформации трудовых ресурсов (ТР). Для измерения, анализа и агрегирования показателей процессов формирования, распределения и использования ТР необходимо совершенствование научно-методологических подходов как к количественному, так и к качественному оцениванию состояния ТР, что повышает актуальность исследований в данном направлении.

Результаты межрегиональных сравнений состояний ТР строятся на основе информационных массивов показателей, формирующихся по данным статистических ресурсов, разрабатываемых и аккумулируемых Федеральной службой государственной статистики РФ (Росстат), и данных ведомственной статистики:

- совокупности показателей статистических наблюдений, проводимых Росстатом на федеральном, региональном и муниципальных уровнях;
- показателей ведомственной статистики России, включая Федеральную налоговую службу РФ (ФНС), Пенсионного фонда (ПФР), Фонд

социального страхования РФ, Федеральную службу по труду и занятости (Роструд), Министерства здравоохранения (Минздрав), Федеральную миграционную службу (ФМС), Министерства регионального развития (Минрегиона), Казначейства РФ, Банка России и др.;

- отчетности по результатам обследований, проводимых органами государственной власти субъектов РФ за счет бюджетных средств.

Информационно-вычислительная система (ИВС) Росстата и его территориальных органов имеет иерархическую структуру. Единые нормативно-справочные данные ИВС сгруппированы в Каталог статистических показателей (КСП) и могут быть представлены как в форме печатных изданий (статические сборники, оперативные доклады, бюллетени и пр.), так и в электронном виде (официальный веб-сайт Росстата www.gks.ru).

Основываясь на результатах исследований трудовых ресурсов РФ и ее регионов таких ученых, как А. Вишневский, В. Переведенцев, Н. Зубаревич, Л. Рыбаковский, Ж. Зайончковская, А. Пилясов, А. Гранберг, С. Суспицын, А. Коровкин, А. Катровский, Ю. Андриенко, С. Гуриев, Н. Мкртчян, Л. Карачурина и др., были выделены в качестве типовых следующие группы факторов:

- на стадии формирования – это рождаемость, смертность, состояние семейных отношений, состояние здравоохранения, состояние экологии (характеризующие естественную составляющую формирования ТР региона), предоставление рабочих мест, обеспечение жильем, социальная защита населения (характеризующие миграционную составляющую формирования ТР региона);
- на стадии распределения – уровень и качество жизни населения, труд, урбанизация, миграция, дифференциация населения по доходам, преступность, состояние социально-экономической системы (включая приток инвестиций, транспорт и связь, строительство, состояние промышленного производства и сельского хозяйства, поддержку малого и среднего бизнеса и др.);
- на стадии использования – занятость, безработица, состояние муниципального бюджета и финансов предприятий, торговля и услуги населению, образование, производственный травматизм, а также характеризующие эффективность управления использования ТР на производственно-отраслевом уровне – организация труда, обеспечение охраны и безопасности труда, модернизации рабочих мест с применением инновационных технологий, повышению уровня квалификации работников и т. п..

Следует отметить, что каждый типовой фактор отражается набором статистических показателей для оценивания состояния ТР. Это позволяет сформировать информационный массив типовых показателей-индикаторов, представленных в таблице 1.

В таблице 1 графа 1 отражает стадии состояния ТР; графа 2 – типовые факторы, оказывающие наиболее значимое влияние на состояние ТР на стадиях их формирования, распределения и использования; графа 3 – статистические показатели, отражающие факторы графы 2; графа 4 – суммарное количество статистических показателей, описывающих конкретный факторный признак.

Исследования ТР на региональном или муниципальном уровнях определяют выбор статистических показателей региональной или муниципальной ИВС.

Особо следует отметить, что некоторые из этих индикаторов могут быть не представлены в ИВС Росстата, и их отсутствие восполняется данными ведомственной статистики.

Проведенный анализ вхождения факторных показателей-индикаторов (табл. 1) в базы данных ИВС Росстата показал, что большинство из них поддерживается в ИВС Росстата базами данных регионального и муниципального уровня.

Отсутствие данных по таким показателям, как фактическое конечное потребление на душу населения и коэффициент демографической нагрузки (стадия распределения ТР), средняя продолжительность поиска работы безработными и уровень расходов консолидированного бюджета (стадия использования ТР) объясняется тем, что они относятся к федеральному уровню и представлены в разделах «Труд», «Валовой региональный продукт», Население», «Финан-

Таблица 1

Типовой набор факторных показателей состояния ТР

Стадия ТР	Фактор	Показатель-индикатор	Итого
1	2	3	4
Формирование	Рождаемость	Общий коэффициент рождаемости; суммарный коэффициент рождаемости	2
	Смертность	Общий коэффициент смертности; суммарный коэффициент смертности по социальным причинам; коэффициент младенческой смертности	3
	Состояние семейных отношений	Коэффициент брачности	1
	Состояние здравоохранения	Обеспеченность больничными койками; заболеваемость населения; численность врачей	3
Распределение (перераспределение)	Состояние экологии	Количество загрязненных вод в общем объеме сточных вод за год; количество вредных веществ, выброшенных в атмосферу из стационарных источников за год	2
	Состояние социально-экономической системы	ВРП на душу населения; производство электро-энергии; объем инвестиций в основной капитал; объем платных услуг на душу населения; валовой сбор сельскохозяйственных культур	5
	Уровень и качество жизни	Ожидаемая продолжительность жизни; ввод в действие жилых домов; среднее число используемых телефонных линий; доля общей площади жилищного фонда, находящейся в частной собственности граждан; общая площадь жилищного фонда на одного жителя; фактическое конечное потребление на душу населения; число дошкольных учреждений; число собственных легковых автомобилей; коэффициент демографической нагрузки	8
	Труд	Численность населения; доля населения младше (старше) трудоспособного возраста (ТРВ) в общей численности населения; численность населения ТРВ	3
	Дифференциация населения по доходам	Величина прожиточного минимума; среднедушевой денежный доход (СДД); соотношение СДД и прожиточного минимума; потребительские расходы на душу населения	4
	Миграция	Число прибывших, число выбывших; сальдо миграции	3
	Урбанизация	Доля городского населения в общей численности населения; плотность населения	2
Использование	Занятость	Уровень занятости; среднемесячная заработная плата работников; уровень экономической активности	3
	Безработица	Уровень безработицы; средняя продолжительность поиска работы	2
	Торговля и услуги населению	Доля расходов на питание в потребительских расходах населения; розничный товарооборот на душу населения; удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг(ЖКХ)	3
	Финансы	Уровень расходов консолидированного бюджета	1
	Образование	Число дневных общеобразовательных школ; число студентов	2
	Производственный травматизм	Доля работников с вредными и опасными условиями труда	1
	Преступность	Число зарегистрированных преступлений; число преступлений связанное с незаконным оборотом наркотиков	2
	Всего:		50

Источник: составлено автором.

сы» статистического сборника «Регионы России. Основные социально-экономические показатели».

Вместе с тем ряд показателей-индикаторов не поддерживаются ИВС Росстата муниципального уровня. В этом случае представляется целесообразным дополнить их данными ведомственной статистики. В частности, информация о муниципальном рынке труда отражается такими данными, как сред-

несписочная численность работников организаций, уровень регистрируемой безработицы, информация о заявленных вакансиях работодателями и др. Наши исследования позволяют констатировать, что для эффективной оценки состояния ТР необходима качественная методологическая основа, включающая взаимодополняющие показатели ИВС Росстата федерального, регионального и муниципального уровней. Вместе с тем, получение объективной оценки состояния ТР осложняется отсутствием постоянных статистических наблюдений.

Библиографический список

1. Андриенко Ю., Гуриев С. Разработка модели внутренних и внешних миграционных потоков населения для регионов Российской Федерации / Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. – М.: Российская экономическая школа, 2006. – 52 с.
2. Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 120–150.
3. Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 4. Внутренняя миграция в России: правовая практика / Центр Миграционных Исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2007. – 84 с.
4. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал новой экономической ассоциации. – 2009. – № 1/2. – С. 161–174.
5. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы // Научные труды. ИНП РАН. Гл. ред. А.Г.Коровкин. – М.: МАКС-Пресс, 2008. – С. 571–604.
6. Катровский А.П., Ридевский Г.В., Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского пограничного региона // Региональные исследования. – 2013. – № 3(41). – С. 128–136.
7. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
8. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Сравнительный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования. – 2012. – № 1(35). – С. 34–66.
9. Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени // Россия в зеркале переписей населения / Сост. Ж.А. Зайончковская. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 79 с.
10. Рыбаковский Л.Л. Факторы депопуляции в России // Народонаселение. – 2013. – № 3. – С. 4–19.

Шмарин А.А., Шмарин А.П. (Оренбург)

ОПТИМИЗАЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК (на примере г. Оренбург)

Shmarin A.A., Shmarin A.P.

OPTIMIZATION OF MODEL OF INTERACTION OFЦ PARTICIPANTS OF THE MARKET OF PASSENGER TRAFFIC (on the example of Orenburg)

Аннотация. *В работе проводится анализ качественных и количественных показателей, характеризующих рынок общественного пассажирского транспорта г. Оренбурга в настоящее время. На основе методики М. Портера рассматриваются конкурентные силы, оказывающие влияние на отрасль, приводится количественная оценка анализируемых сил, делается вывод о текущем состоянии и перспективах развития отрасли. С помощью полученных результатов в работе предлагается актуальная модель взаимодействия участников рынка пассажирских перевозок.*

Abstract. *In work the analysis of the quality and quantitative indices characterizing the market of public passenger transport of Orenburg now is carried out. On the basis of M. Porter's technique the competitive forces having impact on branch are considered, the quantitative assessment of analyzed forces is given, the conclusion about current state and prospects of development of branch is drawn. By means of the received results in work the actual model of interaction of participants of the market of passenger traffic is offered.*

Ключевые слова: *пассажирские автобусные перевозки, Оренбург, конкурентные силы, частно-государственное партнёрство.*

Keywords: *passenger bus traffic, Orenburg, competitive forces, public-private partnership.*

Нормальное жизнеобеспечение современного города невозможно без удобных и надёжных транспортных связей. Наибольшее значение в жизнедеятельности города при этом играют массовые виды городского пассажирского транспорта, роль которых в

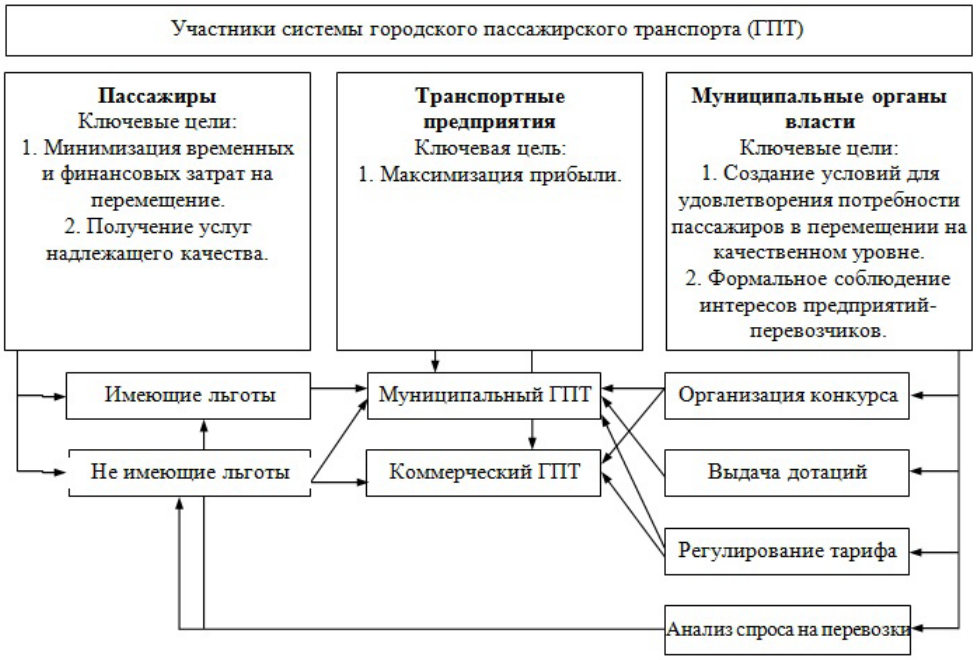


Рис. 1. Модель взаимодействия участников системы городского пассажирского транспорта г. Оренбурга, их ключевые цели

современном крупном населённом пункте сводится к предоставлению максимальных удобств пассажирам и снижению временных затрат на их передвижение.

В период плановой советской экономики городской пассажирский транспорт интенсивно развивался благодаря высоким капитальным затратам на формирование и поддержание его инфраструктуры. На постоянной основе обновлялся автопарк, прокладывались дороги, троллейбусные линии, трамвайные пути.

В новых рыночных условиях хозяйствования возникла потребность в ином способе организации пассажирских перевозок в городах. По сути, рынок пассажирских перевозок оказался поделён между муниципальными и частными предприятиями. При этом ряд функций по организации работы отрасли и контролю за ней остался только за муниципалитетом (рис. 1).

Подобный вариант развития отрасли продемонстрировал целый комплекс проблем, обострившихся в последнее время и негативно воздействующих на качество оказываемых услуг.

Поверхностный анализ рынка говорит о неудовлетворённости всех его участников, что косвенно позволяет сделать вывод о несовершенстве существующей модели взаимодействия. В целях проведения её оптимизации требуется более детализированный анализ рынка с использованием статистических и методологических подходов.

Наиболее оптимальным и эффективным типом общественного транспорта для города Оренбурга (в силу его пассажиропотока, социально-экономической специфики, истории и конфигурации) является автобусный транспорт. Это подтверждают и показатели, полученные практическим путём в результате многолетних статистических наблюдений (табл. 1).

На конец 2012 г. на долю автобусного транспорта в Оренбургской области приходилось 84,92% перевезённых пассажиров в пригородном сообщении (в целом по стране – 57,1%) [10]. Это говорит о его высокой социальной и экономической значимости в структуре пассажирских перевозок в регионе и его административном центре.

Отдельно данные об объёмах перевозки пассажиров по городу Оренбургу доступны для автобусного транспорта. В силу отсутствия в городе трамвайных маршрутов и исключения из итоговых данных показателей перевозки железнодорожным и троллейбусным транспортом, в таблице 2 представлены

Таблица 1

Перевезено пассажиров транспортом общего пользования в Оренбургской области, млн. чел.

	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
железнодорожным	6,3	5,6	5,7	4,9	4,1	3,5	3,7
автобусным	261,5	178,7	226,6	211,0	199,2	191,1	189,3
трамвайным	113,9	59,0	28,5	26,0	21,6	19,3	15,0
троллейбусным	62,6	16,6	17,8	12,9	11,9	12,5	11,7
воздушным	0,2	0,3	1,1	1,6	2,4	2,5	3,2
Всего	444,5	260,2	279,9	256,4	239,2	228,9	222,9

Источник: [9].

Таблица 2

Перевезено пассажиров автобусным транспортом общего пользования в Оренбурге (на конец года)

Показатель	2005	2007	2008	2009	2010
Перевезено автобусным транспортом муниципальных предприятий по маршрутам общего пользования, тыс. чел.	44249,0	31932,0	30456,0	20302,0	19510,0
Перевезено автобусным транспортом, находящимся в собственности физических лиц, привлеченных к работе на маршрутах общего пользования, тыс. чел.	50117,8	55839,7	67938,0	73023,6	73023,6
Общее количество перевезённых пассажиров	94366,8	87771,7	98394,0	93325,6	92533,6
Доля пассажиров, перевезённых автобусным транспортом, находящимся в собственности физических лиц, от общего объёма, %	53,11	63,62	69,05	78,25	78,92

Источник: [11].

агрегированные сведения только по автобусным маршрутам города.

На основе данных таблицы можно говорить о том, что доля пассажиров, перевезённых автобусным транспортом, находящимся в собственности физических лиц, привлечённых к работе на маршрутах общего пользования, стабильно растёт.

По состоянию на 01.01.2014 г. пассажирские перевозки в г. Оренбурге осуществляются на 6 троллейбусных маршрутах и 65 автобусных (41 из которых обслуживают автобусы средней и большой вместимости, 24 – микроавтобусы) [4].

Наиболее востребованные пассажирами города виды общественного пассажирского транспорта (на долю автобусного и троллейбусного транспорта приходится около 98% пассажиропотока) имеют свои конкурентные преимущества и недостатки (табл. 3).

Пассажирские перевозки на маршрутах в г. Оренбурге осуществляет 26 предприятий (в т.ч. индивидуальные предприниматели), из которых – 2 муниципальных (7,69%), 24 коммерческих (92,31%). Между данными игроками и ведётся основная конкурентная борьба. При этом на долю муниципальных предприятий приходится 20 маршрутов (26,67%), коммерческих – 51 маршрут (73,33%).

В данном исследовании для анализа ключевых конкурентных сил, действующих в отрасли, использовалась методика, разработанная М. Портером [8]. Эта методика предполагает оценку рынка по пяти ключевым направлениям (конкурентным силам): вероятность появления/ использования товаров-субститутов (заменителей), вероятность появления новых конкурентов, рыночная власть потребителей, рыночная власть поставщиков, общая конкурентная ситуация в отрасли.

1. Вероятность появления/использования товаров-субститутов. В анализируемой отрасли наблюдается высокая склонность потребителей к покупке товаров-субститутов. Это происходит за счёт преимущественно отрицательного эмоционального восприятия людьми, нуждающихся в перемещении, общественного транспорта, а также более низкого качества автобусных перевозок по отношению к основным товарам-субститутам (таксомоторный транспорт и личные автомобили).

Таблица 3

Конкурентные преимущества и слабости ключевых видов общественного пассажирского транспорта г. Оренбурга

Вид ГПТ	Конкурентные преимущества	Конкурентные слабости
Автобусный транспорт	1. Отсутствие необходимости в специальной инфраструктуре. 2. Высокая манёвренность. 3. Широкий диапазон подвижного состава по вместимости пассажиров.	1. Высокие эксплуатационные затраты. 2. Относительно сложное устройство, влияющее на эксплуатационную надёжность.
Троллейбусный транспорт	1. Относительно более низкие эксплуатационные издержки. 2 Экологичность. 3. Более продолжительный, чем у автобуса срок службы.	1. Высокая стоимость развёртывания троллейбусной системы. 2. Низкая манёвренность. 3. Высокая зависимость от напряжения контактной линии. 4. Низкая провозная способность троллейбусных путей.

Главным ограничителем по максимизации конкурентной силы «вероятность появления/ использования товаров-субститутов» является достаточно высокая стоимость переключения на товары-заменители.

2. Вероятность появления новых конкурентов. Рынок пассажирских автобусных перевозок г. Оренбурга в настоящее время характеризуется низкой вероятностью появления новых игроков муниципального уровня. Во многом величина данной силы снижается за счёт наличия в отрасли существенных барьеров входа (лицензирование деятельности, муниципальный конкурс), необходимости значительных стартовых затрат. Нельзя исключать из поля влияния на данную силу возможные ответные действия старых игроков (4 транспортныхпредприятия из 26 осуществляют перевозки на 31 маршруте из 75).

В перспективе на рынке пассажирских автобусных перевозок следует ожидать дальнейшее уменьшение количества действующих игроков за счёт нарастания влияния негативных тенденций макро- и микросреды, усиления требований пассажиров и муниципалитета к качеству оказываемых транспортными предприятиями услуг.

3. Рыночная власть потребителей. Высокая чувствительность потребителей к стоимости проезда является одним из главных факторов, оказывающих влияние на данную конкурентную силу. Однако, конкурсный принцип закрепления транспортных предприятий за маршрутами, высокая стоимость переключения на основные товары-субституты, существенная концентрация потребителей относительно организаций-перевозчиков являются ограничителями для данной силы.

Вместе с тем уверенно можно прогнозировать усиление власти потребителей на рынке пассажирских автобусных перевозок г. Оренбурга по целому ряду причин (рост автомобилизации, низкий уровень удовлетворённости потребителями качеством оказываемых услуг, высокая эмоционально-психологическая значимость для пассажиров переключения на товары-субституты и т.д.). Это повлечёт за собой необходимость организациям-перевозчикам повышать качество оказываемых услуг.

4. Рыночная власть поставщиков. Данная сила не имеет выраженного характера за счёт достаточной концентрации поставщиков и низкой вероятности их интеграции. При этом необходимо отметить существенную зависимость транспортных предприятий от выбора эксплуатируемых моделей транспорта и ключевых узлов и агрегатов в силу ограниченности их финансовых возможностей.

Так на рынке пассажирских автобусных перевозок в г. Оренбурге преимущество имеют автобусы бюджетных моделей «ПАЗ» средней вместимости и микроавтобусы типа «Газель» (суммарно около 90% от количества всех эксплуатируемых в отрасли машин).

5. Общая конкурентная ситуация на рынке пассажирских автобусных перевозок Оренбурга имеет признаки несовершенной конкуренции. Во многом это происходит по причине существенной поддержки

муниципальными властями предприятий МКП «Оренбургский городской пассажирский транспорт» и МКП «Оренбургские пассажирские перевозки» (компенсация затрат, связанных с приобретением основных средств и эксплуатационными издержками) в ущерб их прямым конкурентам.

Дополнительным источником деформации конкурентных отношений на анализируемом рынке является тарифное регулирование, осуществляемое органами муниципальной власти. При этом наибольшую угрозу для развития конкуренции в г. Оренбурге представляет несоответствие размера установленного предельного тарифа фактическим издержкам и отсутствие планомерности в индексации стоимости проезда.

Калькуляция действующего утверждённого тарифа не соответствует методическим рекомендациям по расчёту экономически обоснованной стоимости перевозки пассажиров и багажа в городском и пригородном сообщении автомобильным транспортом общего пользования, рекомендованным Министерством транспорта РФ, что не позволяет транспортным предприятиям обеспечивать должное качество перевозок.

Действующая система тарифного регулирования вынуждает предприятия придерживаться стратегии минимизации издержек за счёт отказа от кондукторов, привлечения к работе трудовых иммигрантов, выбора в пользу запчастей, аналогичных заводским и т.д.

С 2010 г. по январь 2013 г. стоимость перевозки пассажиров не изменялась и составляла для автобусов – 10 руб., троллейбусов – 8 руб., микроавтобусов – 12 руб. В январе 2013 г. стоимость проезда возросла на 40% и ещё на 7% – в июле 2013 г. Это вызвало волну социального недовольства среди населения, породило накопление дефицита бюджетов коммерческих предприятий, осуществляющих пассажирские перевозки.

В рамках данного исследования для количественной оценки конкурентных сил, действующих на рынке пассажирских автобусных перевозок в г. Оренбурге, методика М. Портера была дополнена 10-балльной оценочной шкалой. В качестве экспертов для оценки конкурентных сил были привлечены практикующие руководители предприятий анализируемой отрасли, учёные, работающие в данной сфере, экономисты и представители муниципальных властей. Анализ полученных результатов говорит о высокой степени неудовлетворённости всех участников рынка пассажирских перевозок.

Низкая рыночная власть потребителей (4,00) повышает склонность пассажиров к использованию товаров-субститутов (7,66). Транспортные предприятия лишены возможности реализации своей ключевой цели из-за негативной общей конкурентной ситуации в отрасли (7,33), нарастающей власти поставщиков (5,20), и поэтому не способны оказывать транспортные услуги надлежащего качества. А это, в свою очередь, препятству-

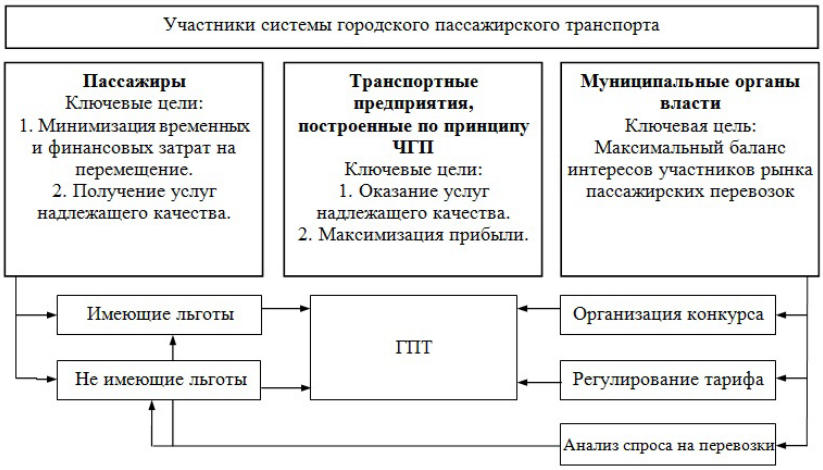


Рис. 2. Модель взаимодействия участников системы городского пассажирского транспорта, основанная на принципах ЧГП

ет реализации ключевых целей муниципальных органов власти.

Подобная ситуация говорит о необходимости пересмотра модели взаимодействия между основными участниками рынка пассажирских перевозок г. Оренбурга.

Базовым параметром построения новой модели должно стать соблюдение общей ключевой цели: переход на качественно более высокий уровень оказания услуг населению на фоне сохранения экономических интересов предприятий-перевозчиков (рис. 2).

В основу предлагаемой модели положен принцип частно-государственного партнёрства (далее ЧГП), позволяющий снизить негативное влияние рыночной силы «общая конкурентная ситуация в отрасли». Подобная форма сотрудничества должна развиваться на фоне устранения деформации конкурентных условий, вызванных существенным субсидированием муниципальных транспортных предприятий (100% в основные средства и порядка 50% в эксплуатационные издержки).

При этом высвобождаемые в результате отказа от субсидий бюджетные средства могут стать основой для долевого приобретения современного автотранспортного парка.

Таким образом, частный партнёр, реализуя функции «оператора», сможет, преследуя собственные коммерческие интересы, оказывать качественные транспортные услуги потребителям, снижая их склонность к использованию товаров-субститутов.

Переход к предложенной форме взаимодействия участников системы городского пассажирского транспорта позволит снизить негативные тенденции на анализируемом рынке, повысит удовлетворённость заинтересованных сторон в процессе реализации своих целей.

Библиографический список

1. Города и районы Оренбургской области: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. – Оренбург, 2011. – 274 с.
2. Дубовик В.О. Методы оценки транспортной доступности территории // Региональные исследования. – 2013. – № 4. – С. 11–18.
3. Корягин М.Е. Равновесные модели системы городского пассажирского транспорта в условиях конфликта интересов. – Новосибирск: Наука, 2011. – 140 с.
4. Кухлев Б.Е Применение анализа пяти сил М. Портера и SWOT-анализа для планирования деятельности аграрного предприятия (на примере ОАО «Дельта-Агро») // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 5 (236). – С. 52–56.
5. Любимов И.И. Показатели спроса на услуги городского пассажирского транспорта (на примере г. Оренбурга) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 9. – С. 139–143.
6. Макаров И.Н. Государственно-частное партнёрство в системе взаимодействия бизнеса и государства: институциональный подход // Российское предпринимательство. – 2013. – № 24 (246). – С. 18–29.
7. Мурзабулатов А.С., Шайхутдинова А.А. Модели взаимодействия предприятий городского пассажирского транспорта и муниципальных органов власти // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – №3 (41). – С. 217–219.
8. Porter M.E. How Competitive Forces Shape Strategy // Harvard Business Review. – 1979. – March/April. – P. 2–10.
9. Статистический ежегодник Оренбургской области[Электронный ресурс]. – Оренбург :Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области, 2013. – Режим доступа: http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/statistics/. – Дата доступа: 08.03.2014.
10. Структура перевозок пассажиров и пассажирооборот транспорта общего пользования по видам сообщения [Электронный ресурс]. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2012. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d4/17-13.htm. – Дата доступа: 09.03.2014.
11. Транспорт г. Оренбурга [Электронный ресурс]. – Оренбург :официальный портал «город Оренбург», 2013. – Режим доступа: http://www.orenburg.ru/official/socio_economic_development/analysis/analiz_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_goroda_orenburga_za_2012_god/transport/index.php?sphrase_id=53715. – Дата доступа: 12.10.2013.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Бояр А.А. (Киев, Украина)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ «ПОЛЕЗНОСТИ», ПОЛУЧАЕМОЙ ГОСУДАРСТВАМИ ОТ УЧАСТИЯ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ГРУППИРОВКЕ

Boiar A.A.

DIFFERENTIATING UTILITY RECEIVED BY STATES FROM THEIR MEMBERSHIP IN AN INTERNATIONAL UNION

Аннотация. *В статье предпринимается попытка использования экономической категории «полезность» для описания и дифференциации преимуществ, которые государства получают от их участия в том или ином интеграционном объединении. Предлагается авторская методика оценки относительной интеграционной «полезности» путем расчета специального индексного показателя. Наводится пример ее апробации для Европейского Союза. Рассматриваются ограничения и некоторые возможности практического использования индекса интеграционной «полезности».*

Abstract. *In this article we make an attempt to apply economic category "utility" for description and differentiation of benefits that states receive from their membership in a particular international union. We propose to construct a special index in order to estimate relative integration utility. An example of application of this technique is demonstrated for the European Union case. Restrictions and some spheres of application of the integration utility index are discussed.*

Ключевые слова: *интеграция, полезность, интеграционный эффект, интеграционная группировка, государство-член, наднациональный, индекс, показатель, компонент полезности, методика.*

Keywords: *integration, utility, benefits from integration, international union, member state, supranational, index, indicator, utility component, methodology.*

Введение. Международная интеграция является неотъемлемой чертой современного мира и одним из главных последствий процесса глобализации. Сегодня это явление стало неотвратимым и охватывает подавляющее большинство стран мира. Вопрос научного обоснования различных аспектов международной интеграции продолжает оставаться актуальным, особенно когда речь идет о последствиях реализации определенного интеграционного проекта. В этой статье мы предлагаем одну из возможных методик дифференциации интеграционных эффектов государств от их участия в том или ином интеграционном объединении.

Для этого воспользуемся категорией «полезности» как таковой, что универсально описывает все положительные эффекты от участия государства в интеграционном объединении. Некоторые ученые в своих трудах пользуются этой категорией относительно интеграционных группировок, однако не ставят целей ее дифференциации в разрезе государств-членов, а используют как целевую переменную для максимизации в функциональном анализе [6, 10]. Наиболее распространенным является использование этой категории в микроэкономической теории для исследования рыночного поведения потребителя и в экономической теории благосостояния для обоснования условий максимизации благосостояния населения.

Заметим также, что интеграционная группировка в этом исследовании рассматривается как добровольное объединение суверенных государств, которые соглашаются передать полномочия по реализации или координации определенных политик центральным наднациональным органам.

В целом «полезность» является достаточно сложной и комплексной категорией. Для государств-членов интеграционного объединения она определяется рядом факторов, которые можно разделить на пять основных групп: экономические, социокультурные, политические, экологические и факторы безопасности. Соответственно можно выделять пять базовых компонентов «полезности». Когда речь идет об экономической интеграции, на первое место, безусловно, выходят экономические характеристики «полезности». К ним относятся, прежде всего, стабилизация и повышение темпов экономического роста, что, в свою очередь, становится следствием расширения рынков сбыта отечественной продукции, повышения мобильности (и, как следствие, более эффективного распределения) факторов производства, инвестиционной привлекательности, конкурентоспособности предприятий и т. д. Фактически все они могут быть достаточно точно описаны количественно и использоваться для дифференциации интеграционной «полезности» различных государств-членов объединения.

Главные сложности количественного описания «полезности» от интеграции возникают при комплексной оценке, которая включала бы все (не только экономические) факторы. Ведь социокультурные, политические (внешне-, внутренне- и геополитические) и экологические достижения от интеграции в основном не поддаются количественной оценке, необходимой для установления ориентировочных значений «полезности». Кроме того, все компоненты «полезности» на практике часто достаточно переплетены и взаимосвязаны, что еще больше усложняет задачу комплексной оценки этой категории.

Сложность оперирования категорией «полезность» (как и категорией «преференции») заключается также в том, что между государствами-членами (как и между потребителями) не существует идентичности интересов. А отсюда следует, что внедрение универсальной формулы по определению ее абсолютных значений не представляется возможным. Об этом утверждал в своих трудах еще Дж. Хикс [8, с. 711].

Методика расчета индекса интеграционной «полезности». Исходя из приведенных аргументов, представляется целесообразным рассчитывать не абсолютные (кардиналистский подход), а относительные (ординалистский подход) значения «полезности» от интеграции для каждого из государств-членов интеграционной группировки. Для этого предлагаем ввести специальный индексный показатель, в частности, индекс интеграционной «полезности» (R). Его значение для сложной по форме интеграционной группировки (интеграционный процесс распространяется на все пять сфер общественных интересов (компонентов «полезности»)) за определенный период времени можно рассчитать по формуле:

$$\mathrm{R} = \mathrm{a} \times En + \mathrm{b} \times SC + \mathrm{c} \times Sr + \mathrm{d} \times Pl + \mathrm{g} \times El, \quad (1)$$

где a, b, c, d, g – весовые коэффициенты каждого из компонентов «полезности», среди которых *En* – это экономический компонент, отражающий улучшение условий функционирования производителей товаров и услуг и условий для экономического развития в целом; *SC* – социокультурный компонент, который демонстрирует улучшение благосостояния, условий жизни и труда граждан; *Sr* – компонент безопасности, проявляющийся в усилении гарантий безопасности (военно-политической, энергетической, продовольственной и др.) государства; *Pl* – политический компонент (повышение политического «веса» государства среди стран интеграционного объединения и в мире); *El* – экологический компонент, отражающий улучшение экологической ситуации в регионах страны.

Коэффициенты a, b, c, d, g отражают «вес» каждого компонента «полезности». Этот «вес» может существенно отличаться в зависимости от формы и целей интеграционной группировки. В большинстве группировок главными целями являются экономические и социокультурные, поэтому значения коэффициентов a и b должны быть больше, чем остальных трех. Социокультурные цели подразумевают и улучшение экономического благосостояния населения (социоэкономический компонент).

В группировках низшего уровня (зона свободной торговли и таможенный союз) коэффициенты c, d и g вообще будут, скорее всего, равны нулю и параметры $\mathrm{c} \times \mathrm{Sr}$, $\mathrm{d} \times \mathrm{Pl}$ и $\mathrm{g} \times \mathrm{El}$, таким образом, будут отсутствовать в формуле. При формировании общего рынка и, тем более, экономического союза

в формуле могут присутствовать все пять параметров.

Значения весовых коэффициентов, в нашем представлении, могут быть оценены четырьмя способами:

1) интуитивно исследователем;

2) путем поиска политического компромисса между государствами-членами в ходе переговорного процесса;

3) отражать видение интеграционных эффектов обществом (базироваться на результатах социологических опросов);

4) на основе определенного научно обоснованного метода.

Два первых могут быть очень субъективированными личными взглядами и политическими убеждениями, соответственно. Наиболее приемлемыми представляются третий и четвертый способы. Остановимся на них несколько подробнее.

Третий способ основан на предположении, что среднестатистический гражданин государств-членов интеграционного объединения адекватно воспринимает эффекты, которые его страна получает от членства в объединении. Путем получения ответов общественности на вопрос типа «Оцените по шкале от 0 до 5 преимущества, которые ваше государство получает от членства в интеграционном объединении в каждой из перечисленных сфер общественных интересов (экономическая, социокультурная, политическая, экологическая сферы и сфера безопасности)», можно рассчитать значение весовых коэффициентов различных компонентов интеграционной «полезности». Например, если 55 % набранных баллов по всем компонентам «полезности» отдано экономическому компоненту (*En*), значение соответствующего весового коэффициента (а) может быть оценено в 0,55 и т. д.

Поскольку данные относительно выставленных оценок будут известны и в разрезе государств-членов, этот способ расчета весовых коэффициентов может быть использован для получения не только общего уравнения «полезности» для всех государств-членов, но и индивидуальных уравнений. Получение индивидуальных уравнений для каждого государства-члена позволит исправить недостаток универсального подхода и учесть тот факт, что «вес» компонентов «полезности» для различных государств-членов будет, скорее всего, отличаться. Причиной этого является гетерогенность преференций населения стран-интегрантов.

Четвертый способ – использование институционального подхода, важность которого неоднократно подчеркивается в работах современных экономистов [2, с. 84; 5, с. 35], и проведения расчета «веса» коэффициентов в зависимости от количества органов и ведомств интеграционного объединения, действующих в рамках каждого из компонентов «полезности». Определив долю институциональных структур, действующих в рамках определенного компонента «полезности», в общем их количестве, получим коэффициенты (от 0 до 1), отражающие «институциональное» внимание, уделяемое в интеграционной группировке тому или иному сектору общих интересов. Их и можно, по нашему мнению, считать весовыми коэффициентами компонентов «полезности». Такой методологический прием, однако, можно применять только в интеграционных группировках высшего уровня, где существует значительное количество совместных координационных органов.

А теперь рассмотрим возможные подходы и методы оценки индикаторов (прокси) каждого из компонентов «полезности». При их расчете следует учитывать разницу в размерах государств-членов (по экономическому потенциалу, численности населения, площади), т.е. пользоваться относительными, а не абсолютными показателями.

Лучшим индикатором экономического компонента (*En*) для каждого государства-члена считаем долю экспортируемых государством товаров и услуг в другие страны интеграционной группировки (интра-экспорт) (*IntraExpGoods* + *IntraExpServ*) в совокупном экспорте товаров и услуг соответствующего государства (*TotalExpGoods* + *TotalExpServ*). То есть показатель, рассчитанный по формуле:

$$\delta = \frac{IntraExpGoods + IntraExpServ}{TotalExpGoods + TotalExpServ} \qquad (2)$$

Другими индикаторами, которые можно считать отражающими экономическую «полезность» государства-члена от интеграции, могут служить рассчитаные таким же способом показатели по объемам входящих потоков капитала (межгосударственные инвестиции, платежи, трансферты) или по объемам внешнего оборота товаров и услуг. Недостат-

ком второго показателя является то, что этот он отражает не только производственные, но и потребительские эффекты, которые, на наш взгляд, относятся ко второму компоненту «полезности» – социокультурному. Возможно также использование как индикатора экономической «полезности» результатов опросов представителей бизнеса о роли интеграционного объединения в улучшении условий их экономической деятельности.

Использование в качестве индикатора экономической составляющей «полезности» показателя ВВП (ВНД) считаем не целесообразным, поскольку интеграционные эффекты являются далеко не единственными и, зачастую, даже не первоочередными его детерминантами.

Лучшим индикатором социокультурного компонента «полезности» (*SC*) является доля граждан, которые поддерживают интеграцию или испытывают ее положительные результаты (интеграционных оптимистов), в общей численности населения страны. Социологические опросы такого характера регулярно проводятся в интеграционных объединениях, поэтому трудностей, связанных с отсутствием необходимых данных, не должно возникать. Удовлетворительной альтернативы этому индикатору социокультурной «полезности» мы не видим.

Безопасностный компонент «полезности» (*Sr*) наиболее точно будет отражать ощущение населением значимости интеграционного проекта как фактора повышения безопасности их государства. Его можно установить путем социологического опроса. Количественно этот показатель будет выражен долей населения, которое видит положительную роль интеграционной группировки в обеспечении безопасности их государства. Такой подход соответствует доминирующей сегодня «мягкой» трактовке безопасности и позволяет интегративно оценить широкий перечень составляющих безопасности, проявленных через призму социального восприятия [4, с. 133].

Альтернативой индикатора безопасностной «полезности» может быть определенный показатель λ, который конструируется с учетом главных факторов безопасности; например, размеров государственной территории и/или численности населения (по сравнению с крупными государствами, меньшие получают более существенные эффекты безопасности, чем они могли бы обеспечить сами). Формула его расчета может быть следующей:

$$\lambda = 1 - \frac{AreaState}{AreaUnion}, \qquad (3)$$

где *AreaState* – площадь государства (в случае наличия заморских зависимых территорий или отдаленных эксклавов – главной ее части), а *AreaUnion* – площадь всех государств-членов объединения. Присутствие единицы и отрицательного знака в выражении обеспечивает обратную пропорциональную зависимость между показателем и фактором.

Как количественный индикатор политического компонента «полезности» (*Pl*), предлагаем использовать социологический показатель – долю населения, которое видит внешнеполитические преимущества от членства своей страны в интеграционном объединении. Возможна также «привязка» политической «полезности» к численности населения страны (его доли в совокупном населении интеграционного объединения). Ведь установлено, что меньшие по этому показателю государства получают, как правило, большие политические выгоды от участия в интеграционном объединении в расчете на душу населения [9]. Учитывая обратную связь между обеими категориями, этот индикатор должен рассчитываться по формуле, аналогичной приведенной выше (3).

Следует согласиться с мнением, что участие той или иной страны в интеграционной группировке способствует удовлетворению ее геополитических интересов [3, с. 32]. Но описать эти эффекты количественно пока не представляется возможным.

Экологический компонент «полезности» (*El*) может быть отражен в объеме финансовых ресурсов, выделенных из наднационального бюджета на реализацию экологических проектов на территории определенного государства в течение определенного периода времени, в расчете на единицу площади этого государства. Нельзя исключать возможность использования результатов социологического опроса о роли экологической политики интеграционного объединения в улучшении экологической ситуации как индикатора экологической «полезности» интеграции.

Если диапазоны возможных значений индикаторов различных компонентов «по-

лезности» отличаются, они должны быть приведены к единой шкале для обеспечения их соизмеримости и присвоения весовым коэффициентам реального значения. Если, например, выбрать 100-балльную шкалу, такую процедуру можно осуществить путем присвоения самым большим индикаторам каждого из компонентов «полезности» значения 100 и пропорциональной интерполяции остальных индикаторов в сторону уменьшения по формуле:

$$\alpha_{ij} = \frac{\beta_{ij} \times 100}{\beta_{i-\max}}, \qquad (4)$$

где i – порядочный номер компонента «полезности» (от 1 до 5); j – порядочный номер государства-члена объединения; α_{ij} – значение индикатора компонента «полезности» i для государства j по 100-бальной шкале; β_{ij} – значение реального индикатора компонента «полезности» i для государства j; $\beta_{i\,max}$ – максимальное значение реального индикатора компонента i.

Полученные с использованием этой методики значения индекса интеграционной «полезности» (R) могут колебаться от нуля до ста. Его большие значения свидетельствуют, что страна получает более весомые преимущества от интеграции по сравнению со своими партнерами по группировке. Для сохранения актуальности индексы должны рассчитываться периодически (скажем, раз в три года), а для минимизации влияния краткосрочных дестабилизирующих факторов на значение потоковых переменных, значение последних следует рассчитывать как среднеарифметическое за многолетние периоды.

Описанная выше методика была апробирована нами на примере Европейского Союза [7]. Для расчета коэффициентов в уравнении (1) мы воспользовались институциональным подходом (четвертый из рассмотренных выше методов). Полученное таким образом уравнение приобрело следующий вид:

$$\begin{aligned} \mathrm{R}_i(\mathrm{EU}) = 0{,}299\,En_i + 0{,}376\,SC_i + \\ + 0{,}145\,Sr_i + 0{,}111\,Pl_i + 0{,}068\,El_i \end{aligned} \qquad (5)$$

где i – порядочный номер каждой из 27 (расчеты проводились для 2011 г.) стран-членов ЕС. Как прокси-индикатор для экономического компонента «полезности» (En) был использован средний за период 2008–2011 гг. показатель доли интра-экспорта товаров и услуг в совокупном экспорте соответствующего государства. Для всех других компонентов «полезности» индикаторами стали доли населения, положительно отзывающегося об интеграционных эффектах для своей страны в, соответственно, социокультурной (SC), безопасностной (Sr), политической (Pl) и экологической (El) сферах. Соответствующие социологические данные были получены со страницы Евробарометра – социологической службы Европейской комиссии.

Результаты показали, что индексы интеграционной «полезности» государств-членов ЕС существенно отличаются (коэффициент вариации превышает 13%). В Великобритании (R = 38,1), Латвии (48,7) и Финляндии (49,3) этот показатель не превышает 50% от теоретически возможного. Тройку стран с самой высокой «полезностью» от интеграции составляют Люксембург (73,9), Бельгия (70,4) и Словакия (69,0). Другие государства-члены ЕС по значению индекса интеграционной «полезности» попадают в диапазон между 51,9 (Италия) и 67,3 (Нидерланды).

При разработке методики расчета индекса интеграционной «полезности» мы руководствовались некоторыми предположениями, о которых также нужно оговориться, поскольку именно они являются уязвимыми сторонами этой методики. Первым предположением является то, что все государства-члены несут примерно одинаковые относительные расходы (потери), обусловленные интеграцией, что дает возможность не принимать их (как фактора, понижающего интеграционную «полезность») во внимание при расчетах. Интуитивно, однако, кажется, что это утверждение может быть правдивым, только если учитывать общую сумму расходов (с учетом паритета покупательной способности и инфляции) в расчете на душу населения, понесенных в течение всего периода участия государства-члена в интеграционном проекте, а не за отдельные его периоды. В отдельно взятые периоды и для отдельных государств эти расходы, несомненно, могут очень сильно отличаться. Например, очевидно, что Польша в период с 2000 по 2010 г. понесла значительно большие расходы, связанные с реализацией своего евроинтеграционного курса, чем, скажем, близкая к ней по количеству населения

Испания, которая в указанный период была полноправным членом ЕС.

Во-вторых, при определении весовых коэффициентов по четвертому методу (см. выше) мы предполагаем их одинаковое для всех государств-членов значение, что на практике не всегда так. Трудности применения методики могут также быть связаны со сбором данных, необходимых для расчета индикаторов некоторых компонентов «полезности».

Рассчитанные таким образом индексные показатели могут иметь как аналитическое, так и практическое значение. В частности, они могут служить индикатором относительной эффективности участия государства в интеграционной группировке и использоваться политическими и общественными деятелями для аргументации интеграционной и других направлений внешней политики государства.

С практической точки зрения индекс интеграционной «полезности» может быть использован для расчета «справедливых» размеров взносов государств-членов в общий бюджет объединения (конечно, если создание такого бюджета предусмотрено), когда каждое государство платит согласно полученной им от интеграции «полезности». Собственно для этих целей данная методика и была разработана, а также апробирована на примере Европейского Союза. На сегодня же такие взносы во всех интеграционных объединениях начисляются и уплачиваются совсем по другим принципам [1].

Выводы. Одной из характеристик последствий создания и функционирования международных интеграционных группировок должна стать «полезность», которую государства-члены этих группировок получают от членства. Такая «полезность» априори не может быть одинаковой, что связано с гетерогенностью преференций и потребностей самих интегрирующихся государств. Особенно это актуально в случае группировок, цели которых выходят за пределы торгово-экономической сферы и интеграционные эффекты не могут быть зафиксированы только экономическими показателями.

Расчет абсолютных значений «полезности» (применение кардиналистского подхода) возможен, но его результаты, по нашему мнению, не будут внушать доверия в силу чрезвычайной сложности задачи. Зато достаточно надежная информация о различиях в полученной от интеграции «полезности» среди государств-членов может быть выявлена путем расчета относительных индексных показателей (ординалистский подход). Полученные таким образом относительные значения интеграционной «полезности» могут служить аргументацией для наднациональных и национальных политических и общественных организаций для корректировки интеграционной политики. Привязка объема платежей, уплачиваемых государствами-членами интеграционной группировки в общий бюджет, к «полезности» позволит обеспечить «справедливость» фискального перераспределения ресурсов между государствами, гарантировав, таким образом, политическую стабильность и жизнеспособность объединения.

Библиографический список

1. Бояр А.О. Моделі фінансування бюджету міждержавного інтеграційного угруповання // Економіка та підприємництво. – 2012. – № 29. – С. 54–63.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 495 с.
3. Елацков А.Б. Категориальный аппарат современной геополитики // Региональные исследования. – 2012. – № 3 (37). – С. 20–33.
4. Машурова Е.А. Региональные интеграционные процессы: проблемы обеспечения региональной безопасности // Региональные исследования. – 2012. – № 2 (36). – С. 133–138.
5. Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Сравнительный институциональный анализ как новый инструмент исследования проблем пространственного развития // Региональные исследования. – 2012. – № 1 (35). – С. 34–66.
6. Alesina A., Angeloni I., Etro F. International Unions // The American Economic Review. – 2005. – № 95(3). – P. 602–615.
7. Boyar A. Utility Received by States from Their EU Membership // European Integration: Experience of Poland and Ukraine. – Lublin: Lublin Catholic University, 2013. – P. 134–144.
8. Hicks J. Foundation of Welfare Economics // Economic Journal. – 1939. – № 49. – P. 696–712.
9. Rodden J. Strength in Numbers? Representation and Redistribution in the European Union / J. Rodden // European Union Politics. – 2002. – № 3. – P. 151–175.
10. Simon J., Valasek J.M. Efficient Fiscal Spending by Supranational Unions // WZB (Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung) Discussion Paper. – 2012. – SP II 2012–305. – P. 1–41 (http://www.wzb.eu/en/publications/discussion-papers/markets-and-politics).

Шуканов П.В., Логвин М.М. (Полтава, Украина)

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МИРА

Shukanov P.V., Logvin M.M.

GEO-ECONOMIC ASPECTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT PEACE

Аннотация. *В статье рассмотрены актуальные вопросы соотношения глобализации и стратегии устойчивого развития мира. Особое внимание уделяется геоэкономическим и цивилизационным подходам к изучению трансформации мироустройства и необходимости укрепления устойчивости антропосферы. На основе анализа динамики удельного веса стран-лидеров в производстве мирового ВВП рассмотрены перспективы трансформационного перехода мировой системы от национально-государственных приоритетов к региональным объединениям наднационального уровня. Геоэкономические макрорегионы рассматриваются как основа глобальной устойчивости мира. При этом акцентируется внимание на значимости не только количественных, но и качественных показателей развития территориальных социально-экономических систем.*

Abstract. *The article discusses current issues of globalization and relations strategy for sustainable development of the world. Particular attention is paid to geo and civilizational approach to the study of the transformation of the world order and the need to strengthen the resilience of anthroposphere. On the basis of analysis of the dynamics of the specific weight of the leading countries in the production of world GDP transformational move the prospects of the world system of national and state priorities for regional associations supranational level. Geo-economic macro-regions are seen as a global stability of the world. In this case focuses on the importance of not only quantitative but also qualitative development of regional socio-economic systems.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, геоэкономика, макрорегион, глобализация, экономизация общества, регионализация, трансформационный переход, антропосфера.*

Keywords: *sustainable development, geo-economics, macro-region, globalization, economization of society, regionalization, transformational transition anthroposphere.*

В последние десятилетия особой актуальностью отличаются вопросы, связанные с экологической, социально-экономической и культурологической устойчивостью развития мировой цивилизации. Проблема устойчивого развития мира, начиная с 90-х гг. XX столетия, всё больше взаимосвязана с различными проявлениями глобальной трансформации мира. В связи с этим особое значение имеют географические подходы к раскрытию сущности изучаемой проблематики, с учётом совокупности современных научно-теоретических и практических противоречий. *Целью данной статьи* является выявление взаимосвязи между формированием геоэкономических макрорегионов и устойчивостью социально-экономического развития мира в условиях глобальных трансформаций.

Различные аспекты глобализации мира исследованы в работах Ю.Н. Гладкого, Д. Гольдблатта, М.Г. Делягина, М.З. Згуровского, С.Б. Лаврова, Э. Макгрю, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, Д. Хелда и многих других учёных. Геоэкономика, как особая версия развития геополитики, рассмотрена в публикациях Ж. Аттали, Э.Г. Кочетова, В.А. Дергачёва, А.Г. Дугина, А.Ю. Скопина и др.

При анализе понятий «глобализация» и «устойчивое развитие» в контексте изучения геоэкономических особенностей трансформации международных отношений проявляется своеобразное проблемное поле исследования вопросов, связанных с определением и обоснованием возможных сценариев дальнейшего развития мира.

В исследованиях данной проблематики преобладают экономический аспект и экономическое мышление как своеобразная основа для изучения выделенных проблем и выработки последующих рекомендаций для их разрешения. Однако глобализацию и устойчивое развитие мира необходимо рассматривать не только по материально-производственным и торгово-экономическим признакам, но и с учётом общественно-географических предпосылок и возможных социально-экологических последствий трансформации окружающего

мира. В качестве методологической основы изучения глобальных преобразований антропосферы мы используем общественно-географические знания в контексте решения геоэкономических проблем на основе цивилизационного подхода. «При этом под геоэкономическими проблемами понимаются негативны е социальные, политические, экономические, экологические, технологические или системные изменения, вызванные взаимодействием общества и природы» [11, с. 14].

Результаты проведённого нами этимологического анализа слова «глобализация» свидетельствуют о том, что данное понятие первоначально связано с латинскими терминами «globus» (шар, глобус) и «mundus» (мир, вселенная, земной шар, люди, человечество) [8]. Поэтому для обозначения унификации мира часто используется английский термин «globalization» и французское слово «mondialisation» (от лат. mundus и франц. monde – мир). Идеологическим обоснованием общепланетарной трансформации мира соответственно является глобализм и мондиализм, которые в географическом смысле распространяются на всё человечество, а через людей на всю нашу планету. Эти идеологии отражают общность цели – создание единой всепланетарной цивилизации, но используют различные методы для её достижения. Например, глобалисты акцентируют основное внимание на экономических приоритетах и ценностях в процессе унификации мира, а мондиалисты – на социально-культурных подходах трансформации общества. Фактически это проявляется в таких аспектах современного развития мира как экономизация и массификация повседневной жизни человека [15]. Это значит, что цели унификации мира достигаются с помощью, соответственно, финансово-экономических и масскультурных методов. Основой экономизации мира являются принципы либерально-рыночной экономики, а массификации принципы массовой «культуры», которая всё более открыто проявляется как антагонист по отношению к традиционно-культурным и морально-нравственным ценностям.

Таким образом, мы констатируем, что проблема глобализации в целом и в первую очередь является по своей сути и по объекту своего влияния типично географической. Это объясняется тем, что воздействие данного процесса обычно характеризуется не абстракто-пространственно, а направлено на конкретную геопространственную систему, в пинципе планетарного масштаба. В то же время трансформация мира осуществляется через воздействие глобализации на всё человечество, которое в конкретном смысле определяется как антропосфера и является объектом изучения общественной географии. Следовательно, логически обоснованным является наше утверждение, что глобализация – это процесс унификации мира на основе единых и универсальных принципов добровольно-принудительной трансформации антропосферы, с целью создания и обеспечения функционирования рационально обоснованной всепланетарной и однообразной системы развития общества и природы [14].

Поскольку основой глобальных трансформаций является экономизация общества, необходимо учитывать устойчивость существующей мировой социально-экономической системы. Эффективное развитие любого объекта предполагает повышение его разнообразия и усложнение взаимодействия соответствующих структурных компонентов. Поэтому под «устойчивостью» также «понимается сохранение целостности системы в условиях внутренних возмущений и внешних воздействий, под «эффективностью» – преобладание процессов организации над процессами дезорганизации (превышение доходов над расходами), создающих потенциал для дальнейшего усложнения, а под «усложнением» – повышение структурного, информационного (инновационного) и поведенческого разнообразия экономической системы» [11, с. 32]. Таким образом, развитие объекта заключается в максимально возможном его усложнении, что позволяет расширить пространственные пределы существования системы. При достижении пределов усложнения и заполнения пространства любой существующий объект начинает деградировать, что проявляется в его упрощении и сокращении занимаемой территории. В результате проявляется конкуренция между людьми и различными системами геопространственной организации общества. В связи с этим вопросы взаимосвязи глобализации и устой-

чивого развития мира всё чаще рассматриваются с точки зрения геоэкономики как современной версии геополитики и стратегии развития различных компонентов мировой системы.

Формирование и распространение либерально-рыночной экономики всё больше связано с процессами глобализации, как решающего фактора международных отношений и социально-пространственной взаимозависимости. При этом значение национальных управленческих структур и суверенных государств постепенно уменьшается, в то же время возрастает влияние наднациональных организаций и глобальных корпораций. Поэтому на уровне отдельных предприятий и регионов повышение конкурентоспособности связано не просто с транснационализацией своей деятельности, а с необходимостью перехода на уровень глобальной компании и расширения сферы влияния региона с точки зрения геостратегической перспективы формирования единого геоэкономического пространства.

Важное значение для понимания процессов глобализации во взаимосвязи с концепцией устойчивого развития мира имеет современная геоэкономика, основные положения которой изложены в работах французского профессора Ж. Аттали, первого президента Европейского Банка реконструкции и развития. В начале 90-х годов XX столетия стала известна его работа «Линии горизонта», которая в русском переводе была издана в 1993 г. под названием «На пороге нового тысячелетия». В этой книге концептуально изложены основные направления мондиалистской геополитики и выделяются три геоэкономических региона, которые должны стать основой будущей глобальной экономики: Североамериканский, Западноевропейский и Восточноазиатский. Завершается эта работа призывом и своеобразной установкой ко всему человечеству: «Но прежде всего должен быть заключён новый священный завет между человеком и природой, чтобы Земля продолжала жить и впредь, чтобы всё эфемерное, наносное уступало место вечному, чтобы разнообразие противостояло однообразию» [1, с. 132].

По определению российского профессора Э.Г. Кочетова, современная геоэкономика – это концепция внешнеэкономической стратегии и формирования внешнеэкономических доктрин, которая вписывается в общетеоретическую панораму, состоящую из трёх взаимообусловленных и взаимозависимых частей (мировая хозяйственная система; внешнеэкономическая доктрина и стратегический арсенал её реализации; национальная экономика и стратегический арсенал оптимального развития регионов) [7, с. 12]. В определённом смысле геоэкономика – это наука о стратегии экономического развития, обеспечивающая достижение мирового или регионального могущества преимущественно экономическим путём. Следовательно, геоэкономическая стратегия предполагает достижение политических целей долгосрочными экономическими методами по перераспределению ресурсов и мирового дохода на основе создания конкурентоспособных региональных условий хозяйствования. Таким образом, геоэкономика отражает сущность пространства через систему экономических атрибутов, влияние которой выходит за пределы национального рынка. Например, с точки зрения современной геоэкономики, глобализация бизнеса размывает границу между внутренней и внешней сферами функционирования экономических и политических субъектов. Это стимулирует процесс экономизации политики и усиливает явление политизации экономики. В результате глобализация в сфере бизнеса и процесс экономизации пространства становятся важными факторами трансформации общества, перераспределения властных полномочий и формирования эффективного, но не оптимального развития важнейших регионов мира.

Одним из важнейших символов экономического и психологического влияния является такой показатель, как валовой внутренний продукт (ВВП, GDP). С его помощью у многих людей создаётся впечатление, что основой мирового развития являются только те страны, в которых этот показатель наибольший, особенно если его рассматривать в соотношении доли государства ко всему остальному миру. В результате формируется искажённое представление о современной цивилизации и значимости различных народов в развитии нашей планеты. Условно это можно

Рис. 1. Важнейшие геоэкономические макрорегионы мира по объему ВВП на душу населения [16]

отобразить с помощью карты-анаморфозы объема ВВП в странах мира, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют на душу населения (рис. 1).

В таком представлении современная Ойкумена настолько пространственно искажается, что даже для крупнейших по территории и многочисленных по населению государств Европы (Россия и Украина) отводится периферийно-второстепенное значение, с перспективой их поглощения крупнейшими геоэкономическими «монстрами» мира.

В каждом геоэкономическом макрорегионе выделяются интеграционные центры и ведущие страны как своеобразные политические и экономические конкуренты по отношению к соответствующему центру. Используя статистические данные МВФ, можно констатировать, что в 2000 г. геоэкономической основой Североамериканского макрорегиона были США (23,63% от мирового ВВП), Западноевропейского – Германия (5,15%) и Восточноазиатского – Япония (7,63%). За последние 12 лет абсолютные и относительные макроэкономические параметры значительно изменились по всем ведущим странам мира. В результате интеграционные центры в Северной Америке (США в структуре НАФТА) и в Западной Европе (Германия в структуре ЕС) остались те же, но существенно уменьшилась их доля в производстве мирового ВВП (табл. 1).

В результате проявляется чёткая закономерность – геоэкономическое влияние всех ведущих стран Запада в мировой экономике уменьшается. За этот же промежуток времени (с 2000 по 2012 г.) сменился интеграционный центр в структуре Восточноазиатского макрорегиона – вместо Японии геоэкономической основой стал Китай, доля которого в производстве мирового ВВП за 12 лет возросла более чес в 2 раза.

Кроме того, по итогам 2012 г. впервые в истории на третье место в мире по объёму произведённого ВВП вышла Индия, обогнав при этом Японию (рис. 2). В том же году Бразилия заняла седьмое место в мире по данному показателю, оставив позади не только Францию, но и Великобританию. На шестом месте уверенно находится Россия, геоэкономическая значимость которой в производстве мирового ВВП в последние годы составляет в среднем около 3%, что ниже, чем в США, Китае, Индии, Японии и Германии, но выше, чем в остальных странах мира.

В результате глобальных трансформаций все больше нарастают противоречия между традиционно-цивилизационными ценностями и новыми потребностями, что особенно заметно при взаимодействии различных проявлений национальной и массовой культуры на всех уровнях развития антропосферы. Поскольку общество всё больше отказывается от традиционных форм ведения своего хозяйства, в том числе и на уровне национального государства, то реальное сдерживание негативно-разрушительных сил либерального рынка может быть только на основе цивилизационных ценностей традиционной

Таблица 1

Динамика удельного веса ведущих стран в производстве мирового ВВП по ППС

Геоэкономические макрорегионы	Интеграционные центры и ведущие страны макрорегиона	Доля в мировом ВВП, %		
		2000 г.	2006 г.	2012 г.
I. Североамериканский	США	23,63	21,88	18,87
	Канада	2,11	1,96	1,79
	Мексика	2,48	2,30	2,12
II. Западноевропейский	Германия	5,15	4,37	3,85
	Великобритания	3,60	3,35	2,81
	Италия	3,32	2,81	2,21
	Франция	3,65	3,23	2,71
III. Восточноазиатский	Япония	7,63	6,66	5,57
	Китай	7,15	10,00	14,92
	Республика Корея	1,84	1,95	1,94

Составлено по данным МВФ [17].

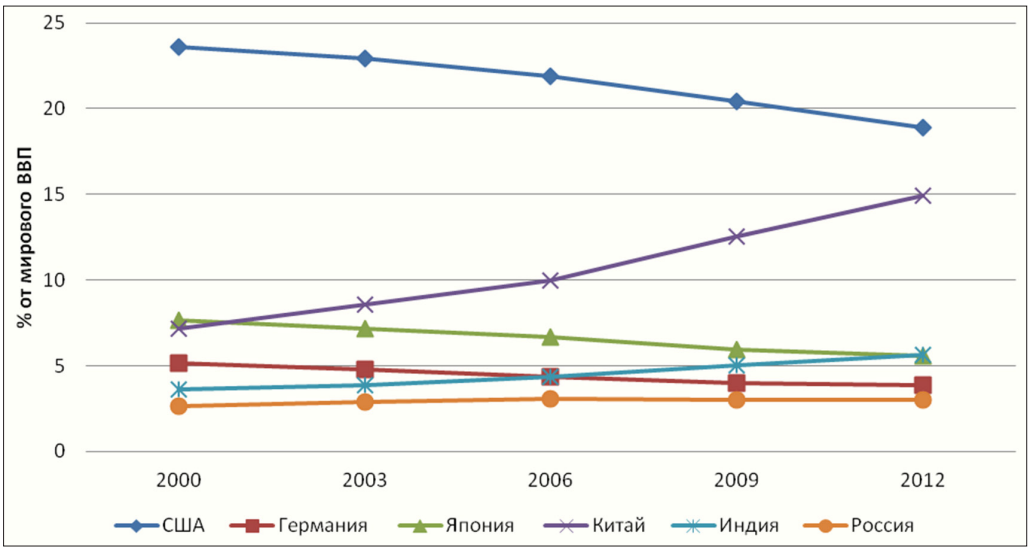


Рис. 2. Сопоставление мировых лидеров по их значимости в производстве мирового ВВП по ППС
Составлено по данным МВФ [17].

культуры. Именно поэтому важнейшим методологическим принципом современной геоэкономики является соотношение конкретного исторического региона и соответствующей ему уникальной цивилизационной среды с той или иной экономической системой с целью определения их совместимости и противоречивой сущности. «Таким образом, в любые экономические модели вносятся существенные поправки, делающие каждую экономическую систему уникальной» [6, с. 228].

Для реализации стратегии устойчивого развития мира под эгидой ООН предусмотрен так называемый «трансформационный сценарий» перехода от существующей системы международных отношений к будущему устойчивому развитию мира. Реализация трансформационного сценария предполагает повышение управляемости мирового развития. По мнению А.Б. Вебера (Институт социологии РАН) при таком подходе «управление мировыми процессами в соответствии с критериями устойчивого развития предполагает, прежде всего, международно-правовую ответственность суверенных государств за решение социальных, этнических и экологических проблем в пределах национальной территории, большую согласованность международных усилий на региональном и глобальном уровнях, соблюдение соответствующих международных соглашений, повышение роли и эффективности международных организаций, формирование действенной наднациональной системы регулирования и контроля в рамках более справедливого и устойчивого мирового порядка» [2, с. 29]. Такой подход соответствует идее «устойчивого глобального развития» с учётом того, «чтобы те, кто располагает большими средствами, согласовали свой образ жизни с экологическими возможностями планеты», проявили должную политическую волю и вместе с представителями всех стран мира согласились на «проведение реформы современной системы органов управления» [10, с. 20-22].

В условиях растущей дестабилизации мировой экономической и политической системы, под влиянием различных транснациональных сил и локально-региональных проблем человечества возникает реальная угроза перманентного глобального кризиса. Поэтому осуществляются процессы наднациональной геоэкономической интеграции как отражение необходимости перехода всех народов мира на более высокий уровень цивилизационной защиты антропосферы и окружающей природной

среды. Поскольку предметом изучения геоэкономики являются процессы развития как государственных, так и регионально-международных образований [12, с. 7], необходимо учитывать возможности, перспективы создания и развития торгово-экономических и военно-политических блоков как особой формы территориальной организации общества. Данный уровень предполагает приоритет духовных, традиционно-культурных ценностей и проявление защитных функций антропосферы в условиях происходящей трансформации мира. Примером такой интеграции является Европейский Союз, который формируется на принципах Священной Римской империи германской нации и должен превратиться в единое федеративное государство Соединенные Штаты Европы [13, с. 163-166]. В подтверждение изучаемых нами процессов можно привести данные из доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» – к 2025 г. вместо международного сообщества, состоящего из национальных государств, будет сформирована глобальная многополярная система. Таким образом, будет осуществляться переходный период от старого к еще только формирующемуся новому мировому порядку [9].

Таким образом, стратегия устойчивого развития предполагает переход от доминирования пока ещё существующей национальной международной системы к наднациональной модели мироустройства. В результате становится очевидным, что локально-национальные структуры все больше ослабляются, а регионально-интеграционные усиливаются. В перспективе ближайших десятилетий все они могут быть поглощены глобально-унифицированной и централизованной системой управления миром. При этом концепция устойчивого развития используется ООН для постепенного перехода от существующих официально национально-государственных приоритетов и институтов власти к новому мировому порядку, во главе с наднациональными представителями регионально-глобального уровня.

Геоэкономической основой устойчивости мира являются существующие и формирующиеся макрорегионы антропосферы. В начале XXI века кроме Североамериканского, Западноевропеского и Восточноазиатского выделяются новые геоэкономические регионы во главе с Индией и Россией. При этом уменьшается значимость Западных стран и возрастает влияние Китая, который всё больше претендует на роль интеграционного центра Восточноазиатского макрорегиона. В результате мировая социально-экономическая система усложняется и всем народам открываются возможности цивилизационного выбора и разнообразия при переходе от национальных государств к более устойчивым международным региональным объединениям.

Библиографический список

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия: [Пер. с англ.]. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 135 с.
2. Глобализация и устойчивое развитие: проблемное поле и возможные сценарии. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба учёных «Глобальный мир». Вып. 11 / Под ред. К.З. Акопяна.– М.: Издательский дом «НОВЫЙ ВЕК», Институт микроэкономики, 2001. – 68 с.
3. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / [Хелд Д., Макгрю Э., Гольдблатт Д., Перратон Дж.]; пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4 т. Т. 2: И – О. – М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. – 1280 с.
5. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 244 с.
6. Дугин А. Конец экономики. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. – 479 с.
7. Кочетов Э.Г. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). – М.: Изд-во БЕК, 1999. – 480 с.
8. Латинско-русский словарь / Авт.- сост. К.А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2008. – 1040 с.
9. Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир / Доклад Национального разведывательного совета США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.litmir.net/bd/?b=123220
10. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР); пер. с англ.; под ред. и с послесл. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.
11. Скопин А.Ю. Введение в экономическую географию: базовый курс для экономистов, менеджеров, географов и регионоведов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 272 с.

12. Терминологический словарь по экономической географии / [авт.-сост. Е.А. Бурдина, П.М. Крылов]. – М.: МГИУ, 2013. – 116 с.
13. Хаггер Н. Синдикат. История грядущего мирового правительства / Н. Хаггер; пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. – 768 с.
14. Шуканов П.В. Географические особенности глобализации и регионализации мира // Регіон – 2012: стратегія оптимального розвитку: матеріали міжн. наук.-практ. конф., 25–26 жовтня 2012 р.; гол. ред. колегії В.С. Бакіров. – Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – С. 59–62.
15. Шуканов П.В., Логвин М.М. Глобалізаційні процеси та розвиток постіндустріального суспільства // Географія та туризм: наук. зб.; ред. кол. [відп. ред. Я.Б. Олійник] – К.: Альтерпрес, 2012. – Вип. 18. – С. 192–198.
16. Worldmapper [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldmapper.org/index.html/ – Titla from display.
17. World Economic Outlook Database [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/index.htm – Titla from display.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Голяшев А.В. (Москва)

ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ШТАТОВ США В МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ ТОВАРООБМЕНЕ

Golyashev A.V.

SECTORAL SPECIALIZATION OF THE US STATES IN INTERREGIONAL TRADE

Аннотация. *В статье рассматриваются отраслевые особенности грузоперевозок в США в 2007 году на региональном уровне. Для 9 выделенных групп товаров рассчитаны различные показатели специализации, которые затем использованы на картосхемах. Проанализирована географическая картина распределения отраслевых грузопотоков. Показано, что США характеризуются отраслевой взаимодополняемостью грузопотоков на региональном уровне.*

Abstract. *The article considers sectoral features of freight industry in the United States in 2007 at the regional level. For 9 selected product groups various measures of specialization were calculated and then shown on schematic maps. Geographical patterns of sectoral flows were analyzed. It is shown that the US is characterized by sectoral complementarity of commodity flows at the regional level.*

Ключевые слова: *межрегиональная торговля, грузоперевозки в США, грузопотоки, региональная специализация, отраслевая специализация.*

Keywords: *interregional trade, US freight industry, commodity flows, regional specialization, sectoral specialization.*

Введение. Торговля представляет особый интерес с точки зрения географии в связи с возможностью изучения пространственных структур товарных потоков, которые можно разделить на три основных уровня: глобальную, региональную и локальную структуру. В данном исследовании объектом изучения являются межрегиональные торговые потоки товаров в США. Целью исследования является выявление и анализ основных закономерностей распределения по территории США грузопотоков важнейших групп товаров и взаимодействия районов и центров их производства и потребления.

США хорошо подходят для изучения межрегионального товарообмена в связи с размерами экономики, позволяющими четко увидеть пространственные структуры, и неравномерностью распределения производительных сил по территории, требующей перераспределения ресурсов и готовой продукции [2]. Для США характерна высокая замкнутость товарооборота (стоимостный объем внутренней торговли в 2007 г. в 4,2 раза превысил объем внешней торговли). И, наконец, предмет изучения обеспечен качественной статистической базой.

Классические исследования торговли товарами и особенности торговых потоков в данной сфере (например, по модели Хекшера-Олина [18] и гравитационным моделям [7, 17, 22]) проводились на уровне международной торговли, ограничиваясь рассмотрением межстранового взаимодействия. Со временем стала очевидной актуальность изучения межрегионального товарообмена (особенно для экономик крупных стран) появились исследования внутристрановой торговли США и Канады [15], Франции [14], Германии [24]. Новизна данной работы в упоре на отраслевые особенности межрегионального товарообмена.

Методы исследования. В работе использована статистика грузоперевозок за 2007 г., публикуемая Федеральной дорожной администрацией США в рамках программы Freight Analysis Framework (FAF) [9, 10]. В

ее основе лежат данные Commodity Flow Survey (CFS, Исследование товарных потоков, проводится раз в 5 лет совместно Бюро цензов и Бюро транспортной статистики США). В CFS приведены подробные данные по торговым потокам между штатами США: для потоков, соединяющих попарно все штаты США, приводится их отраслевая структура в разрезе стоимостных и весовых характеристик [8]. За счет дополнительных источников данных FAF приближается к охвату всего объема грузоперевозок в США в рассматриваемый год (так, в 2007 г. стоимость учтенных в FAF перевозок почти на 40% превысила суммарный объем открытых данных CFS).

Отраслевое деление, применяемое в CFS и FAF, основано на используемой в США торговой классификации товаров SCTG (Standard Classification of Transported Goods), которая включает более 40 отраслей [19]. Для отраслевого анализа в рамках данной статьи автором выделено 10 агрегированных групп товаров (табл. 1).

На основе статистики FAF в программе MS Excel построена сводная таблица с тремя измерениями: территориальная структура мест отправления (51 регион США), внутренняя структура торговых потоков (9 выделенных групп товаров без группы «прочие товары»), территориальная структура мест назначения (51 регион США).

Из сводной таблицы выделены «вывозная» и «ввозная» таблицы, в которых были зафиксированы стоимостные значения вывоза и ввоза товаров в отраслевом разрезе для каждого штата. Для окончательного формирования «вывозной» и «ввозной» таблиц из них удалены значения внутрирегиональных грузопотоков, учитываемых в CFS и FAF. Доля внутренних грузоперевозок в суммарном объеме грузоперевозок (т.е. самодостаточность экономики на региональном уровне) в среднем по стране составляет 53%. В данной статье проанализированы только межрегиональные грузоперевозки в разбивке по группам товаров и оценена отраслевая специализация штатов США в межрегиональном товарообмене. На межрегиональные грузоперевозки приходится 47% всей торговли внутри страны, однако при этом их объем в 2 раза превышает суммарный оборот внешней торговли США.

Для межрегиональных перевозок из «вывозной» и «ввозной» таблиц рассчитан индекс локализации (показывает, насколько отрасль для региона важнее, чем в среднем по стране [3]), причем при анализе использовано пограничное значение 1,5 [4]. Также применен метод «вершков» (предложен Л.В. Смирнягиным в рамках курса лекций «Региональная экономика с основами региональной политики»): для каждого штата из стоимостного объема вывоза (ввоза) каждой группы товаров удалена доля, гипотетически соответствующая индексу локализации со значением 1. Тем самым выделены специализированные перевозки (вывоз и ввоз), отличающие реальную картину распределения грузопотоков от гипотетической, при которой вывоз (ввоз) данной группы товаров распределен по штатам пропорционально суммарному вывозу (ввозу) по всем группам товаров.

В данной статье рассматривается специализация штатов не на производстве или потреблении различных групп товаров, а именно на их перевозках.

Отраслевые межрегиональные грузоперевозки

Продовольственные товары. Лидерами по объему вывоза продовольственных товаров стали Иллинойс (49 млрд долл., или 6,8% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Калифорния (48 млрд долл.), Айова и Пенсильвания (по 33), Нью-Йорк и Миннесота (по 31), Огайо (30) (рис. 1). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Небраски (4,2), Южной Дакоты (3,6), Айовы (3,0), Вермонта (2,7) и Северной Дакоты (2,2). По объему специализированного вывоза лидируют Айова (22 млрд долл.), Небраска (19), Миннесота (15), Канзас (11) и Висконсин (8).

Лидерами по объему ввоза продовольственных товаров стали Техас (45 млрд долл., или 6,3% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Иллинойс и Калифорния (по 44 млрд долл.), Пенсильвания (43). Индекс локализации ввоза наиболее велик у Небраски (1,9), Южной Дакоты (1,8), Луизианы (1,5), Айовы и Канзаса (по 1,4). По объему специализированного ввоза лидируют Пенсильвания (9 млрд долл.), Иллинойс (7), Луизиана и Висконсин (по 6).

Анализ распределения ведущих по объемам специализированных перевозок про-

Таблица 1

Группы товаров, выделенные для анализа грузоперевозок в США (на основе торговой классификации SCTG)

Группа товаров	Детальное описание группы	Коды SCTG	Межрегиональные грузоперевозки в 2007 году, млрд. долл.
Продовольственные товары	Молочные продукты, свежие и переработанные овощи и фрукты, кофе, чай, кондитерские и хлебобулочные изделия, мясо, рыба, алкоголь, табачные изделия, прочая сельскохозяйственная продукция, включая зерно и корма	01-09	720
Топливо	Сырая нефть, нефтепродукты (бензин, авиационное топливо, дизельное топливо, мазут, керосин), природный газ, сжиженные газы, уголь и углепродукты	15-19	478
Продукция химической промышленности	Основная химия, фармацевтика, удобрения, прочая химия, в т. ч. бытовая, пластмассы и каучуки	20-24	1128
Продукция деревообработки и бумажные изделия	Древесина, пиломатериалы, целлюлоза, бумага и бумажные изделия, печатные издания, мебель	25-29, 39	435
Одежда и ткани	Ткани, текстиль, ковры, кожаные изделия, обувь	30	350
Металлоизделия	Железные, медные, алюминиевые и др. заготовки, строительные металлоконструкции, трубы, двери, крепежные изделия, контейнеры и др.	32, 33	500
Машины и механическое оборудование	Неэлектрические двигатели, станки, сельскохозяйственная техника	34	359
Электроника и электротехника	Электродвигатели, бытовая техника, компьютеры, осветительные приборы, фотоника, сложные приборы, в т. ч. медицинское, научное и контрольно-измерительное оборудование	35, 38	840
Транспортные средства	Легковые и грузовые автомобили, тракторы, мотоциклы, прицепы, запчасти; железнодорожные, авиационные и водные транспортные средства	36, 37	604
Прочие товары	Стройматериалы (камень, песок и др.), неметаллические вещества (цемент, стекло), прочие изделия (оружие, часы, игрушки, музыкальные инструменты, предметы искусства), отходы и лом, смешанные и неизвестные грузы	10-14, 31, 40, 41, 43, 99	897

Составлено автором по данным [19].

довольственных товаров штатов позволяет выделить ряд закономерностей:

- Калифорния с ее развитым сельским хозяйством сосредоточена в основном на внутренних перевозках продовольственных товаров (по продовольствию доля внутренних перевозок для штата равна 79%, при средней доле по стране 61%), т.е. на обеспечении внутреннего спроса ведь в штате проживает более 38 млн человек (12% от населения страны). Тем не менее, межрегиональная торговля также важна: по вывозу продовольствия Калифорния делит первое место с Иллинойсом, а по ввозу с Техасом, Иллинойсом и Пенсильванией.
- Штаты, специализирующиеся на вывозе продовольственных товаров, образуют компактный район, в ос-

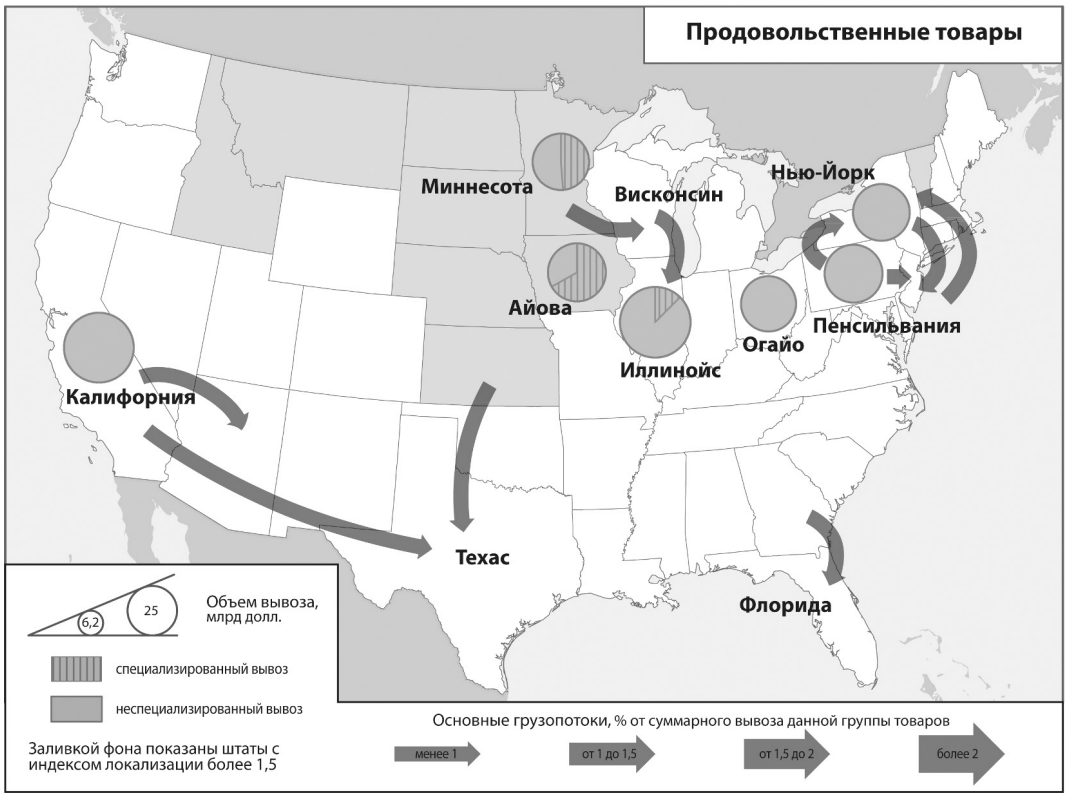


Рис. 1. Вывоз продовольственных товаров на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

новном находящийся внутри региона Средний Запад. Лидерами по специализированному вывозу являются Айова, Небраска, Миннесота и Канзас. Если добавить к ним еще обе Дакоты с высоким индексом локализации, то получившийся район, доминирующий в снабжении США продовольственными товарами, почти полностью (за вычетом Миссури) совпадет с субрегионом Северо-Западный Центр в разбивке Бюро цензов. Также этот район соответствует западным частям «кукурузного пояса» США, а вместе с лидирующим по абсолютному объему вывоза продовольствия Иллинойсом довольно точно с ним совпадает [13].

- Пенсильвания, Нью-Йорк и Нью-Джерси создают мощные взаимные грузопотоки продовольственных товаров (в основном молочной и мясной продукции), образуя взаимосвязанную систему на северо-востоке США. Эти территории являются самой плотно заселенной и развитой частью страны (вокруг Большого Нью-Йорка), что приводит к высокому спросу на продовольствие и развитию пригородного сельского хозяйства [12].
- Общая картина продовольственных грузоперевозок находится в сильной зависимости как от внутренней разнородности данной группы товаров, так и от физико-географических особенностей, влияющих на специализацию сельского хозяйства конкретных мест [6]. Так, северные штаты США естественным образом специализируются на зерне и молочной продукции, в то время только в южных штатах возможно выращивание тропических фруктов и табака.

Топливо. Лидерами по объему вывоза топлива стали Техас (103 млрд долл., или 21,5% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Луизиана (46 млрд долл.), Вайоминг (26), Иллинойс и Оклахома (22), Пенсильвания (21) (рис. 2). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Аля-

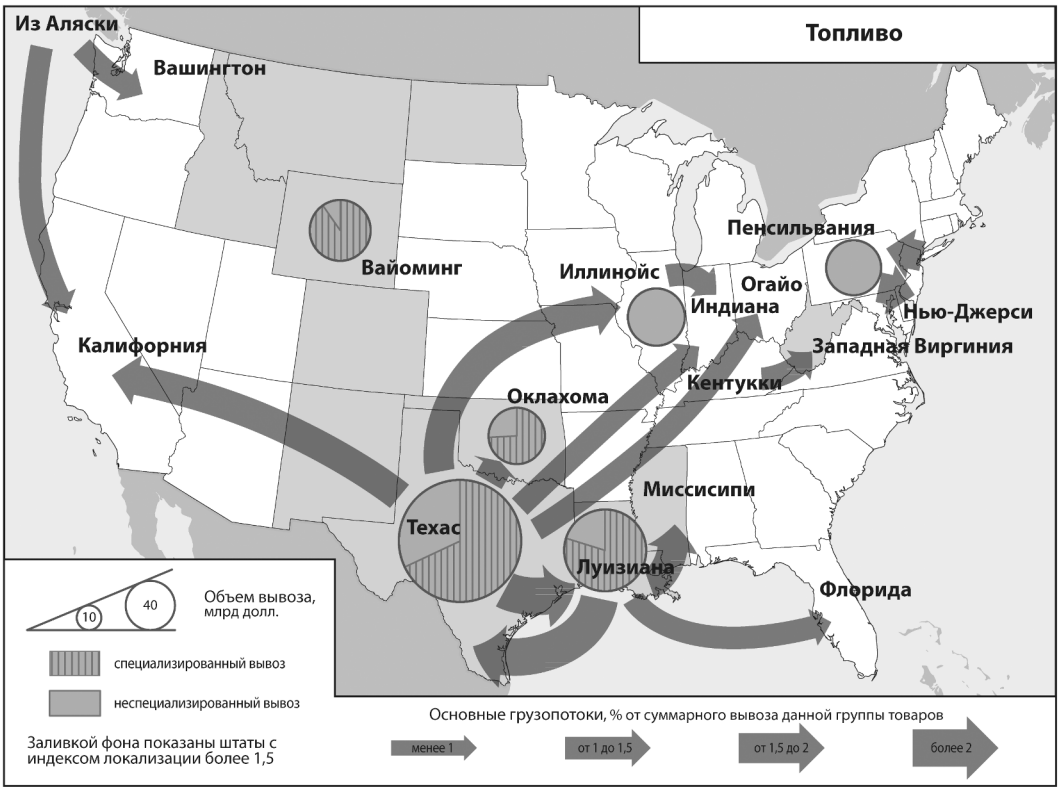


Рис. 2. Вывоз топлива на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

ски (12,1), Вайоминга (10,3), Монтаны (7,2), Нью-Мексико (6,7), Луизианы (4,9), Северной Дакоты (4,6), Оклахомы (3,9). По объему специализированного вывоза лидируют Техас (70 млрд долл.), Луизиана (37), Вайоминг (23), Оклахома (16), Аляска (15), Нью-Мексико (13).

Лидерами по объему ввоза топлива стали Техас (46 млрд долл., или 9,6% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Калифорния (31 млрд долл.), Иллинойс (25), Огайо и Индиана (по 23), Флорида (21) и Луизиана (20). Индекс локализации ввоза наиболее велик у Делавэра (2,7), Западной Виргинии и Вайоминга (по 2,4), Оклахомы (2,3), Луизианы и Миссисипи (по 2,2). По объему специализированного ввоза лидируют Техас (12 млрд долл.), Луизиана (11), Оклахома (9), Миссисипи и Индиана (по 7).

Анализ географического распределения штатов, ведущих по объемам перевозок (вывоз и ввоз) топлива, позволяет выделить ряд закономерностей:

- Основной район грузоперевозок находится на юге страны, во главе с Техасом и Луизианой, значительный объем перевозок есть и внутри самих этих штатов. К двум лидерам примыкают два штата назначения грузопотоков топлива: Оклахома и Миссисипи. Флорида, в силу размеров экономики предъявляющая высокий спрос на топливо, но не имеющая собственных запасов углеводородов, обладает удобным положением для получения товаров из штатов Юго-Западного Центра как по суше, так и морским транспортом через акваторию Мексиканского залива.
- Техас и Луизиана тесно связаны взаимными потоками топлива (эти два потока являются крупнейшими среди всех). Грузопоток из Луизианы в Техас на 2/3 представлен природным газом, в то время как обратный поток почти на 50% состоит из сырой нефти.
- Основные места формирования потоков нефтепродуктов связаны с крупнейшими в стране нефтеперерабатывающими заводами (НПЗ). Именно

в Техасе и Луизиане расположены 4 крупнейших американских НПЗ: Port Arthur, Baytown, Garyville, Baton Rouge мощностью более 25 млн т нефти в год каждый [1].

- Приозерные штаты, в которых развиты энергоемкие отрасли (электроэнергетика, металлургия, тяжелое машиностроение, автомобилестроение), но отсутствуют собственные значительные ресурсы топлива, активно потребляют энергоресурсы с Юга: 3 из 6 крупнейших грузопотоков топлива из Техаса направлены в Иллинойс, Индиану и Огайо.
- 80% углеводородов с Аляски (в основном, сырая нефть) направляется всего в два штата на Тихоокеанском побережье Вашингтон и Калифорнию.
- Крупными взаимными грузопотоками топлива (на 3/4 состоящими из нефтепродуктов) связаны Пенсильвания и Нью-Джерси по абсолютным объемам эти потоки на 5-м и 6-м местах.

Продукция химической промышленности. Лидерами по объему вывоза продукции химической промышленности стали Теннесси (162 млрд долл., или 14,4% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Техас (97 млрд долл.), Иллинойс (73), Огайо (70) и Нью-Джерси (67) (рис. 3). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Теннесси (2,7), Делавэра (2,4), Луизианы (1,9), Северной Каролины (1,5). По объему специализированного вывоза лидируют Теннесси (101 млрд долл.), Луизиана (20), Техас и Северная Каролина (по 19), Нью-Джерси (16).

Лидерами по объему ввоза продукции химической промышленности стали Калифорния (69 млрд долл., или 6,1% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Техас (67 млрд долл.), Пенсильвания (58), Иллинойс (57), Джорджия и Огайо (по 53). Значения индекса локализации ввоза распределены очень равномерно показатель превышает 1,5 лишь у Мэриленда (1,6). По объему специализированного ввоза лидируют Мэриленд (16 млрд долл.), Теннесси и Джорджия (по 11), Нью-Джерси (8), Кентукки (7).

Анализ географической картины позволяет говорить о следующих особенностях:

- Ключевым штатом, формирующим картину распределения грузопотоков продукции химической промышленности и лидирующим по общему объему ее вывоза, является Теннесси. Высокая концентрация химических производств на востоке Теннесси (в агломерации КингспортБристоль) отмечается в исследовании М. Портера U.S. Cluster Mapping Project [23].
- В среднем по стране на фармацевтику приходится около 43% стоимости перевозок химической продукции, однако для потоков, идущих из Теннесси, этот показатель вырастает сразу до 90%, что говорит о специализации штата на фармацевтике. В Теннесси находятся производственные мощности и/или штаб-квартиры таких компаний, как Bayer, Cumberland Pharmaceuticals, Johnson and Johnson, Merck, Novartis, Pfizer и Sanofi Aventis [20].
- Теннесси является отправной точкой двух крупнейших отраслевых грузопотоков, более чем на 95% состоящих из фармацевтической продукции и идущих в Мэриленд (с перспективой дальнейшего экспорта из страны) и Калифорнию, в силу высокой численности населения являющуюся крупнейшим в стране потребителем фармацевтики. В то же время Северную Каролину можно считать логистическим продолжением Восточного Теннесси.
- Большинство потоков в своей основе имеют торговлю фармацевтикой. Если же фармацевтическую продукцию убрать из рассмотрения, то два крупнейших грузопотока прочей химической продукции связывают Луизиану и Техас важнейшие центры нефтехимической промышленности США.

Продукция деревообработки и бумажные изделия. Лидерами по объему вывоза продукции деревообработки и бумажных изделий стали Пенсильвания (25 млрд долл., или 5,8% от общего объема грузоперевозок товаров группы), Висконсин (22 млрд долл.), Иллинойс, Северная Каролина и Джорджия (по 20) (рис. 4). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Мэна (4,7), округа Колумбия (2,3), Орегона и Висконсина (по 2,0), Миссисипи и Алабамы (по 1,9). По объему специализированного вывоза лидируют Висконсин (11 млрд долл.), Алабама и Северная

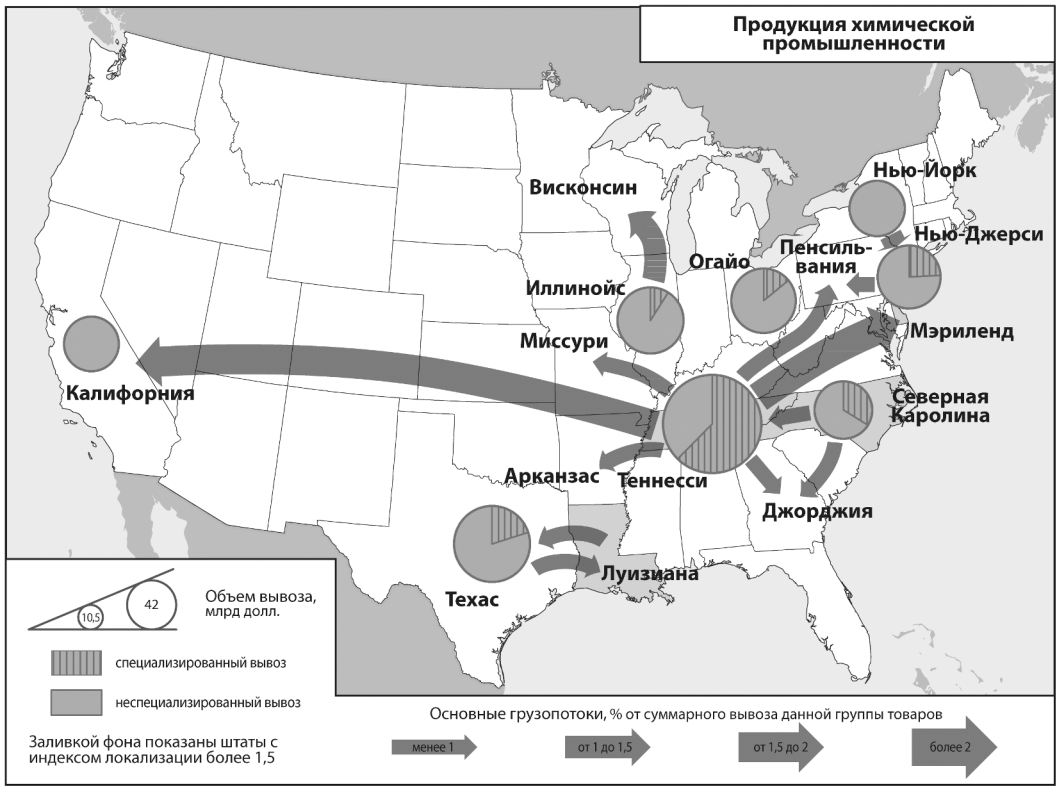


Рис. 3. Вывоз продукции химической промышленности на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

Каролина (по 6), Орегон, Джорджия и Мэн (по 5).

Лидеры по объему ввоза продукции данной группы Калифорния (30 млрд долл., или 6,9% от общего объема грузоперевозок товаров группы), Иллинойс (26 млрд долл.), Техас (24), Пенсильвания (22), Нью-Йорк (21). Значения индекса локализации ввоза распределены равномерно показатель достигает 1,5 лишь у округа Колумбия, Коннектикута и Мэна. По объему специализированного ввоза лидируют Иллинойс (4 млрд долл.), Нью-Джерси и Коннектикут (по 3).

Географически грузоперевозки данной группы товаров сосредоточены на Атлантическом побережье США: на севере ядром является Пенсильвания, обслуживающая крупного потребителя агломерацию Нью-Йорка, в центре Северная Каролина, на юге Джорджия, снабжающая Флориду. Также важную роль в грузоперевозках играют Приозерье (поток из Висконсина в Иллинойс) и Тихоокеанские штаты (поток из Орегона и Вашингтона в Калифорнию и Аризону).

Индекс локализации вывоза товаров данной группы сильно зависит от физико-географических особенностей конкретных штатов: наибольших значений он достигает у северных штатов (Мэн, Вермонт, Висконсин, Миннесота, Орегон и Вашингтон) с лесами умеренного пояса, и на юго-востоке страны (Миссисипи, Алабама, Арканзас, а также в зоне субтропических лесов (Виргиния, Северная Каролина, Джорджия и Южная Каролина).

Одежда и ткани. Лидеры по объему вывоза одежды и тканей Нью-Йорк и Пенсильвания (по 38 млрд долл., или по 11% от общего объема грузоперевозок товаров группы), Калифорния (37 млрд долл.), Северная Каролина (23), Огайо (20), Нью-Джерси (19) и Джорджия (16) (рис. 5). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Нью-Йорка (2,4), Пенсильвании и Коннектикута (по 2,2), Северной Каролины, Нью-Гэмпшира и Невады (по 2,0). По объему специализированного вывоза лидируют Нью-Йорк (22 млрд долл.),

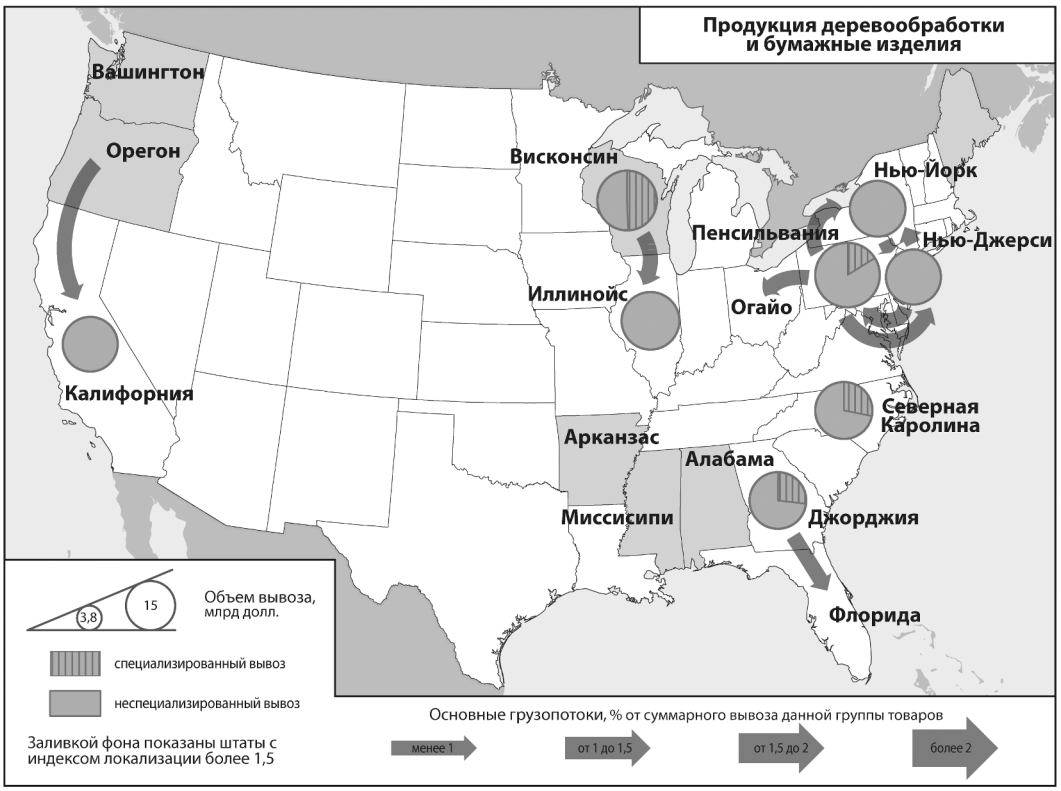


Рис. 4. Вывоз продукции деревообработки и бумажных изделий на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

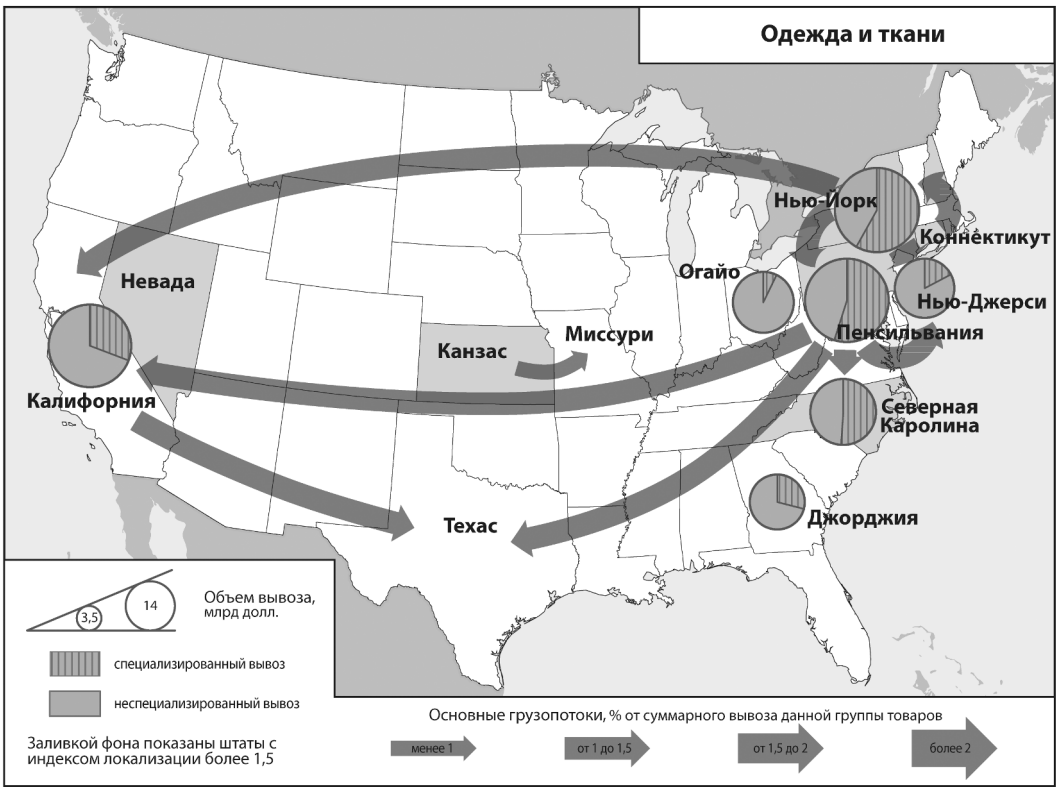


Рис. 5. Вывоз одежды и тканей на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

Пенсильвания (21), Северная Каролина (12) и Калифорния (11).

Лидерами по объему ввоза одежды и тканей стали Калифорния (28 млрд долл., или 8,1% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Техас (26 млрд долл.), Нью-Джерси и Флорида (по 19), Нью-Йорк (18) и Пенсильвания (17). Индекс локализации ввоза наиболее велик у Гавайев (2,4), Аляски (1,9), Нью-Джерси (1,6). По объему специализированного ввоза лидируют Нью-Джерси (7 млрд долл.), Калифорния (6) Флорида и Северная Каролина (по 4), Нью-Йорк (3).

В географическом плане выделяются следующие особенности:

- В США сформировались два региональных кластера торговли одеждой и тканями (они же, по сути, являются центрами американской моды): на северо-востоке Нью-Йорк, Пенсильвания и Нью-Джерси, а на западе Калифорния; причем эти два центра активно торгуют между собой.
- Значительные грузопотоки между соседними штатами северо-востока страны свидетельствуют об отмеченном П. Кругманом стремлении потребителей к разнообразию [11].
- По объемам вывоза также лидирует Северная Каролина, известная своими тканями.
- Важным потребителем является Техас, который, несмотря на развитость многих отраслей экономики, в данном случае (мода и производство одежды) не играет ведущей роли.

Металлоизделия. Лидерами по объему вывоза металлоизделий стали Огайо (44 млрд долл., или 8,8% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Пенсильвания (41 млрд долл.), Иллинойс (40), Индиана (33) и Техас (29) (рис. 6). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Юты (3,7), Арканзаса (2,1), Алабамы (2,0) и Индианы (1,8). По объему специализированного вывоза лидируют Огайо (18 млрд долл.), Пенсильвания (16), Индиана (15), Юта (13) и Иллинойс (10).

Лидерами по объему ввоза металлоизделий стали Огайо и Техас (по 36 млрд долл.,

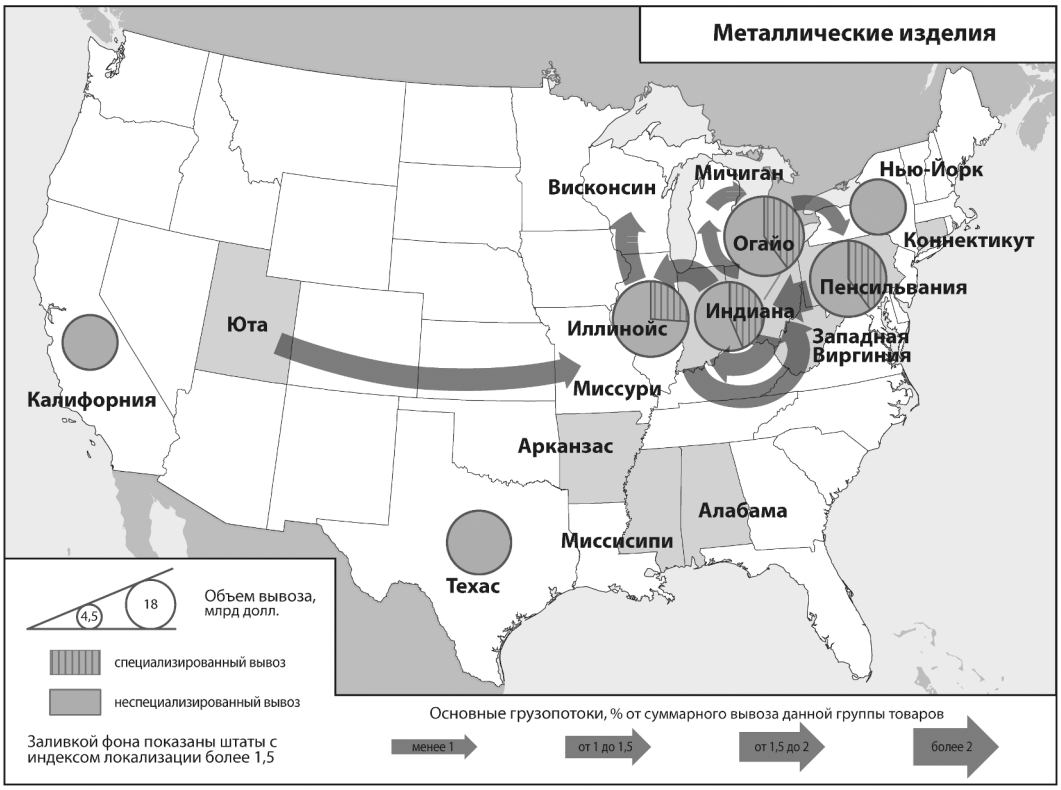


Рис. 6. Вывоз металлоизделий на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

или по 7,2% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Индиана (30 млрд долл.), Иллинойс (29), Пенсильвания (26). Индекс локализации ввоза наиболее велик у Вермонта (2,1), Индианы (1,8), Вайоминга (1,6), Огайо (1,5). По объему специализированного ввоза лидируют Индиана и Огайо (по 13 млрд долл.), Мичиган (6).

В географическом плане ключевой особенностью для данной группы товаров является концентрация грузопотоков в Приозерных штатах, в первую очередь Огайо, Индиане и Иллинойсе. Таким образом, четко видимый на картосхеме район основных перевозок металлоизделий и штатов, специализирующихся на их вывозе, довольно точно совпадает с «ржавым поясом» США (ранее носившим название «фабричного пояса») от Нью-Йорка до Иллинойса [21].

Машины и механическое оборудование. Лидерами по объему вывоза машин и механического оборудования стали Огайо (30 млрд долл., или 8,3% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Иллинойс (25 млрд долл.), Техас (23), Теннесси (20), Мичиган (18) и Висконсин (17) (рис. 7). Индекс локализации вывоза наиболее велик у округа Колумбия (3,6), Северной Дакоты (2,9), Айовы (2,1), Висконсина и Мэна (1,9). По объему специализированного вывоза лидируют Огайо (11 млрд долл.), Висконсин (8), Мичиган (7), и Айова (6).

Лидерами по объему ввоза машин и механического оборудования стали Техас (29 млрд долл., или 7,9% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Калифорния (22 млрд долл.), Иллинойс (20), Огайо (19), Пенсильвания (15). Индекс локализации ввоза наиболее велик у округа Колумбия (2,3), Миссисипи (1,9), Северной Дакоты и Монтаны (по 1,8). По объему специализированного ввоза лидируют Миссисипи и Техас (по 4 млрд долл.), Мичиган (3).

Распределение мест формирования и назначения грузопотоков машин и механического оборудования весьма схоже с картиной, описанной выше для металлоизделий. Доминирует регион Приозерных штатов во главе с Огайо, ведущим по объемам вывоза

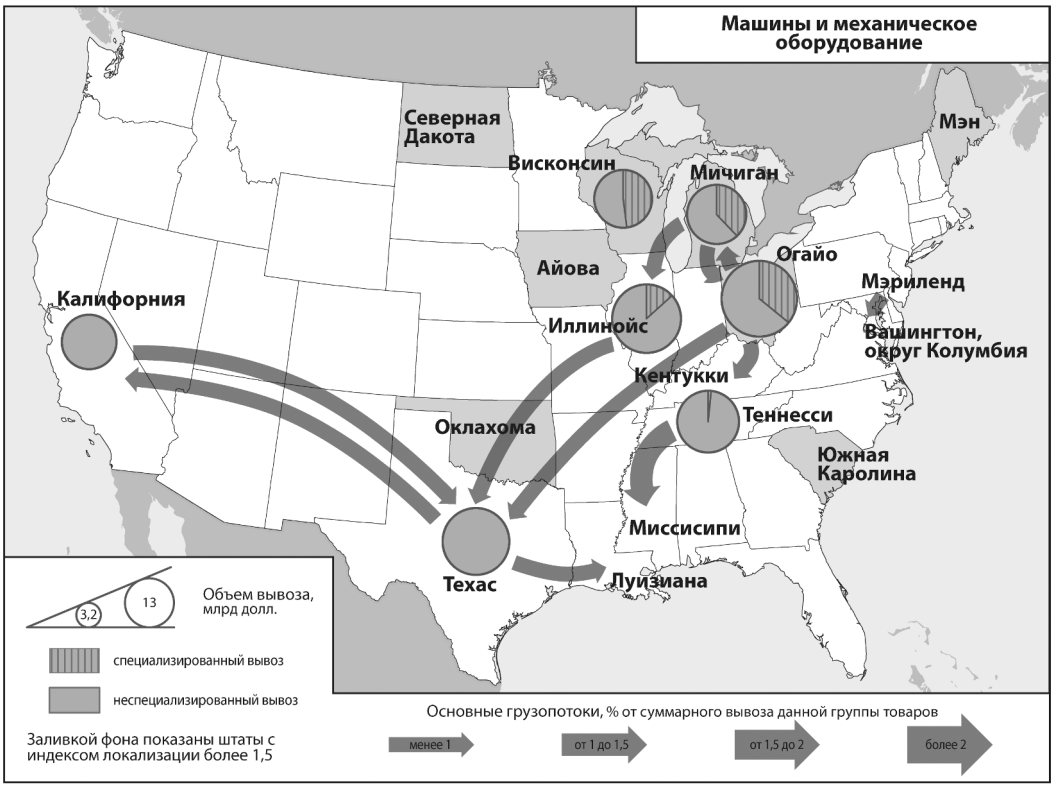


Рис. 7. Вывоз машин и механического оборудования на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

товаров данной группы. Основные грузопотоки либо связывают Приозерные штаты между собой, либо направлены отсюда на юг, в первую очередь в Техас. Последний также активно торгует с Калифорнией.

Электроника и электротехника. Безоговорочным лидером по объему вывоза электроники и электротехники стала Калифорния (152 млрд долл., или 18,1% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), далее идут Техас (63 млрд долл.), Нью-Джерси (49), Иллинойс (47), Теннесси (42) и Нью-Йорк (35) (рис. 8). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Калифорнии (2,5), Аризоны (2,2), Нью-Гэмпшира (2,0), Флориды и Массачусетса (по 1,9), Миннесоты (1,7). По объему специализированного вывоза лидируют Калифорния (91 млрд долл.), Флорида (15), Массачусетс (14), Миннесота (12), Нью-Джерси и Аризона (по 11).

Лидерами по объему ввоза электроники и электротехники стали Техас (74 млрд долл., или 8,8% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Калифорния (71 млрд долл.), Иллинойс (50), Флорида (48) и Нью-Йорк (39). Значения индекса локализации ввоза распределены весьма равномерно показатель достигает 1,5 только у Аризоны; он относительно велик у Флориды и Невады (по 1,4), Калифорнии и Техаса (по 1,3). По объему специализированного ввоза лидируют Калифорния (18 млрд долл.), Техас (15), Флорида (13), Аризона (8).

Картосхема четко отражает доминирующую роль Калифорнии в вывозе электроники и электротехники. На Калифорнию (с ее знаменитой Силиконовой долиной) пришлось более 50% специализированного вывоза и 20% специализированного ввоза электроники и электротехники в 2007 г. В целом калифорнийской продукцией снабжаются все крупные штаты, однако главный поток (19 млрд долл.) направлен из Калифорнии в Техас, где под Далласом развивается высокотехнологичный район Силиконовая прерия.

Электроника и электротехника характеризуются одновременно наибольшей среди всех групп товаров средней дальностью перевозок и их наивысшей удельной стои-

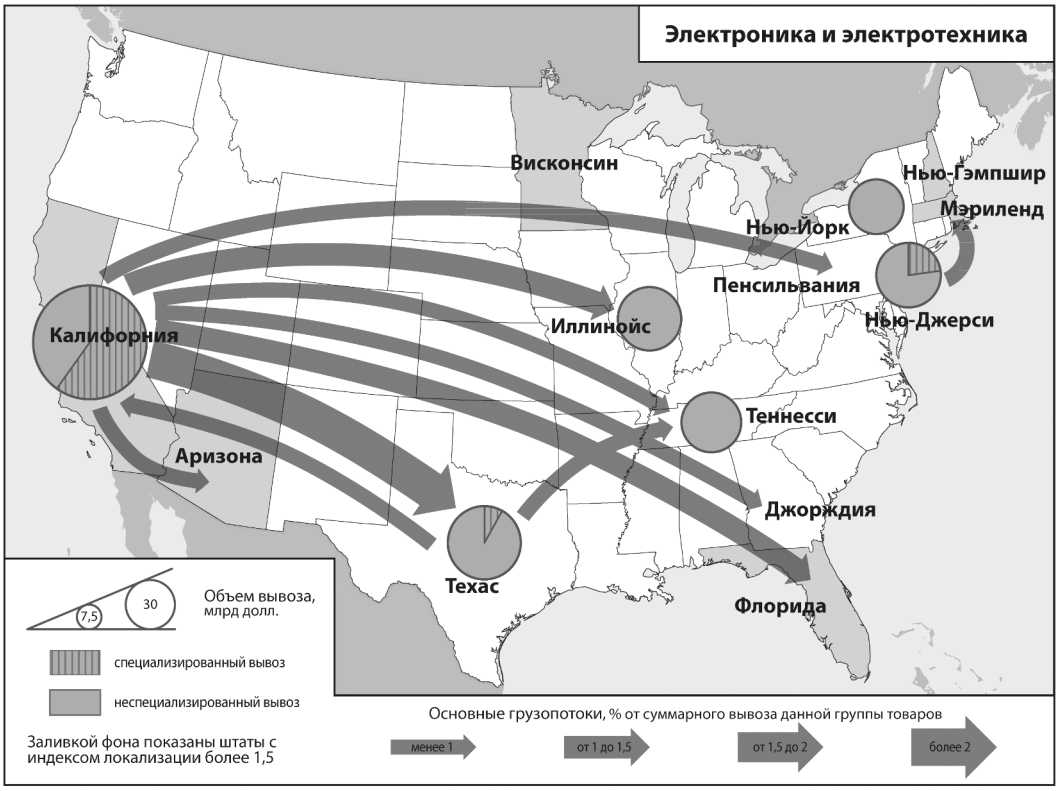


Рис. 8. Вывоз электроники и электротехники на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

мостью (в 20 раз выше среднего значения по всем отраслям). Это объясняется высокой сложностью и ценностью продукции при ее малых физических размерах.

Транспортные средства. Лидерами по объему вывоза транспортных средств стали Мичиган (78 млрд долл., или 12,9% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Калифорния (48 млрд долл.), Огайо (47), Кентукки и Индиана (по 40), Иллинойс (33), Джорджия (32) (рис. 9). Индекс локализации вывоза наиболее велик у Мичигана (4,1), Кентукки (2,7), Миссури (1,9), Канзаса (1,8), Индианы (1,7) и Джорджии (1,6). По объему специализированного вывоза лидируют Мичиган (59 млрд долл.), Кентукки (25), Индиана (17), Огайо (15), Миссури и Джорджия (по 12).

Лидерами по объему ввоза транспортных средств стали Техас (50 млрд долл., или 8,3% от общего объема грузоперевозок товаров данной группы), Калифорния (37 млрд долл.), Флорида (33), Огайо (30), Мичиган (29). Индекс локализации ввоза наиболее велик у Мичигана (1,6), Аризоны (1,5), Кентукки (1,4). По объему специализированного ввоза лидируют Мичиган (11 млрд долл.), Техас и Флорида (по 8), Аризона (6), Кентукки (5).

В случае с транспортными средствами географическим центром грузопотоков безусловно являются Приозерные штаты во главе с Мичиганом. На один только Мичиган приходится 37% специализированного вывоза товаров данной группы и 20% специализированного ввоза. Важную роль также играют приозерные штаты Огайо, Индиана, Иллинойс и соседний с ними Кентукки.

Другим ключевым центром (ориентированным на авиакосмическую промышленность) является Калифорния, откуда основные поставки идут на северо-восток страны (Нью-Джерси, Мэриленд, Пенсильвания, Нью-Йорк), а также в штаты Вашингтон, Техас, Аризона, Флорида.

Штат Вашингтон отсутствует в числе лидеров из-за того, что большая часть данных по транспортному машиностроению закрыта, т.к. может стать разглашением коммерче-

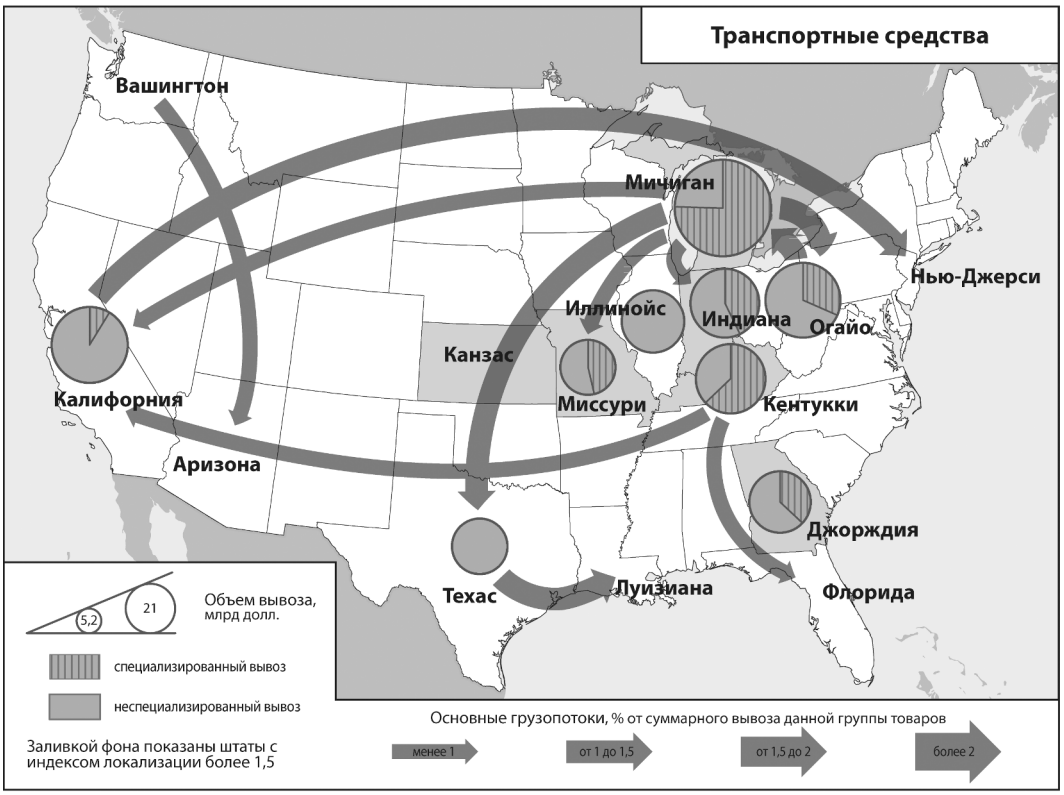


Рис. 9. Вывоз транспортных средств на уровне регионов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

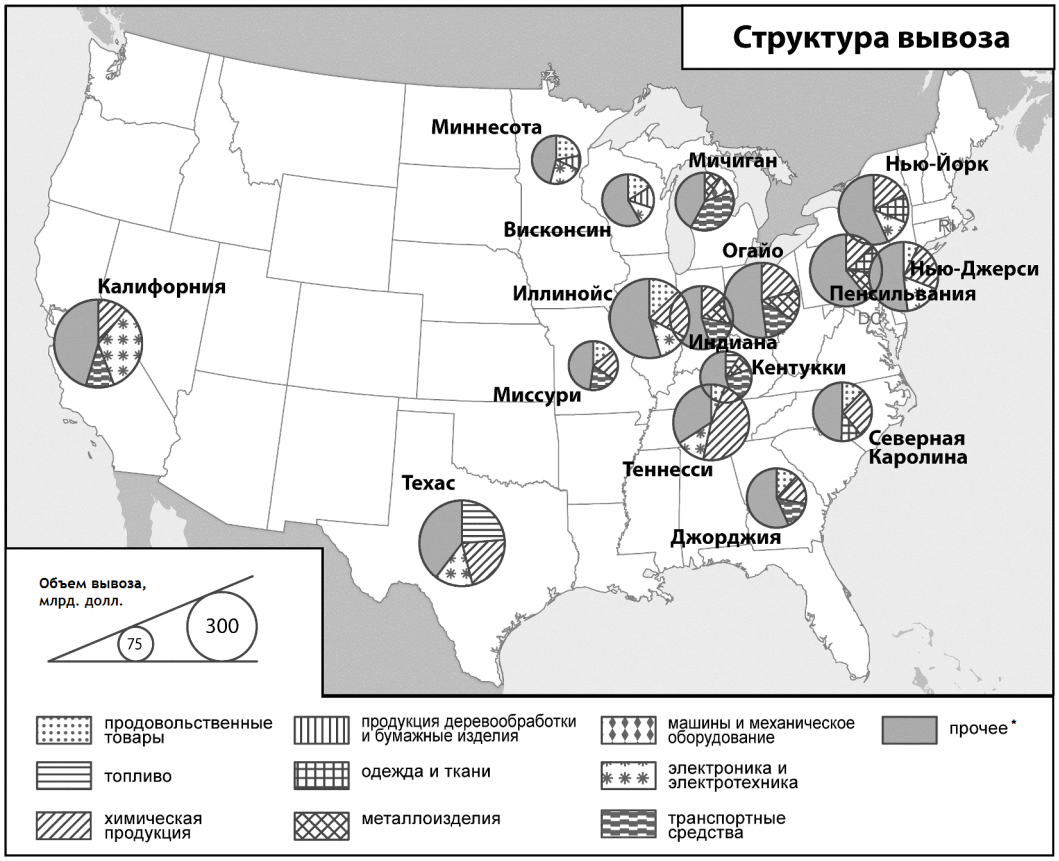


Рис. 10. Структура вывоза товаров из лидирующих штатов США в 2007 г.
Составлено автором по данным [10].

ской тайны компании «Боинг». По оценкам автора, объем вывоза транспортных средств с территории штата в 2007 г. не превышал 30 млрд долл., что ставит его в конец первой десятки лидеров. Это связано с тем, что производство компании «Боинг», ориентировано в основном на зарубежный рынок.

Заключение. В статье проанализированы общие черты и особенности грузоперевозок 9 основных групп товаров по территории США на уровне регионов по данным за 2007 г. На сводной картосхеме (рис. 10) показана структура товарного вывоза ключевых штатов (на каждый из них приходится более 2% суммарного вывоза всей страны, а суммарно на 16 штатов более 2/3). Для каждого рассматриваемого штата выделено три ведущих группы товаров.

Важной особенностью экономики США оказывается разнородность структур вывоза специализация ключевых штатов на вывозе разных групп товаров. Например, специализация на вывозе продовольственных товаров или электроники и электротехники ни для одного ключевого штата не совпадает со специализацией на вывозе металлоизделий. Таким образом, в США на региональном уровне обеспечивается территориальное разделение труда в виде специализации регионов страны на производстве определенных видов продукции на основе распределения между ними сравнительных преимуществ [5].

Другой закономерностью является равномерность ввоза и дифференциация объемов вывоза: расчет индекса Херфиндаля-Хиршмана показывает, что вывозные потоки для большинства групп товаров распределены по штатам в среднем в 1,5 раза более концентрировано, чем аналогичные ввозные потоки (табл. 2). Это объясняется наличием небольшого количества основных производителей тех или иных продуктов и относительно равномерным спросом на них, наиболее яркие примеры топливо и электроника. В то же

Таблица 2

Концентрация вывозных и ввозных грузопотоков для основных групп товаров

Группа товаров	Индекс Херфиндаля-Хиршмана для вывоза	Индекс Херфиндаля-Хиршмана для ввоза
Продовольственные товары	337	334
Топливо	747	371
Продукция химической промышленности	548	339
Продукция деревообработки и бумажные изделия	329	342
Одежда и ткани	563	383
Металлоизделия	442	363
Машины и механическое оборудование	389	338
Электроника и электротехника	617	400
Транспортные средства	541	358

Составлено автором по данным [10].

время для продовольственных товаров и продукции деревообработки характерны очень близкие значения индекса по вывозу и ввозу. Все значения индекса существенно меньше 1000, что говорит о высокой конкуренции и деконцентрации на рынках.

Для многих групп товаров штаты, лидирующие по вывозу продукции, оказываются также в числе лидеров по ввозу товаров той же группы. В первую очередь это объясняется внутренней неоднородностью выделенных агрегированных групп товаров и условностью этого агрегирования например, в Мичиган ввозятся в основном запчасти для транспорта, а вывозятся готовые транспортные средства, при этом обе эти категории входят в одну группу товаров. Пожалуй, самой неоднородной является группа продовольственных товаров. Одновременная специализация штата на вывозе и ввозе одной и той же группы товаров может быть обусловлена корпоративной структурой отрасли, когда действия конкретной компании могут противоречить логике оптимизации грузоперевозок данного вида товаров в целом [16].

Отдельно отметим существование тесно связанных систем, состоящих из соседних штатов, для которых товарообменные связи внутри системы оказываются важнее, чем со всей остальной территорией страны. Примерами такой ситуации выступают Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания на Северо-Востоке, Иллинойс, Индиана и Огайо в Приозерье. С одной стороны, это может быть связано с взаимным дополнением специализации; с другой стороны, в случае сложных и дорогих товаров, может объясняться уже упоминавшимся выше эффектом, связанным с необходимостью разнообразия потребления и приводящим к «встречной торговле» активному товарообмену между соседними штатами со сходной специализацией [11].

В целом, можно говорить как об устойчивости экономической структуры США на региональном уровне в связи со взаимодополняемостью грузопотоков разных групп товаров, так и о довольно сильной зависимости регионов страны друг от друга и о важной роли транспортной отрасли в развитии страны в связи со значительными абсолютными объемами грузоперевозок.

Библиографический список

1. База данных по нефтяной отрасли США [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации энергетической информации США. Режим доступа: http://www.eia.gov/petroleum/data.cfm (дата обращения 27.03.2014).
2. Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973–2012 годы). – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 348 с.
3. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966.
4. Исследовательская программа по изучению экспортных возможностей метрополитенских статистических ареалов США [Электронный ресурс] // Официальный сайт Брукингского института. Режим доступа: http://www.brookings.edu/metro.aspx (дата обращения 27.03.2014).
5. Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда. Учебное пособие для ВУЗов. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 309 с.

6. Нефедова Т.Г. Пространственная организация сельского хозяйства Европейской России // Известия РАН. Сер. географич. – 2003. – № 5. – С. 43–56.
7. Abrams R. International Trade Flows under Flexible Exchange Rates // Federal Reserve Bank of Kansas City Economic Review, 1980, vol. 65, no. 3, pp. 3-10.
8. Commodity Flow Survey [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бюро цензов США. Режим доступа: http://www.census.gov/econ/cfs (дата обращения 27.03.2014).
9. Freight Analysis Framework [Электронный ресурс] // Официальный сайт Federal Highway Administration. Режим доступа: http://www.ops.fhwa.dot.gov/freight/freight_analysis/faf (дата обращения 27.03.2014).
10. Freight Analysis Framework [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной лаборатории США Oak Ridge. Режим доступа: http://faf.ornl.gov/fafweb/Default.aspx (дата обращения 27.03.2014).
11. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. MIT Press, Cambridge, 1999. 367 p.
12. Gottmann J. Megalopolis. MIT Press, Cambridge, 1961.
13. Hart J.F. Change in the Corn Belt // Geographical Review, Jan 1986, Vol. 76#1, pp. 5172.
14. Mayer T., Combes P., Lafourcade M. Can Business and Social Networks Explain the Border Effect Puzzle? // Econometric Society 2004 North American Winter Meetings, no. 330.
15. McCallum J. National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // American Economic Review, 1995, vol. 85, no. 3, pp. 615–623.
16. Munroe D.K., Hewings G.J.D., Guo D. The role of intra-industry trade in the Midwest of the US // Globalization and regional economic modeling, Berlin, Springer-Verlag, 2007.
17. Pulliainen K. A World Trade Study: An Econometric Model of the Patterns of the Commodity Flows in International Trade in 1948-1960 // Ekonomiska Samfundets Tidskrift, 1963, no. 16, pp. 78–91.
18. Samuelson P. International Trade and the Equalization of Factor Prices // Economic Journal, 1948, no. 230, pp. 163–184.
19. Standard Classification of Transported Goods [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бюро цензов США. Режим доступа: https://www.census.gov/svsd/www/cfsdat/cfs071200.pdf (дата обращения 27.03.2014).
20. Targeted for Growth [Электронный ресурс] // Официальный сайт Life Science Tennessee. Режим доступа: http://lst.affiniscape.com/associations/14128/files/2012%20Report%20Final.pdf (дата обращения 06.04.2014).
21. Teaford J. Cities of the Heartland: The Rise and Fall of the Industrial Midwest. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
22. Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: Twentieth Century Fund, 1962.
23. U.S. Cluster Mapping Project [Электронный ресурс] // Institute for Strategy and Competitiveness, Harvard Business School. Режим доступа: http://www.clustermapping.us (дата обращения 06.04.2014).
24. Wolf N. Was Germany ever united? Evidence from Intra- and International Trade 1885-1933. // The Warwick Economics Research Paper Series 871. University of Warwick, Department of Economics, 2008.

Мезенцева Н.И., Батыченко С.П. (Киев, Украина)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

Mezentseva N.I., Batychenko S.P.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF THE POPULATION MORBIDITY OF UKRAINE

Аннотация. *Раскрыта сущность географии заболеваемости населения. Определены факторы, влияющие на заболеваемость населения Украины. Осуществлена кластеризация и типизация регионов Украины по уровню заболеваемости населения. Выявлены проблемы и определены приоритетные задачи для выделенных типов регионов.*

Abstract. *The essence of geography morbidity is revealed. Factors affecting population morbidity of Ukraine are determined. The Ukrainian regions are clustered and typification of by level of population morbidity. Identify problems and determined priority tasks for selected types of regions.*

Ключевые слова: *география заболеваемости, факторы, регион, территориальная дифференциация, кластеризация, типизация.*
Keywords: *geography of morbidity, factors, region, territorial differentiation, clustering, typification.*

В Украине сформировались такие направления научных исследований в медицинской географии, как определение влияния природных, социально-экономических, организационно-управленческих и инфраструктурных факторов на состояние здоровья населения; изучение медико-географических систем мезоуровня; изучение географии заболева-

емости населения; исследование вопросов истории медицинской географии; медико-географическое картографирование и моделирование [1, 6]. Конкретизируя объект исследования медицинской географии, проф. О. Шаблий отмечает, что она исследует, прежде всего, формы географической организации сферы охраны здоровья, которыми являются территориальные медицинские системы – от локальных до общегосударственных, международных и даже глобальных [5]. Территориальная организация медицинской системы подчиняется следующим закономерностям: с ростом численности населения в населенном пункте увеличивается количество услуг; чем больше населенный пункт, тем больше в нем структурных элементов медицинской сферы; с увеличением численности населения в центре медицинского обслуживания его медицинская сфера все в большей степени определяется потребностями самого центра, а не территории; для центров медицинского обслуживания характерна иерархия [4].

География заболеваемости населения в Украине, как составляющая медицинской географии, занимается выявлением территориальных различий и особенностей заболеваемости населения, а также исследованием закономерностей распространения болезней и установлением причин их возникновения. Кроме анализа территориальной дифференциации заболеваемости населения, факторов влияния на заболеваемость, она занимается изучением доступа к медицинским услугам и пространственного размещения учреждений, предоставляющих медицинские услуги. Общественно-географическое исследование заболеваемости населения включает пространственно-временной анализ распространения болезней и выявление факторов влияющих на уровень и локализацию болезней. Таким образом, пространственные аспекты заболеваемости населения предусматривают типизацию регионов по распространению болезней и уровню заболеваемости. Пространственно-временные аспекты заболеваемости населения определяют необходимость типизации регионов по динамике процессов распространения различных видов заболеваний.

Возникновение болезней и особенности их распространения в Украине определяются социально-экономическими причинами, природно-географическими предпосылками, историческими и географическими особенностями. Причем все большее значение приобретают социально-экономические условия проживания населения. К основным факторам, которые влияют на состояние здоровья населения, относятся [2]:

- наследственность и генетический фонд;
- образ жизни населения (курение, употребление алкоголя, наркотиков, неправильное питание, стрессы, вредная работа, неудовлетворительные условия быта, гиперурбанизация, гиподинамия, неблагоприятная социальная среда и др.);
- демографическая нагрузка (ожидаемая продолжительность жизни, половозрастная структура населения);
- уровень развития медицинской системы и охраны здоровья населения (обеспеченность населения медицинской инфраструктурой, врачами, средним медицинским персоналом, качество предоставляемых медицинских услуг);
- состояние окружающей среды (загрязнение атмосферного воздуха, почв, поверхностных и подземных вод, обращение с отходами);
- уровень социально-экономического развития территории и уровень жизни населения (ВВП и ВНП на душу населения, специализация регионов, уровень безработицы, доходы и расходы населения, структура питания, сформированность среднего класса);
- экономические механизмы функционирования и организационная структура медицинской сферы.

Для оценки влияния различных факторов на заболеваемость населения регионов Украины проведен их пространственно-временной анализ. Анализ показал, что для Украины характерны такие отрицательные предпосылки для динамики заболеваемости населения, как интенсивный процесс старения населения, низкий уровень его доходов и распространение бедности, низкий уровень экономической доступности качественных медицинских услуг, прежде всего, низкий уровень не только экономической, но и физической доступности медицинских услуг в сельской местности, отсутствие достаточного количества квалифицированного медицинского персонала для обслуживания

пациентов в сельских поселениях, высокие показатели загрязнения воздуха, неудовлетворительное качество питьевой воды. В качестве положительных факторов выступают изменения отдельных демографических показателей (снижение уровня смертности и повышение уровня рождаемости населения, увеличение продолжительности жизни), перспективы проведения новой реформы здравоохранения и модернизации экономики на основе использования экологически чистых технологий производства.

Для определения степени влияния различных факторов на уровень заболеваемости населения регионов Украины проведен корреляционный анализ. В качестве факторов были использованы двадцать показателей: социально-демографические (коэффициенты рождаемости и смертности, средний возраст и ожидаемая продолжительность жизни населения, доли детей и пенсионеров в возрастной структуре населения), социально-экономические (располагаемые доходы и расходы населения на одного человека, среднемесячная заработная плата работников, уровень бедности населения, сумма депозитов населения в банках на одного человека, калорийность питания, уровень зарегистрированной безработицы и безработицы определенной по методологии МОТ), инфраструктурные (обеспеченность населения больничными койками, врачами и средним медицинским персоналом) и экологические (загрязнение атмосферы, воды и наличие отходов). В качестве результирующих были взяты показатели заболеваемости населения на различные виды болезней. Расчет коэффициентов корреляции показал, что заболеваемость населения Украины на различные виды болезней тесно связана с демографическими показателями, показателями обеспеченности медицинской сферы квалифицированными специалистами, уровнем доходов населения, которые определяют качество и способ жизни, экологическими индикаторами. Например, заболеваемость населения туберкулезом в Украине наиболее связана с ожидаемой продолжительностью жизни (коэффициент корреляции -0,7), обеспеченностью медицинскими работниками (-0,6) и качеством воды (0,5). По ожидаемой продолжительности жизни и обеспеченности медицинским персоналом связь обратная: чем выше продолжительность жизни населения региона, тем ниже уровень заболеваемости населения туберкулезом; чем ниже уровень обеспеченности региона медработниками, тем выше уровень заболеваемости населения туберкулезом.

Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями тесно связана с демографическими показателями, а именно со средним возрастом населения (0,7) и долей детей и подростков в возрастной структуре (-0,7), причем с последним показателем связь обратная – высокие показатели заболеваемости населения злокачественными новообразованиями характерны для регионов с низкой долей детей и подростков, и соответственно – с высокой долей пенсионеров. Расстройства психики и поведения населения в Украине тесно связаны с долей пенсионеров (0,54), ожидаемой продолжительностью жизни населения (-0,5), а также средним возрастом населения (0,5) и наличием квалифицированных специалистов-медиков (0,5). Высокие показатели заболеваемости населения на расстройства психики характерны для регионов, где обострились проблемы старения нации и обеспеченности населения квалифицированными врачами. Заболеваемость алкоголизмом среди населения Украины умеренно связана с рядом социально-экономических факторов, а именно доходами и расходами населения (-0,4 и -0,5), наличием депозитных вкладов в банках (-0,5). Связь с этими показателями является обратной. Алкоголизм как вид заболевания, более распространен в регионах с низким уровнем доходов населения, прежде всего в сельской местности. Инфекционные заболевания наиболее тесно связаны с уровнем безработицы (-0,5) и качеством питьевой воды (0,4). Болезни эндокринной системы тесно связаны с возрастной структурой населения (0,7). Умеренная прямая связь между болезнями эндокринной системы и ожидаемой продолжительностью жизни, а обратная умеренная связь со средним возрастом населения (-0,6) и долей пенсионеров (-0,5). Высокие показатели заболеваемости также характерны для регионов с низкой обеспеченностью населения медицинской инфраструктурой.

На основе балльной оценки тенденций динамики заболеваемости населения Украины туберкулезом, злокачественными новообразованиями, психическими расстройствами, общей заболеваемостью населения

трудоспособного возраста и детей, инвалидностью можно выделить следующие группы регионов:

- регионы с преобладанием положительных черт динамики показателей заболеваемости населения, для которых характерно сокращение заболеваемости населения туберкулезом, психическими расстройствами, общей заболеваемости, сокращение количества инвалидов, но рост заболеваемости злокачественными новообразованиями;
- регионы с преобладанием отрицательных черт динамики показателей заболеваемости населения, для которых характерен рост общей заболеваемости, заболеваемости злокачественными новообразованиями, расстройствами психики, увеличение количества впервые признанных инвалидами и незначительное сокращение заболеваемости туберкулезом.

Кластеризация регионов Украины по уровню заболеваемости населения методом построения карт самоорганизации Кохонена с помощью программы Deductor предполагает выделение нескольких кластеров (табл. 1, рис .1).

На основе разделения регионов Украины методом рангов, индексным методом, кластеризаций регионов методом Варда, агломерированным методом и методом построения карт самоорганизации Кохонена по количественным и качественным показателям заболеваемости населения целесообразно выделять следующие типы регионов по уровню заболеваемости населения (рис. 2).

Тип 1 – Волынская, Ровенская, Тернопольская, Закарпатская и Черновицкая области. Характеризуется низким для Украины уровнем заболеваемости детей и подростков, низким уровнем заболеваемости туберкулезом, злокачественными новообразованиями и расстройствами психики, детской смертности и инвалидности населения, средним уровнем общей заболеваемости населения.

Тип 2 – г. Киев. Характеризуется низким для Украины уровнем заболеваемости населения туберкулезом и расстройств психики, низкой детской смертностью, инвалидностью населения, высоким уровнем распространения злокачественных новообразований и общей заболеваемости населения.

Тип 3 – Винницкая, Киевская, Харьковская, Львовская, Ивано-Франковская, Черкасская, Черниговская, Хмельницкая области. Характеризуется низким для Украины уровнем детской смертности, средним уровнем заболеваемости населения туберкулезом, злокачественными новообразованиями, расстройствами психики, инвалидности населения, высоким уровнем общей заболеваемости населения.

Тип 4 – Донецкая, Луганская, Запорожская, Сумская, Житомирская и Полтавская области. Характеризуется низким для Украины уровнем общей заболеваемости населения, средним уровнем заболеваемости злокачественными новообразованиями и расстройствами психики, высоким уровнем заболеваемости населения туберкулезом, детской смертности и инвалидности населения.

Тип 5 – Днепропетровская, Кировоградская, Одесская, Николаевская и Херсонская области. Характеризуется низким для Украины уровнем общей заболеваемости населения трудоспособного возраста, детей и подростков, самым высоким уровнем заболеваемости туберкулезом, злокачественными новообразованиями и расстройствами психики, высоким уровнем детской смертности и инвалидности населения .

Проблемы заболеваемости населения Украины объединены в три блока.

Блок 1. Проблемы демографического содержания: старение населения, регрессивная возрастная структура населения; низкая продолжительность жизни населения; высокий уровень смертности населения, прежде всего, мужчин, в трудоспособном возрасте; высокий уровень детской смертности; депопуляция населения.

Блок 2. Проблемы медицинского обслуживания, как фактор заболеваемости населения Украины. В их числе: низкая физическая (в сельской местности) и экономическая (для отдельных категорий населения) доступность качественной медицинской помощи; нерациональная организация системы оказания медицинской помощи; неудовлетворительное состояние автопарка скорой медицинской помощи; недостаточный уровень подготовки квалифицированных специалистов для медицинских учреждений, прежде всего в сельской местности, старение кадров, недостаточное количество подготовленных медицинских кадров по отдельным специ-

Таблица 1

Общая характеристика кластеров по уровню заболеваемости населения регионов Украины выделенных методом построения карт самоорганизации Кохонена

№ п/п	Показатели	Кластеры				
		1	2	3	4	5
1.	Общая заболеваемость (средний показатель - 71 тыс. на 100 тыс. жит.)	Выше среднего и средние (74-70 тыс. на 100 тыс. жителей)	Самые высокие (больше 75 тыс. на 100 тыс. жителей)	Низкие и высокие (меньше 67 и выше 75 тыс. на 100 тыс. жителей)	Самые низкие (меньше 67 тыс. на 100 тыс. жителей)	Ниже среднего и средние (68-71 тыс. на 100 тыс. жителей)
2.	Заболеваемость активным тубер-кулезом (средний показатель – 68 чел. на 100 тыс. жит.)	Ниже среднего) (61-67 чел. на 100 тыс. жителей)	Средние (иск. г. Киев) (67-69 чел. на 100 тыс. жителей)	Самые высокие (больше 75 чел. на 100 тыс. жителей)	Высокие и выше среднего (77-70 чел. на 100 тыс. жителей)	Низкие (меньше 60 чел. на 100 тыс. жителей)
3.	Заболеваемость злокачест-венными новообра-зованиями (средний показа-тель – 358 чел. на 100 тыс. жит.)	Средние (350-370 чел. на 100 тыс. жите-лей)	Ниже среднего (355-335 чел. на 100 тыс. жителей)	Самые высокие (больше 380 чел. на 100 тыс. жителей)	Низкие и высокие (меньше 330 и больше 370 чел. на 100 тыс. жителей)	Самые низкие (меньше 330 чел. на 100 тыс. жителей)
4.	Заболеваемость населения трудо-способного возраста (средний показатель - 54 тыс. на 100 тыс. населения трудоспо-собного возраста)	Выше среднего (55-59 тыс. на 100 тыс. населения трудоспо-собного возраста)	Самые высокие (больше 60 тыс. на 100 тыс. населения трудоспо-собного возраста)	Ниже среднего (53-49 тыс. на 100 тыс. населения трудоспо-собного возраста)	Самые низкие (меньше 48 тыс. на 100 тыс. населе-ния трудоспо-собного возраста)	Средние (56-52 тыс. на 100 тыс. населения трудоспо-собного возраста)
5.	Заболеваемость детей (средний показатель – 142 тыс. на 100 тыс. детей в возрасте 0–14 лет)	Самые высокие (больше 150 тыс. на 100 тыс. детей в возрасте 0-14 лет)	Высокие (иск. г. Киев) (145-150 тыс. на 100 тыс. детей в возрасте 0-14 лет)	Низкие (меньше 138 тыс. на 100 тыс. детей в возрасте 0-14 лет)	Ниже среднего и средние (138-144 тыс. на 100 тыс. детей в возрасте 0–14 лет)	Самые низкие (меньше 134 тыс. на 100 тыс. детей в возрасте 0-14 лет)

Составлено по данным [3].

ализациям; неконкурентоспособный уровень заработной платы работников медицинской сферы, который влияет на мотивацию труда и качество предоставления медицинских услуг; отсутствие современных медицинских технологий, недостаточное владение ими, устарелость материально-технической базы и нехватка оборудования, приборов, а также медикаментозных препаратов в муниципальных медицинских учреждениях; недостаточное и неэффективное финансирование медицинской системы; отсутствие нормативно-правового регулирования предоставления платных медицинских услуг.

Блок 3. Проблемы неудовлетворительного состояния здоровья населения Украины: отрицательная динамика общей заболеваемости населения; высокие показатели заболеваемости и смертности населения от туберкулеза (по данным ВОЗ показатель

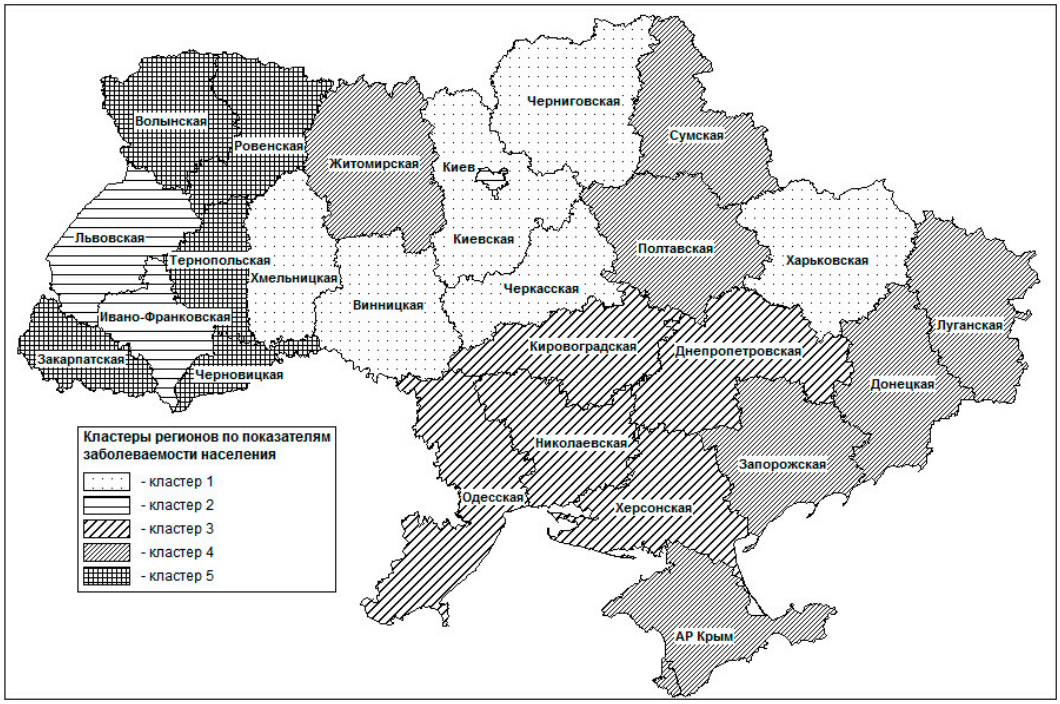


Рис. 1. Кластеры регионов Украины по уровню заболеваемости населения, выделенные методом построения карт самоорганизации Кохонена

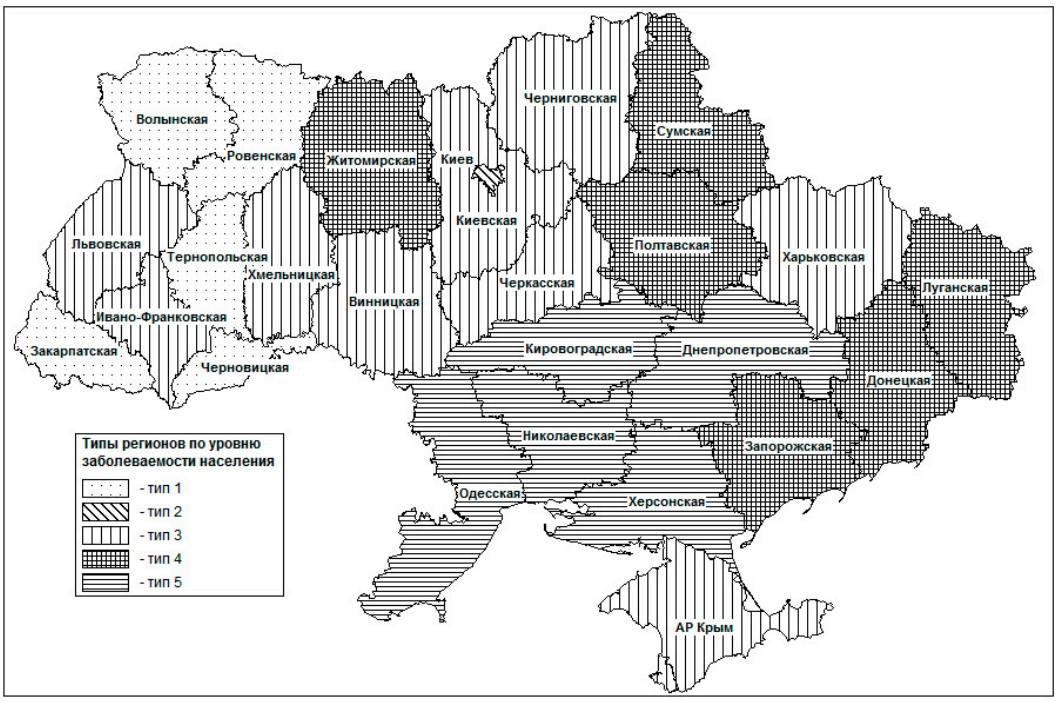


Рис. 2. Типы регионов Украины по уровню заболеваемости населения

заболеваемости населения туберкулезом в Украине вдвое выше среднего по странам Европы), низкий уровень реализации мер противодействия распространению туберкулеза; быстрые темпы распространения и высокий уровень заболеваемости населения злокачественными новообразованиями, низкая эффективность лечения больных злока-

чественными новообразованиями; позднее выявление социально уязвимых заболеваний, таких как активный туберкулез и злокачественные новообразования, запущенные и неизлечимые формы данных видов заболеваемости; высокий уровень распространения осложнений хронических заболеваний населения, особенно в сельской местности; низкий уровень обеспеченности сельского населения аптечными учреждениями, а также недостаточное наличие в них полного спектра медикаментозных препаратов.

Для улучшения медико-географической ситуации важным является определение приоритетных направлений, которые необходимо учитывать в дальнейшем при разработке мероприятий по усовершенствованию системы здравохранения выделеных типов регионов. Рассмотрим это на примере регионов 5 типа, характеризующихся: низким для Украины уровнем общей заболеваемости населения трудоспособного возраста и детей; самым высоким уровнем заболеваемости населения туберкулезом, злокачественными новообразованиями и расстройствами психики; высоким уровнем детской смертности и инвалидности населения. Для данного типа приоритетными направлениями улучшения медико-географической ситуации определены: активизация эффективной профилактики распространения инфекционных заболеваний, прежде всего туберкулеза, обеспечение полной и эффективной иммунизации детей и подростков; популяризация здорового образа жизни, в первую очередь, среди подростков и молодежи; внедрение обязательного бесплатного профосмотра населения; оптимизация территориальной структуры медицинской сферы на основе практики семейной медицины, повышение территориальной доступности и качества медицинской помощи для сельского населения; обеспечение учреждений здравоохранения достаточным количеством ресурсных средств и модернизация их материально-технической базы, прежде всего, в сельской местности; совершенствование первичной медико-санитарной помощи в сельской местности, в том числе и системы скорой медицинской помощи; реконструкция старых и строительство новых перинатальных центров, диспансеров по борьбе с онкологическими заболеваниями, туберкулезом, наркоманией, психическими расстройствами; совершенствование механизма финансирования здравоохранения; повышение мотивации труда медицинских работников. Очень важным вопросом при этом является разработка стратегий государственного стимулирования социального развития регионов в контексте социальной безопасности, одним из индикаторов которой является состояние здоровья населения.

Нестабильность экономического развития Украины обусловливает определенные трудности по реализации государственной и региональной социальной политики, особенно в области здравоохранения. Это приводит к формированию негативных тенденций в отношении показателей заболеваемости населения Украины. Медико-географическая ситуация в Украине весьма неоднозначна и территориально дифференцирована. При ухудшении социально-экономических условий и качества жизни населения, уровня медицинского обслуживания и финансирования медицинских учреждений региональная дифференциация медико-географической ситуации будет углубляться.

Библиографический список

1. Гуцуляк В.Н. Медицинская география: Экологический аспект. Учебное пособие. – Черновцы, 2008. – 132 с.
2. Мезенцева Н.И., Батыченко С.П. Общественно-географическое исследование заболеваемости населения: теоретические и методические основы // Экономическая и социальная география: Науч. сб. – Киев, 2012. – Вып. 2 (65). – С. 45–52.
3. Украина в цифрах в 2012 году. Статистический сборник / Под ред. Осауленко А.Г. – К., 2013. – 251 с. веб-сайт: www.ukrstat.gov.ua.
4. Чистобаев А.И., Семенова З.А., Тараненко С.Н. Развитие и территориальная организация сферы здравоохранения в депрессивном регионе (на материалах Псковской области) // Российская глубинка – модели и методы изучения: Сб. статей. – М., 2012. – С. 371–380.
5. Шаблий О.И. Общественная география. – Львов, 2001. – 744 с.
6. Шевченко В.О. Загальна медична географія світу / За ред. В.О. Шевченка. – К., 1998. – 178 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Акимжанов Х.Р. (Астана, Республика Казахстан),
Сафронов С.Г. (Москва)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КАРАГАНДИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Akimzhanov J.R., Safronov S.G.

SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE KARAGANDA AGGLOMERATION TERRITORIAL STRUCTURE

Аннотация. *В статье анализируются современные трансформационные процессы в Карагандинской агломерации с учетом особенностей разных этапов ее формирования. Переход от советских принципов развития агломераций, сложившихся в бассейнах добычи минерально-сырьевых ресурсов, требует учета и новых тенденций – изменении функций ряда поселений. Малые города, утратившие свою градообразующую базу, постепенно превращаются в преимущественно селитебные поселения. Повышение роли областного центра происходит благодаря диверсификации и терциаризации его экономики. Индикаторами изменения территориальной структуры служат внутриагломерационные связи, в первую очередь направление и интенсивность маятниковых трудовых миграций.*

Abstract. *The article analyzes the contemporary transformation processes in Karaganda agglomeration allowing for the different stages of formation . The transition from the Soviet principles of agglomeration development prevailing in the mining basins of mineral resources, and requires consideration of new trends – changes in the functions of settlements number. Small towns have lost their city-forming base gradually becoming mostly residential settlements. Raising the role of the regional center takes place because of the economy diversification and tertiarisation. Indicators of the territorial structure changes are communication within the agglomeration, primarily the direction and intensity of commuting migration.*

Ключевые слова: *городская агломерация, маятниковые миграции, трансформация территориальной структуры, Карагандинская агломерация, регионы Республики Казахстан.*

Keywords: *city agglomeration, push-pull migration, territorial structure transformation, Karaganda agglomeration, regions of the Kazakhstan Republic.*

Постановка проблемы. Одним из важных процессов в социально-экономической истории Казахстана в 1990–2000 гг. стала существенная трансформация сложившейся в советский период территориальной структуры населения и хозяйства. После получения независимости целые подотрасли промышленности, обслуживавшие нужды некогда большой страны, прекратили свое существование. Как следствие, многие поселения полностью или частично лишились своей градообразующей базы. В то же время Казахстан, в последние два десятилетия напрямую вовлеченный в мировые процессы, вынужден ускоренными темпами проводить технологическую и социальную модернизацию, развивать третичный сектор, чьи интересы ранее, как правило, приносились в жертву индустриальному развитию.

При анализе результатов этих двух взаимосвязанных процессов обычно рассматриваются две столичные агломерации – формирующаяся Астанинская и наиболее развитая Алматинская. Однако не менее, а в определенном смысле даже более ярко эти тенденции оказывают влияние на трансформацию территориальной и отраслевой структуры одной из старейших в Казахстане Карагандинской агломерации[1]. В современ-

[1] По численности населения (более 770 тыс. чел.), агломерация входит в четверку крупнейший городских образований Казахстана, наряду с Алматинской (более 1740 тыс. чел.), Шымкентской (более 804 тыс. чел.), Астанинской (617 тыс. чел.) [1].

ных границах она сложившаяся в пределах Карагандинского каменноугольного бассейна в начале 1960-х гг., и в конце советского периода была одной из наиболее развитых индустриальных центров.

На начальном этапе основная отрасль специализации большинства городских поселений, входивших в ее состав – добыча и обогащение каменного угля – позднее была дополнена черной металлургией полного цикла, а также, в соответствии с принципами комплексирования, обслуживающими производствами – предприятиями профильного тяжелого машиностроения, строительного комплекса, пищевой и легкой промышленности.

В ряде работ последних лет Караганда и тяготеющие к ней города рассматриваются как «потенциальная», а отнюдь не реально функционирующая агломерация. Ее перспективы расценивались неоднозначны и анализировались исходя из инерционности промышленной специализации и в контексте развития столичной Астанинской агломерации [1]. В то же время, статистические параметры, обычно используемые отечественными исследователями для оценки развитости агломераций, которые основываются на числе и соотношении численности населения центрального города и его спутников [8], позволяют поставить Карагандинскую агломерацию как минимум в середину рейтинга агломераций постсоветского пространства. Во многом это связано с тем, что Карагандинскую агломерацию можно по терминологии Г.М. Лаппо отнести к числу сформировавшихся «от района». Такие групповые системы расселения, как правило, имеют более развитую пригородную зону даже при заметном доминировании ядра как и в данном случае.

Карагандинская агломерация имеет и свои особенности: она не «выросла» за счет «сгущения» плотно освоенного пространства, а сформировалась всего за несколько десятилетий и почти с нуля в регионе с достаточно жесткими природно-климатическими условиями. Это была весьма типичная для индустриальной эпохи схема, когда «связи расселения с размещением производства выступали наружу» [9, с. 112], оно было к нему жестко привязано, а технологические и административно-управленческие связи были ключевыми.

Однозначно индустриальный тренд был прерван в начале 1990-х гг., когда последовало резкое падения объемов добычи угля, свертывание многих других производств. Одновременно с 2000-х гг. в 200 км севернее началось развитие новой столицы, влияние которой пока сложно оценить однозначно. С одной стороны, это будет способствовать оттоку части квалифицированных кадров, а с другой,– стимулировать развитие в Карагандинской агломерации новых функций, в первую очередь третичных и сервисных. Кроме того, происходили и происходят сдвиги и в социальной структуре населения, его образе жизни, стандартах потребления.

Сформировавшаяся на фоне всех этих социально-экономических подвижек территориальная структура агломерации постепенно трансформируется как в морфологическом, так и функциональном плане: возникают характеризуемые стагнацией, и, наоборот развивающиеся районы, меняется направления связей между входящими в агломерацию поселениями.

Предыстория. В то же время анализ современных сдвигов территориальной структуры невозможен без учета предыдущих этапов развития. В *дореволюционный период*, в 1840-х гг. в пределах будущей Карагандинской агломерации возникают временные поселения кочевников, а с 1856 г. в связи с открытием в урочище Караганды-Басы первого разреза «Кара Забой» – постоянный поселок на месте старой части будущей Караганды.

Однако основные контуры формирующейся системы расселения обозначились лишь в ходе *советской индустриализации*. В 1931 г. советское правительство приняло постановление о возобновлении разработок карагандинских месторождений, стартовало строительство исторической части Караганды – Старого города. И к 1932 г. население горняцких поселков в сумме составляло уже более 100 тыс. чел. Названия наиболее крупных из них до сих сохраняются на административной карте города (Тихоновка, Майкудук, Большая Михайловка). Поселки, располагавшиеся в силу неразвитости пригородного транспорта невдалеке от шахт и потому разбросанные по значительной территории,

в 1934 г. были объединены в единое поселение – Караганду, в том же году получившее статус города и ставшее административным центром одноименной области [4].

Сразу же к югу, на потенциально свободных от угольных месторождений территориях началось активное строительство Нового города по плану, разработанному Мособлпроектом. Его создание значительно улучшило культурно-бытовое обслуживание населения бассейна и подтолкнуло дальнейший рост Караганды. По данным переписи 1939 г. ее население составляло около 166 тыс. чел. [3].

В период *Великой Отечественной войны* в Караганду и область были эвакуированы ряд производств. К концу 1941 г. – поступило оборудование Киевской ТЭЦ, использованное на строительстве КарГРЭС, что за счет механизации и электрификации позволило значительно повысить добычу угля. Удельный вес бассейна в общем топливном балансе страны с 1941 по 1945 г. вырос в четыре раза.

В годы войны к северу от Караганды, на месте поселка Самаркандский[2], севернее Караганды, как крупный металлургический центр зарождается самый крупный город-спутник – Темиртау. Этому способствовало начало строительства там с весны 1942 г. Карагандинского металлургического завода полного цикла, базировавшегося на углях Карагандинского бассейна и железных рудах месторождения (бассейна) располагавшегося к югу от Караганды. Интенсивные технологические связи между Карагандой и Темиртау, возникшие с момента образования города, позднее были дополнены трудовыми, учебными, культурно-образовательными, семейно-бытовыми. Позднее, постепенно, по мере развития транспорта стали развиваться и маятниковые миграции.

Собственно *формирование агломерации* можно отнести к 1960–1970-м гг., когда началось развитие других частей Карагандинского бассейна: шахтерские поселки Сарань, Шерубайнура, Тентек разрослись до городов Сарань, Абай и Шахтинск[3]. Увеличение добычи угля привело к быстрому росту численности малых поселков за счет притока населения из других регионов СССР.

Особенности территориальной структуры городов агломерации. С пространственной точки зрения *Караганда* имеет сложную конфигурацию, что связано в первую очередь с особенностями залегания и историей освоения угольных залежей. Прежде всего это обуславливает наличие крупных и разделенных значительными расстояниям районов. Поселок Карагандинский, с которого началась история города, исходно располагался в пределах нынешнего «старого города», окруженного угольными шахтами.

Его население уже к 1940 г. достигло 50 тыс. чел., и московскими архитекторами был составлен генеральный план, рассчитанный на 300 тыс. чел., с новым центром, который располагался южнее исторического. Однако уже к 1960 г., когда численность населения превысила это значение, был принят новый генеральный план, рассчитанный уже на 600 тыс. чел. Его главной идеей была переориентация основного вектора развития на юго-восток и разделение функциональных зон города: промышленные зоны, включая все угольные шахты, остались в «старой» части города, а «новый» (современный) город должен был выполнять преимущественно административные и селитебные функции.

Значительная часть построек на территории старого города была ликвидирована, культурно-административные объекты перенесены в новый город, остались несколько микрорайонов – поселки Финский и Узенка. Последний, пережив кризис 1990-х гг., сегодня стал важным пунктом транспортного обслуживания республиканской трассы Астана–Караганда. Остальное пространство «старого» города – это неудобья на месте бывших угольных разработок, непригодные для промышлен-

[2] Поселок Самаркандский был основан на левом берегу р. Нура, первыми переселенцами из Поволжья в 1905 г. В 1933 г началось строительство водоканала Самаркандский–Караганда, который должен был обеспечить технологической и питьевой водой Карагандинский угольный бассейн. Позже, в 1939 г., было принято решение о создании Самаркандского водохранилища, созданного для нужд новой КарГРЭС. В 1943 г. начинается строительство Карагандинского металлургического комбината. В 1945 г. поселок Самарканд получает статус города и переименовывается в Темиртау.

[3] Население Сарани и Шахтинска с 1959 по 1979 г. увеличилось более чем в 1,5 раза (с 39 до 64 тыс. чел. и с 38 до 65 тыс. чел., соответственно), Абая – более чем в 2,5 раза (с 17 до 46 тыс. чел.).

ного и жилого строительства, перемежающиеся с полигонами твердых или жидких промышленных отходов, отвалами угледобычи. Все это требует серьезных вложения для хотя бы частичного использования этих территорий. Такая работа в очень небольших объемах проводится частными инвесторами в узкой полосе вдоль трассы Караганда–Темиртау.

Уже к 1980 г. численность в 600 тыс. чел. к была достигнута. Согласно новому генплану в состав Караганды вошли и стали активно застраиваться прилегавшие поселения – Майкудук на востоке и Михайловка – на западе.

Темиртау так же формировался поэтапно. Первый этап застройки, которая велась с 1941 по 1943 г. на правом берегу р. Нура силами эвакуированных жителей Северного Кавказа, также пленных немцев и японцев, связан со строительством химического завода по выпуску синтетического каучука. Второй, намного более масштабный этап, определивший современный облик города, – с созданием металлургического комбината на левобережье Нуры в 10 км к югу от «старой» части поселка [5]. За период с 1959 по 1989 г. население выросло с 76 до 212 тыс. чел.

Шахтинск представляет собой компактный город, основную территорию которого занимает селитебная зона с регулярной планировкой, с примыкающей с севера промзоной бывшего завода синтетических моющих средств. Угольные шахты, на которых в прошлом была занята значительная часть жителей, удалены от жилой застройки на 3–8 км.

Город *Абай* появился на карте области в 1961 г. в связи с созданием нового угледобывающего района, а также в целях развития мощностей строительной индустрии в быстро развивавшейся агломерации[4]. Он также имеет компактную в целом регулярную планировку, а селитебная зона отделена от промзон.

Город *Сарань* был образован в 1954 г. как промышленный спутник Караганды, в котором планировалось разместить кроме основных градообразующих предприятий – завода резинотехнических изделий и шахт – ряд обслуживающих производств[5].

Динамика населения в постсоветский период. Карагандинская область – самый урбанизированный регион Казахстана (77,5%), намного опережающий по этому показателю оба столичных столичный региона (Акмолинская область и Астана – 69%; Алма-Атинская и Алма-Ата – 58%), более 57% которого проживает в Карагандинской агломерации, при этом в самой Караганде – более 35%.

Пережив серьезный кризис в 1990-х гг. и потеряв более четверти населения, поселения Карагандинской агломерации с середины 2000-х гг. вновь приобретают положительную динамику населения (табл. 1). Первой стала наиболее привлекательная как с точки зрения проживания, так и с точки зрения ведения бизнеса Караганда. Постепенно улучшалась ситуация и в других поселениях. Кризис 2007–2008 гг. несколько затормозил этот процесс, привел к оттоку части населения, как в саму Караганду, так и в развивающуюся быстрыми темпами Астану. В первую очередь это коснулось наиболее проблемных с точки зрения рынка труда Абая, Шахтинска и Сарани, однако затем рост и в них возобновился. Однако затем их рост возобновился.

Трансформация отраслевой структуры экономики. На момент обретения Казахстаном независимости Караганда и Темиртау составляли крупнейший индустриальный узел республики, ведущей отраслью которого были *угольная промышленность* (более 40% общем объема промышленного производства) и *черная металлургия*. Остальные отрасли или обслуживали основные технологические цепочки, или в рамках концепции комплексирования их дополняли, используя их продукцию и отходы (машиностроение, химическая промышленность, промышленности строительных материалов). Легкая промышленность позволяла более полно

[4] В 1961–1971 гг. были построены основные промышленные предприятия города: электростанция КарГРЭС-2, шахты № 9 и № 5, завод Крупнопанельного домостроения, две дробильно-сортировочные фабрики, цех шахтных строек, механический завод, швейная фабрика.

[5] В середине 1970-х гг. в Сарани работало около 40 промышленных предприятий, транспортных и строительных организаций: 7 шахт, 3 обогатительные фабрики, 4 строительные организации, 2 завода ЖБИ, 2 кирпичных завода, хлебозавод, ДОК.

Таблица 1

Динамика численности население Карагандинской агломерации в 1989–2012 гг.

Город	Год образования	Год получения статуса города	Население, тыс. человек				1999 к 1989, %	2009 к 1999, %	2012 к 2009, %	Доля в населении агломерации, %		
			1989	1999	2009	2012				1989	1999	2009
Абай	1949	1961	46,5	32,9	25,5	26,5	70,7	77,5	103,9	4,4	4,3	3,3
Караганда	1856	1934	613,8	436,8	459,1	475,3	71,1	105,1	103,5	58,1	56,8	59,6
Темиртау	1905	1945	212,3	170,4	169,5	173,7	80,3	99,5	102,5	20,2	22,2	22,0
Сарань	1954	1954	63,6	42,9	42,0	42,6	67,4	97,9	101,4	6,0	5,6	5,4
Шахтинск	1955	1961	64,8	41,6	36,0	37,0	64,2	86,5	102,8	6,1	5,4	4,7
Другие н.п.	…	…	54,8	44,2	38,7	…	80,6	87,5	-	5,2	5,7	5,0
Всего	…	…	1055,8	768,8	770,8	…	72,8	100,2	-	100	100	100

Составлено по: Демографический ежегодник Карагандинской области. Караганда, 2012; Population statistics of Eastern Europe (http://pop-stat.mashke.org/kazakhstan-cities.htm).

использовать трудовые ресурсы, пищевая и деревообрабатывающая – обслуживали нужды населения.

Эта теоретически стройная структура начала давать сбои еще в конце 1980-х гг., а в постсоветский период стала происходить ее постепенная перестройка. Ведущие отрасли промышленности Карагандинской области – угольная и машиностроение – с 1990 по 2005 г. сократили объем производства, соответственно, на 17,7 и 5,3%. Некоторый рост (и абсолютный, и относительный) наблюдался лишь в электроэнергетике и промышленности строительных материалов, развитие которых стимулировал быстрый рост новой столицы. Параллельно во всех городах происходило снижение численность занятых в промышленности, которое продолжилось и во второй половине 2000-х гг. (табл. 2).

В конце 2000-х гг. некоторый компенсационный подъем наблюдался в крупнейших центрах – Караганде за счет энергетики и отчасти в Темиртау, где более сложная динамика была во многом обусловлена ходом технологической модернизации на основном градообразующем предприятии. Однако и в Караганде, и в Темиртау чис-

Таблица 2

Отраслевая структура промышленности г. Караганда в 1990 и 2005 гг.

Отрасли промышленности	Товарная продукция, %		Численность занятых						
			1990 г.		1993 г.		2005 г.		2005 к 1990 г., %
	1990 г.	2005 г.	тыс. чел	%	тыс. чел	%	тыс. чел	%	
Угольная промышленность	30,1	23,8	32,8	35,8	34,4	40,3	27	32,6	82,3
Электроэнергетика	5,2	5,6	3,4	3,7	3,3	3,9	3,7	4,5	108,8
Машиностроение и металлообработка	22,3	27	26,7	29,2	24,2	28,3	25,3	30,6	94,7
Промышленность строительных материалов	3,0	4,1	4,9	5,3	3,3	3,9	5,2	6,3	106,1
Лесная и деревообрабатывающая	2,9	3,0	1,9	2,1	1,6	1,9	1,9	2,3	100
Легкая промышленность	12,2	11,8	10	10,9	8	9,3	8,7	10,5	87
Пищевая промышленность	22,7	24	6,9	7,5	7,2	8,4	7,6	9,2	100
Прочие	0,8	0,7	5	5,5	3,4	4	3,3	4	660
Всего	100	100	91,6	100	85,4	100	82,7	100	90,3

Составлено по: Промышленность Карагандинской области: Статистический сборник. Караганда, 2006.

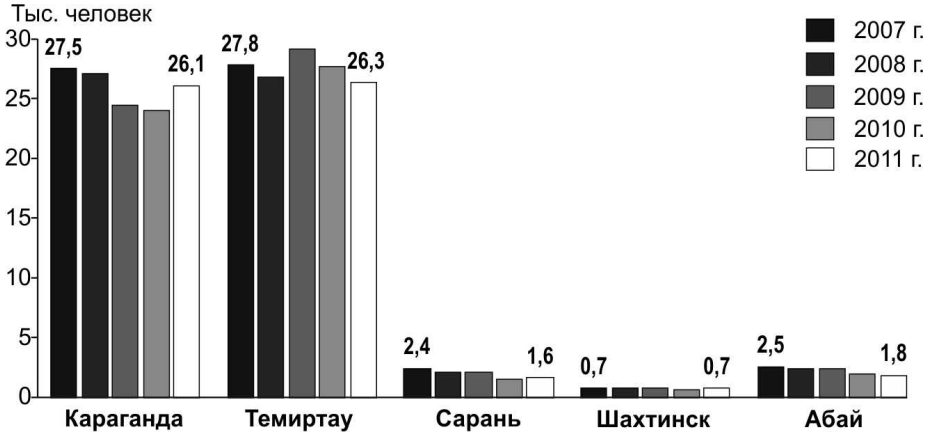


Рис. 1. Численность занятых в промышленности в городах Каргандинской агломерации в 2007–2011 гг., тыс. чел.

Составлено по: Промышленность Карагандинской области: Статистический сборник. Караганда, 2006.

ленность занятых в целом в промышленности так и не вышла на докризисный уровень (рис. 1).

Прооисходящие изменения отраслевой струтуры пространственно дифференцированы. В Караганде и Сарани происходит заметное сокращение производства в горнодобывающей отрасли, которую продожает лихорадить, что связано как с конъюнктурой рынка, так и продолжающейся реструктуризацией ряда предприятий (табл. 3). Обрабатывающая промышленность стабильно росла во всех городах вплоть до начала новой волны кризиса. Однако высокие темпы роста в Абае и Шахтинске во многом были обусловлены резким спадом производства в предшествующие периоды и, соотвественно, низкой статистической базой расчетов темпов роста. Высокие темпы роста производства в энергетике и ЖКХ во всех городах агломерации за исключением Темиртау связаны с реализацией проектов по модернизации инфраструктурных и коммуникационных объектов.

Несмотря на сохраняющуюся в целом индустриальную специализацию на рынке труда Карагандинской агломерации происходят постепенные сдвиги, которые подробно проследить не представляется возможным в силу разрозненности и отсутствия сопоставимых данных. Однако в самой Караганде, наряду с ростом числа

Таблица 3

Индексы физического объема промышленной продукции по некоторым видам экономической деятельности в 2007–2011 гг., в % к предыдущему году

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Горнодобывающая промышленность					
Караганда	108,6	105,3	64,2	122,7	92,2
Темиртау	101,4	90,4	104,9	95,4	111,1
Сарань	159,5	61,9	41,1	26,8	85,7
Шахтинск	–	–	–	–	–
Абай	103,9	69,9	128,4	93,5	114,9
Обрабатывающая промышленность					
Караганда	103,2	105,7	102,4	110,6	126,0
Темиртау	114,0	86,9	129,1	103,9	108,0
Сарань	124,8	98,0	104,9	111,0	108,8
Шахтинск	139,1	84	98,0	113,4	116,2
Абай	97,1	92,1	128,4	141,5	133,2

Составлено по: Регионы Карагандинской области: Статистический сборник. Караганда, 2012.

квалифицированных рабочих, обращает на себя внимание и существенное увеличение численности рабочих мест, связанных с сектором услуг в широком его понимании (табл. 4). Однозначный «индустриальный» крен в структуре занятости в настоящее время сохраняется, пожалуй, лишь в экспортоориентированном Темиртау. В малых городах и прилегающей сельской местности происходит своего рода «внешняя» терциаризация рынка труда, когда жители решают проблемы своего трудоустройства, в том числе и в третичном секторе, путем повышения территориальной подвижности.

Сдвиги в экономике дали толчек началу **трансформации территориальной структуры Карагандинской агломерации.** Эти процессы пока слабо проявляются морфологически вне границ существующих городов и поселков. Ни природно-климатические факторы, ни уровень доходов населения, ни степень развития транспортной сети не создали пока предпосылок, например, для дачно-коттеджной субурбанизации – как в Московском столичном регионе [2, 6], или многоплановой – как в Руре [12]. Скорее здесь подходит термин «усеченная метрополизация»: все большее стягивание на себя существующими городскими центрами окружающего ареала, но пока без заполнения межрадиальный пространств. Индикатором этих новых процессов пока скорее выступают внутренние связи между поселениями агломерации. В постсоветский период параллельно с ослаблением технологических и административно-управленческих связей, учебные и культурно-бытовые поездки значительно усилились за счет растущей трудовой маятниковой миграции.

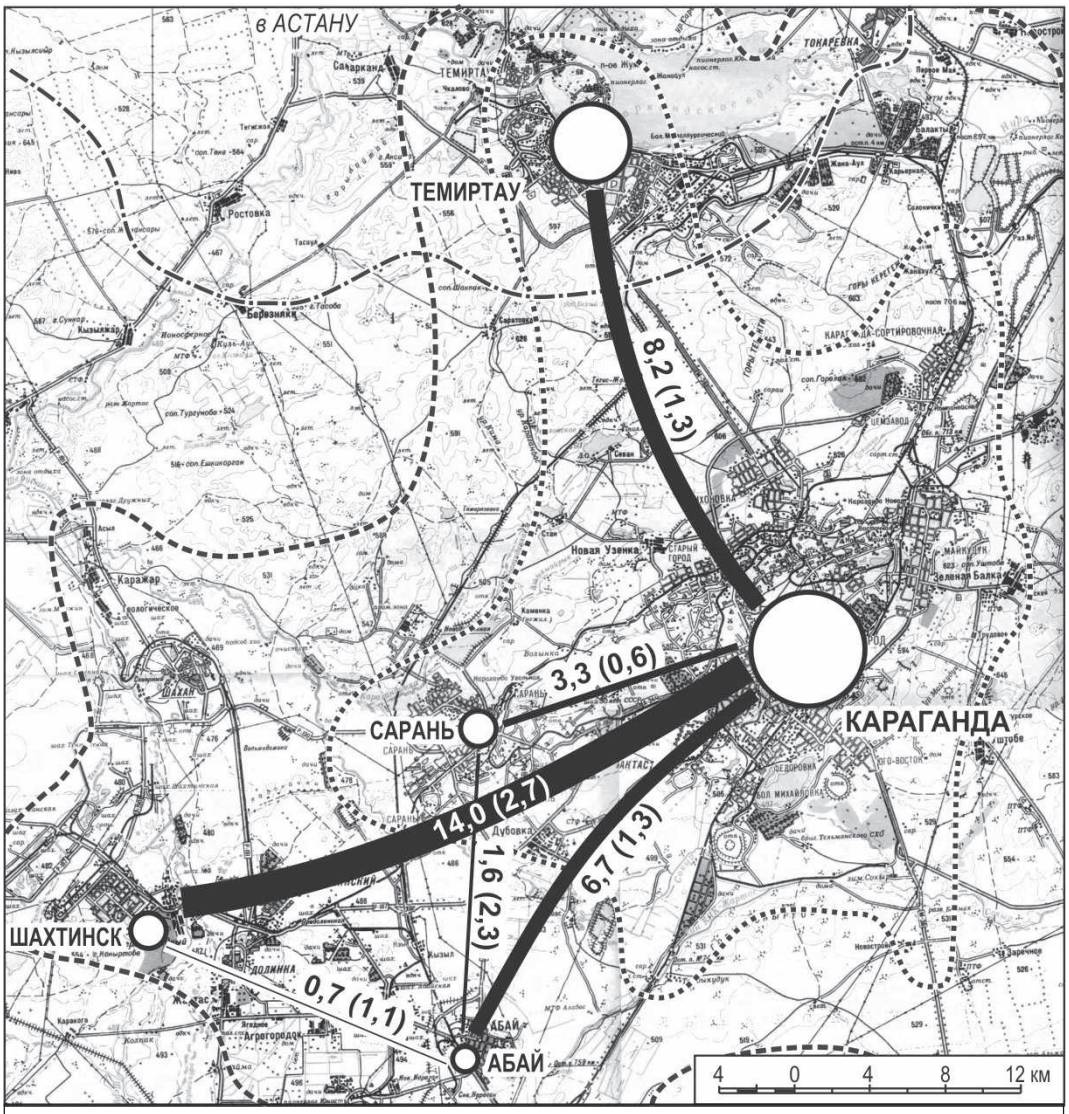
Проблема изучения маятниковой миграции уже давно рассматривается как одна из ключевых и для выделения границ групповых систем расселения, и как косвенный интегральный индикатор территориальных связей самого разного характера [10, с. 79–83]. В ходе полевой части исследования была сделана попытка оценить объем ежедневных поездок на общественном транс-

Таблица 4

Динамика изменения численности работников, работающих по найму по укрупненным группам занятий в 2007–2012 гг., %

Группы работников	Область в целом	Городские акиматы				Абайский район
		Караганда	Сарань	Темиртау	Шахтинск	
Руководители органов власти и управления	*84,6*	106,7	62,8	68,6	76,7	61,0
Специалисты высшего уровня квалификации	*99,9*	109,1	114,2	96,2	108,4	93,5
Специалисты среднего уровня квалификации	*95,1*	108,0	116,8	107,8	87,7	80,0
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации	*82,8*	102,7	77,8	81,5	51,5	49,6
Работники сферы обслуживания, предоставления коммунальных услуг, торговли	*108,2*	122,3	92,9	73,0	85,1	101,6
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных организаций, строительства, транспорта	*89,8*	143,1	45,4	66,2	92,5	73,1
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики	*90,6*	110,7	125,4	68,0	187,8	66,1
Неквалифицированные рабочие	*94,8*	104,1	119,0	104,0	93,1	114,7

Составлено по: Численность и заработная плата работников в разрезе регионов Карагандинской области в 2007 г.: Статистический сборник (http://karaganda.stat.kz/publish/sbor); Основные показатели по труду в Карагандинской области в 2012 г.: Статистический сборник (http://karaganda.stat.kz/publish/sbor).



Изохроны
часовой доступности центра г. Караганда,
двухчасовой доступности центра г. Караганда,
двухчасовой доступности г. Астаны

Объем суточного пассажиропотока между городами, тыс. человек — 6,7 (1,3) — Интенсивность пассажиропотока, человек на 100 человек суммарного населения городов

Примечание. Площадь значка пропорциональна численности населения городов. Толщина линии пропорциональная объему пассажиропотока между городами.

Рис. 2. Суточный пассажиропоток между городами Карагандинской агломерации
(оценка на основе подсчетов Акимжанова Х.Р.)

порте между городами Карагандинской агломерации[6] (рис. 2).

Наибольший поток и по объему, и по интенсивности, рассчитанной как отно-

[6] Подсчеты проводились автором в октябре 2012 г. в течение рабочей недели на автовокзалах путем оценки средней заполняемости рейсовых автобусов и маршруток. Хотя полученные данные необходимо дополнительно корректировать на объем перевозок на ведомственном и личном транспорте, в целом они отражают основные пропорции трудовых миграций в пределах агломерации.

шение объема миграции между городами к их суммарному населению, связывает областной центр с *Шахтинском*, городом, утратившим свою предыдущую функцию как поселения для шахтеров и обслуживавшего шахты персонала. Постепенно город, имеющий неплохой жилищный фонд, относительно развитую инженерную инфраструктуру, превращается в комфортную селитебную зону как для коренных жителей, так и для бывших карагандинцев, которые не могут позволить себе улучшение жилищных условий в самой Караганде. Наряду с существенно более низкими ценами на жилье в числе его преимуществ и относительно благоприятная экологическая ситуация.

Ежедневные поездки из *Караганды в Абай*, уступают маршруту *Караганда – Темиртау* по объему потока, несколько превосходят его по интенсивности, даже несмотря на семикратное различие в численности населения между этими городами-спутниками (рис. 3).

Процессы, происходящие в *Абае* аналогичны происходящим в Шахтинске: после утраты практически всей собственной градообразующей базы, основной функцией города становится селитебная. Однако серьезным препятствием для быстрого роста является устаревшая жилищно-коммунальная инфраструктура, что частично компенсируется близостью к областному центру и более низкой, чем в Караганде, стоимостью жизни. Данный вариант трансформации экономики малых и средних, по выражению Г. М. Лаппо, «классических» монопрофильных городов [7], может оказаться как временным выходом в тяжелой ситуации, так и долгосрочной тенденцией.

Не столь однозначна ситуация в городе *Сарань*. Он частично сохранил свою промышленность, о чем свидетельствует и относительно высокая интенсивность поездок между Саранью и Абаем, которую трудно объяснить лишь семейно-бытовыми связями. Однако в целом город не столь привлекателен как его соседи, Шахтинск и Абай, из-за более слабой развитой социальной инфраструктуры, худшей криминогенной ситуации. Наиболее удаленный от центра и примыкающий к промплощадке завода резинотехнических изделий северо-западный микрорайон к середине 2000-х гг. оказался заброшенным.

Интенсивность маятниковой миграции между Карагандой и *Темиртау* вполне объяснима устойчивыми разнообразными связями между ними. Однако с учетом численности их населения она могла бы быть и более значительной.

К Караганде Темиртау «обращен» самой большой своей промзоной, в том числе отвалами и картами промышленных отходов. Это препятствует их быстрому территориальному сближению, хотя слабые процессы

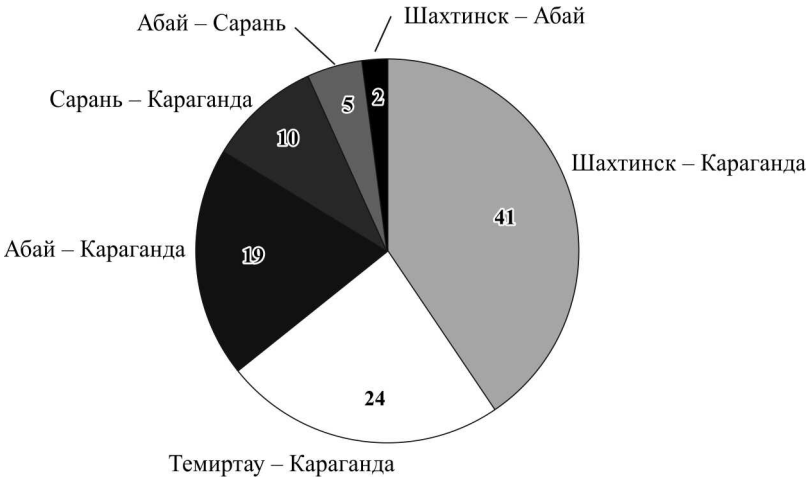


Рис. 3. Структура суточного пассажиропотока между городами Карагандинской агломерации, % от общего числа пассажиров

в этом направлении постепенно намечаются со стороны Караганды: ряд сервисных, ремонтных, обслуживающих производств и организаций получили землеотводы и начали осваивать узкую полосу вдоль трассы, связывающей областной центр с Астаной и Темиртау.

Сама *Караганда* остается крупнейшим в области центром притяжения трудовой миграции, а также пунктом перераспределения маятниковой миграции в пределах Карагандинской агломерации. В перспективе модернизация автодороги Караганда – Астана усилит конкуренцию за качественное население между ними. Однако и в случае реализации этого проекта Караганда останется за пределами изохронны двухчасовой доступности, и лишь строительство в неопределенном будущем скоростной железной дороги может теоретически привести к возникновению маятниковой миграции в Астану. В свою очередь Караганда может рассчитывать на положительные экономические и социальные импульсы в виде инвестиций в жилищное строительство, размещения предприятий, обслуживающих новую столицу, что позволит ей удерживать население.

Как уже было показано, Караганду в ее нынешних административных границах можно рассматривать как своего рода «миниагломерацию», состоящую из несколько поселений. Связи между ними и консолидация разных районов осложняются наличием крупных просадок на месте шахтных полей, а также полигонов складирования твердых и жидких отходов, большая часть которых закрыты, а некоторые эксплуатируются до сих пор. Расширение границ города на северо-восток, восток и запад осложняется расположения крупных промышленных зон, городского аэропорта. Перспективными для жилищного строительства считаются северное и юго-восточное направления.

Основные выводы.

1. Карагандинская агломерация, сформировавшаяся в послевоенный период в пределах Карагандинского угольного бассейна, до начала 1990-х гг. развивалась на основе принципов комплексирования как территориальная система, в которой производственные связи были ведущими. Расселение, как правило, следовало за производством, что заложило основные противоречия и проблемы, с которыми агломерация столкнулась позднее, когда не только оказались исчерпанными наиболее богатые минерально-сырьевые ресурсы, и потребовалась диверсификация экономики, но, что еще важнее, начали меняться жизненные установки населения.

2. Пока не сложилось общепринятого взгляда на пути трансформации Карагандинской агломерации: официальная точка зрения, предполагающая восстановление и усиление «индустриального» профиля не вполне кореллирует с объективно протекающими процессами. Изменение функций городов в пределах Карагандинской агломерации проходит на фоне утраты ими значительной части старой градообразующей промышленной базы. Города Шахтинск и Абай превратились в преимущественно селитебные поселения, с относительно дешевым жильем и экологически благоприятной средой. Сарань, утратившая лишь часть промышленности, занимает промежуточное положение между этими чисто селитебными поселениями и сохраняющим индустриальный профиль Темиртау.

3. Индикатором этих процессов служит маятниковая миграция. В пределах Карагандинской агломерации наиболее интенсивные потоки ежедневных миграций на сегодняшний день сложились, соответственно, между теперь уже преимущественно селитебными городами Шахтинском и Абаем и областным центром. Менее интенсивен поток из Сарани, частично сохранившей градообразующую базу. Более сложные встречные потоки – между Карагандой и металлургическим центром Темиртау.

4. Усиливается ведущая роль Караганды, доля которой в общей численности населения агломерации после спада 1990-х гг. вновь начала расти. Сегодня это связано не только с восстановлением производственной базы, но и с постепенно разворачивающейся терциаризацией экономики, растущей привлекательностью крупного города с разнообразным рынком труда, более высоким качеством услуг. Вывод об усилении моноцентричности надо корректировать с учетом сложной внутренней структуры самой Караганды, включающей несколько по-разному развивающихся районов, разделенных обширными промышленными зонами и пространствами технологических просадок.

Библиографический список

1. Афонцев С., Зубаревич Н. Пространственное развитие как механизм модернизации Республики Казахстан // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 53–58.
2. Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации // Известия РАН. Сер. географич. – 2013. – № 2. – С. 19–29.
3. Департамент культуры Карагандинской области. Путеводитель к 70-летию города Караганды. Караганда, 2004.
4. Казахская ССР: Экономико-географическая характеристика. – М.: Географгиз, 1957. – С. 191–208.
5. Караганда. Карагандинская область: Энциклопедия. – Алматы: Атамура, 2008.
6. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. – 2009. – № 4–5(25). – С. 42–53.
7. Лаппо Г.М. Монофункциональные города: состояние и проблемы // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. – М.: Издат. дом «Кодекс», 2013. – С. 160–175.
8. Лаппо Г. М., Полян П. М., Вавилова Т. И. Городские агломерации в России // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э.Баумана, 2011. – С. 264–279.
9. Покшишевский В.В. Население и география. – М.: Мысль, 1978. – С. 103–119.
10. Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.
11. Polivka J., Roost F. Kerne, Adern und Ränder: Siedlungs- und Bebauungsstruktur des Ruhrgebiets // Schichten einer Region: Kartenstücke zur räumlichen Strucktur des Ruhrgibiets. Jovis Verlag GmbH, – Berlin, 2011. – S. 39–79.

Житин Д.В. (Санкт-Петербург)

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ИНДИКАТОР АССИМИЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Zhitin D.V.

MOTHER TONGUE AS AN INDICATOR OF THE ASSIMILATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *Данная работа изучает процессы этнической ассимиляции и выявление факторов, влияющих на интенсивность этих процессов у различных этносов, населяющих Россию. На основе данных переписей населения было проведено исследование степени ассимиляции народов РФ на основе сопоставления признака этнической самоидентификации и родного языка. Было установлено, что основным ассимилирующим этносом РФ являются русские, а степень этнической ассимиляции остальных народов России варьирует в очень широком диапазоне. Исследуя этнические процессы можно сделать вывод, что скорость ассимиляции зависит как от культурно-исторической дистанции взаимодействующих этносов, так и от уровней их пассионарности.*

Abstract. *The present article is concerned with the processes of ethnic assimilation and will identify factors affecting the magnitude of these processes in different ethnic groups living in Russia. Based on population census data, a study was undertaken to look into the degree of assimilation of the peoples of the Russian Federation through comparison of ethnic self-definition and native language. As a result, it was found that the main assimilating ethnic group of the Russian Federation is Russians, and the degree of ethnic assimilation of other peoples of Russia varies in a very wide range. When exploring ethnic processes, we can conclude that the assimilation rate depends on both the cultural and historical distance of interacting ethnic groups, and of the degree of their passionarity.*

Ключевые слова*: этнос, комплиментарность, пассионарность, ассимиляция, Российская Федерация, регион, расселение, коэффициент этнолингвистической ассимиляции.*

Key words*: ethnicity, complementarity, passionarity, assimilation, the Russian Federation, region, dispersal, ethno-linguistic assimilation factor.*

Распад СССР и последовавшее за тем обострение межнациональных отношений практически во всех регионах бывшего Советского Союза привели к тому, что вопросы взаимодействия представителей различных этносов, интересовавшие ранее узкий круг специалистов, стали предметом широкого обсуждения, как в России, так и в новообразованных государствах «ближнего зарубежья». За прошедшие более чем два десятилетия актуальность данной проблематики сохранилась и даже усилилась.

Одним из результатов длительного взаимодействия представителей различных национальностей, проживающих на одной территории, является ассимиляция. Данная работа посвящена исследованию процессов этнической ассимиляции и выявлению факторов, влияющих на интенсивность этих процессов у различных этносов, населяющих Российскую Федерацию.

В современной этнологии под ассимиляцией понимают этнические процессы, проявляющиеся в том, что группы людей, принадлежащих к одному этносу, оказавшись в тесном контакте с другим народом, воспринимают его язык и культуру и постепенно, в течение нескольких поколений, сливаются с ним и причисляют себя к этому народу [5, с. 26]. По мнению известного специалиста в области этнической демографии В.И. Козлова, одним из основных механизмов процесса ассимиляции являются смешанные в национальном отношении браки, приводящие к постепенной смене этнического самосознания в течение нескольких поколений [12].

Исторический опыт показывает, что процессы этнической ассимиляции проходят с различной скоростью, которая существенно изменяется в пространстве и времени. При прочих равных условиях, скорость ассимиляции зависит от комплиментарности контактирующих этносов. Именно комплиментарность, как ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов этнических коллективов, определяющее деление на «своих» и «чужих», лежит в основе этнического разделения людей [4, с. 501]. Чем больше положительная комплиментарность взаимодействующих этносов, тем быстрее и «безболезненней» проходит процесс ассимиляции. В работах Л.Н. Гумилева и его последователей, посвященных вопросам этногенеза [2, 3, 9, 13, 17, 18], в качестве индикатора комплиментарности рассматривается брачное поведение контактирующих этносов. Распространенность межнациональных браков, при прочих равных условиях, позволяет делать выводы об этнической комплиментарности и, как следствие, скорости ассимиляционных процессов. Так, в исследованиях, проводившихся К.П. Ивановым, К.Б. Клоковым, С.А. Хрущевым, в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в Карелии, Ленинградской и Псковской областях, в качестве одного из важнейших показателей характера межэтнического взаимодействия рассчитывался «коэффициент аттракции» определявший ассортативность выбора брачного партнера [1, 10, 11, 19].

Отказ от фиксации национальности в паспортах граждан России и в записях актов гражданского состояния в середине 90-х гг. прошлого века существенным образом затруднил сбор сведений о межнациональных браках и сделал невозможным исследование процессов ассимиляции в масштабах страны или отдельных субъектов Российской Федерации. Поэтому в качестве критерия степени ассимиляции рассмотрим другой показатель – долю лиц, принадлежащих к данному этносу и не считающих язык своей национальности родным языком.

Конечно, не язык определяет принадлежность человека к той или иной этнической группе – по Л.Н. Гумилеву этносом считается «...устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам «…» и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени» [4, с. 540]. Но, у каждого народа есть родной язык, и смена «своего» языка на «чужой» представителями того или иного этноса имеет определенную подоплеку. На уровне больших групп населения такая замена родного языка является важным шагом к смене этнической самоидентификации и показателем степени ассимиляции. В каких же случаях происходит отказ человека от «своего» языка и признание родным языком языка другой национальности?

В России главным ассимилирующим этносом являются русские и именно русский язык признается сегодня в качестве родного значительной частью представителей других народов нашей страны. Так, только 0,1% лиц, определивших себя по данным последней переписи населения, как русские, считали родным языком язык другой национальности. И, наоборот, доля «русскоязычных»[1] среди нерусского населения Российской Федерации составляет 28,6% (в 1989 г. – 27,6%) [15, 21].

Здесь и далее под термином «русскоязычные» понимаются лица, считающие своим родным языком русский, но относящие себя к другой национальности; аналогично, лиц считающие своим родным языком, к примеру, татарский и не являющиеся татарами будут «татароязычными» и т.д.

Рассмотрим наиболее распространенный вариант происхождения «русскоязычного» населения России. Он характерен для детей, рожденных в результате этнически смешанных браков. Разговорным языком в таких семьях является, как правило, наиболее распространенный в данной местности язык межнационального общения, и ребенок воспринимает именно этот язык в качестве родного. Этническая же самоидентификация индивидуума, происходящая на уровне подсознания, при этом может отличаться от языковой. Особенно это характерно для семей, где оба родителя не являются русскими, и русский язык является лишь средством общения в семье. Чаще всего такие семьи возникают в зонах контактов нескольких различных этносов, где доминирующим этносом остаются русские (Среднее Поволжье, Северный Кавказ (Кубань, Ставрополье), крупные городские агломерации европейской части России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Волгоград, Ростов-на-Дону)). Результатом такого «раздвоения» между выбором национальности и родного языка является появления т.н. «русскоязычного» населения, доля которого составляет в крупных городах России 50% и более от общей численности нерусского населения.

Очень часто ребенок, воспитанный в такой семье, даже достигнув сознательного возраста, затрудняется определить свою этническую принадлежность. Во всех случаях на выбор ребенком родного языка влияет языковая среда не только в конкретной семье, но и в целом на территории проживания. Наиболее распостраненный в данной местности язык имеет преимущество стать первым, а иногда и единственным языком для человека, даже в том случае, когда тот осознает себя представителем иного этноса, являющегося на этой территории национальным меньшинством.

Так, 92% евреев и 79% корейцев, проживающих в Российской Федерации, считают родным языком русский и другого языка просто не знают. То же самое можно сказать и о других российских этносах. Более 25% марийцев, 35% мордвы, 29% чувашей и 20% татар считают родным языком русский. Среди украинцев и белорусов, проживающих в России, удельный вес «русскоязычных» еще больше, соответственно, 76 и 82 процента.

Однако, рассмотрение ситуации соответствия родного языка этнической самоидентификации в целом по России не позволяет выявить причин различий в скорости ассимиляционных процессов. Необходимо рассмотреть процесс этнической ассимиляции в территориальном разрезе и попытаться ответить на вопрос: почему одни этносы, даже при компактном проживании, отказываются от своего национального языка, не считая его родным, а другие, размещаясь дисперсно, сохраняют тождество между этнической самоидентификацией и родным языком.

Для удобства сравнения значений ассимиляции различных этносов предлагается ввести специальный, ранее не использовавшийся показатель, так называемый, «коэффициент этнолингвистической ассимиляции» (Кэла). Данный коэффициент будет показывать долю лиц той или иной национальности, считающих родным языком язык другой национальности [6].

$$Кэла\ i = 1 - (Pi / Ni),$$

где Pi – численность представителей i-го этноса на рассматриваемой территории, считающих родным языком язык своей национальности; Ni – общая численность населения i-го этноса на рассматриваемой территории.

Кэла может изменяться в диапазоне от 0 до 1. При значении *Кэла* равным нулю – все представители данного этноса считают родным языком язык своей национальности, при *Кэла* = 1 – родной язык и этническая самоидентификация полностью не совпадают.

Для анализа характера этнического взаимодействия на территории Российской Федерации целесообразно рассмотреть показатели ассимиляции наиболее многочисленных из населяющих ее народов. По данным последней переписи населения (2010), среди более чем 140 национальностей, проживающих в Российской Федерации, 41 этнос имеет численность более 100 тыс. человек. К этим этносам относится 99% населения России. Историческая родина 26 из них находится на территории Российской Федерации, остальные относятся к титульным этносам республик бывшего СССР (узбеки, армяне, украинцы, азербайджанцы и др.), либо проживают на территории России уже несколько веков (цыгане, немцы, евреи).

Степень ассимиляции рассматриваемых национальностей на территории Российской Федерации различается в очень большой степени. По значению коэффициента этнолингвистической ассимиляции (*Кэла*) можно выделить несколько групп этносов. К первой группе относятся 19 народов, среди которых этническая самоидентификация и родной язык практически полностью совпадают. Это русские, якуты, тувинцы, калмыки, турки и все народности Северного Кавказа (табл. 1). *Кэла* в этой группе изменяется от 0,001 (русские) до 0,100 (калмыки). Этносы, относящиеся к данной группе (кроме турок), характеризует высокая степень локализации в пределах своей этнической территории, и, как следствие, низкая интенсивность межнациональных контактов. Все народы этой группы, за исключением русских, характеризуются быстрым ростом численности, обусловленным высокой рождаемостью [7].

Вторая группа представлена народами, чья этническая родина находится за пределами Российской Федерации. Четыре из пяти народов данной группы исповедует ислам и относится к титульным этносам республик стран СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан). До середины XX в. они практически не проживали на территории России. От 10 до 20% представителей данных народов считают родным языком язык не своей национальности. Этносы этой группы характеризуются дисперсным проживанием на территории России и высоким удельным весом среди них иностранных граждан (от 40 до 80%), прибывших в Россию в качестве временных трудовых мигрантов.

Наиболее разнородной по своему составу является третья группа наиболее крупных по численности народов Российской Федерации. К ней относится 12 этносов, большинство из которых (9) исторически проживает на территории России и имеет многовековой контакт с русскими. Это тюркские и финно-угорские народы Волго-Уральского региона (татары, башкиры, чуваши, казахи, мордва, марийцы, удмурты), народ коми и проживающие в Восточной Сибири буряты. Три этноса не российского происхождения – армяне, грузины, молдаване – представлены христианскими народами, с начала XIX в. входившими в состав Российской империи. Хотя народы этой группы расселены по территории страны довольно рассеянно, большинство из них имеет районы компактного проживания, как в пределах своих национальных республик, так и в расположенных в непосредственной близости от них регионах. В отличие от представителей предыдущей группы, проживающих преимущественно в городах, большинство этносов третьей группы является сельскими жителями. Так, в сельской местности проживает половина всей мордвы, 51% чувашей, 52% коми, 53% бурят, 54% башкир, 57% марийцев, 63% казахов [20]. *Кэла* народов относящихся к данной группе варьирует в пределах от 0,208 (татары) до 0,458 (молдаване) (табл. 1).

К четвертой группе, как и ко второй, относится только пять этносов, чья историческая родина находится за пределами Российской Федерации. Но в отличие от мусульманских народов Центральной Азии и Закавказья, входящие в эту группу украинцы и белорусы имеют общее с русскими культурное наследие, языковую близость и сходство этнического стереотипа поведения. Их расселение по территории страны происходило постепенно в ходе миграционных процессов XVIII–XX вв. и было частью общего колонизационного тренда российской истории. Немцы, корейцы и евреи проживают в современных границах Российской Федерации сравнительно недавно (немцы и евреи – со второй половины XVIII в., корейцы – со второй половины XIX в.), но в советский период в ходе массовых и часто вынужденных миграционных перемещений скорость их ассимиляции резко возросла. Сегодня эти этносы отличаются наибольшим несовпадением этнической самоидентификации и родного языка. От 75 до 95% представителей этносов, относящихся к данной группе, считают родным языком русский. Их ассимиляция идет очень высокими темпами. В 90-е гг. прошлого века она дополнилась эмиграцией из России, принявшей массовый характер для российских немцев и евреев. За период с 1989 по 2010 г. численность украинцев, проживающих в России, сократилась в 2,3 раза а Кэла увеличился с 0,572 до 0,758. Численность белорусов за тот же период также сократилась в 2,3 раза, а К эла вырос с 0,638 до 0,827. Увеличение коэффициента этнолингвистической ассимиляции за последние десятилетия наблюдалось и у остальных этносов рассматриваемой группы (табл. 1).

Таблица 1

Группировка наиболее многочисленных этносов Российской Федерации по уровню языковой ассимиляции

Этнос	Численность, в 2010 г., тыс. чел.	Изменение численности в 1989–2010 гг. (1989=1)	Коэффициент этнолингвистической ассимиляции (*К эла*)		Изменение *К эла* за 1989–2010 гг.	Удельный вес сельского населения в 2010, %	Доминирующая религия
			1989 г.	2010 г.			
1	2	3	4	5	6	7	8
I группа							
русские	111 017	0,93	0,000	0,001	+0,001	23,2	христианство
народы Северного Кавказа	6 285	1,3-2,1	0,012-0,096	0,012-0,074	+0,049 -0,038	28,1-71,4	ислам
тувинцы	264	1,28	0,014	0,016	+0,002	51,1	буддизм
турки	105	10,5	0,144	0,056	-0,088	77,9	ислам
якуты	478	1,26	0,060	0,067	+0,007	59,6	христианство
калмыки	183	1,10	0,069	0,100	+0,031	49,9	буддизм
II группа							
киргизы	103	2,45	0,105	0,123	+0,018	11,7	ислам
таджики	200	5,26	0,199	0,151	-0,048	18,5	ислам
азербайджанцы	603	1,79	0,158	0,164	+0,006	26,2	ислам
цыгане	205	1,34	0,142	0,185	+0,043	47,5	христианство
узбеки	290	2,28	0,204	0,190	-0,014	18,5	ислам
III группа							
татары	5 311	0,96	0,144	0,208	+0,064	32,3	ислам
буряты	461	1,11	0,134	0,215	+0,081	52,9	буддизм
казахи	648	1,02	0,121	0,278	+0,157	63,1	ислам
башкиры	1 585	1,18	0,272	0,284	+0,012	53,8	ислам
чуваши	1 436	0,81	0,225	0,291	+0,066	51,0	христианство
марийцы	548	0,85	0,181	0,294	+0,113	57,4	христианство
армяне	1 182	2,22	0,322	0,310	-0,012	31,0	христианство
удмурты	552	0,77	0,292	0,378	+0,086	55,4	христианство
грузины	158	1,21	0,295	0,389	+0,094	19,0	христианство
коми	228	0,68	0,290	0,404	+0,114	51,9	христианство
мордва	744	0,69	0,310	0,409	+0,099	49,0	христианство
молдаване	156	0,90	0,332	0,458	+0,126	28,5	христианство
IV группа							
украинцы	1 928	0,44	0,572	0,758	+0,186	23,4	христианство
корейцы	153	1,43	0,635	0,794	+0,159	24,9	христианство
белорусы	521	0,43	0,638	0,827	+0,189	22,5	христианство
немцы	394	0,47	0,582	0,892	+0,310	43,2	христианство
евреи	157	0,29	0,911	0,949	+0,038	2,7	иудаизм

Рассчитано автором по [13, 14, 15, 21].

Анализ различий в степени ассимиляции народов, населяющих Российскую Федерацию, будет поверхностным, а выводы необъективными, если не рассматривать пространственно-временную обусловленность данного процесса. Постсоветский период характеризовался продолжением ассимиляции для многих народов России. Это выразилось

как в значительном сокращении их абсолютной численности, так и в увеличении доли лиц, считающих родным языком язык не своей национальности.

Среди наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации за последние десятилетия наиболее значительно снизилась численность этносов IV группы, кроме корейцев, численность которых за 1989–2010 гг. выросла почти в 1,5 раза за счет иммиграции из стран Центральной Азии и Казахстана. Как отмечалось выше, для этих этносов также характерно наибольшее увеличение коэффициента этнолингвистической ассимиляции. Среди народов России за 90-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI вв. значительной ассимиляции подверглись и этносы III группы. Так, удельный вес лиц, считающих родным языком язык другой национальности, среди татар, чувашей, мордвы, удмуртов, бурят, грузин увеличился более чем на 5 процентных пунктов, а среди марийцев, казахов, коми и молдаван – более чем на 10 п.п. Только у армян и башкир Кэла почти не изменился. В первом случае это связано с массовой иммиграцией в Российскую Федерацию армянского населения из государств Закавказья в 90-е гг. прошлого века – за двадцать лет численность армянского населения России выросла более чем в 2,2 раза. Увеличение численности башкир и замедление ассимиляционных процессов в их среде связано с особенностями этнической идентификации башкирского и татарского населения Башкортостана в ходе переписей населения. По мнению ряда исследователей в советский период в ходе переписей населения реальная численность башкирского населения Башкортостана занижалась в пользу близкого по языку и культуре татарского этноса. Другие исследователи считают, что в силу политических причин переписи населения 2002 и 2010 гг. дали необъективные сведения о росте численности башкирского этноса и снижении численности татар в Башкортостане.

Для народов, отнесенных к I группе характерны незначительные изменения в степени ассимиляции за последние десятилетия. Русские, как основной ассимилирующий этнос Российской Федерации, имеют самый низкий *Кэла* – 99,9% русского населения России считают родным языком язык своей национальности. Самое низкое значение *Кэла* русских по регионам России характерно для национальных республик Северного Кавказа: Дагестана, Чечни и Ингушетии. Здесь коэффициент этнолингвистической ассимиляции составляет, соответственно, 0,007, 0,008 и 0,022. У тувинцев, якутов и калмыков при увеличении в период 1989–2010 гг. абсолютной численности населения на 10–30%, *Кэла* почти не изменился (табл. 1).

Увеличение численности турецкого населения России более чем в 10 раз (с 10 до 105 тыс. чел.) произошло, в основном, за счет иммиграции турок-месхетинцев из республик Центральной Азии в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. Незначительный срок проживания переселенцев компактными замкнутыми группами на территории России привел к тому, что только немногим более 5% турок считают родным языком язык другой национальности. В 1989 г. данный показатель составлял 14,4% [15, с. 32-33; 21].

Почти не изменилась степень ассимиляции народов Северного Кавказа. При значительном увеличении (в среднем, на 40–60%) численности большинства северокавказских этносов, их *Кэла* почти не изменился и остался одним из самых низких среди народов Российской Федерации.

Рассматривая динамику показателей ассимиляционных процессов среди народов II группы, следует отметить, что для них характерно не только резкое увеличение абсолютной численности на территории Российской Федерации, но и замедление темпов ассимиляции. *Кэла* азербайджанцев, киргизов и цыган почти не изменился, а для узбеков и таджиков характерно уменьшение доли лиц, считающих родным языком язык другой национальности (табл. 1). В отношении азербайджанцев и титульных национальностей центральноазиатских государств причины этого явления очевидны – приток значительного количества трудовых мигрантов, пришедшийся, в основном, на последнее десятилетие изменил не только количественно, но и качественно состав их этнических диаспор в Российской Федерации.

Исследуя ассимиляционные процессы различных этнических групп на территории России, необходимо учитывать и характер их расселения. Компактное расселение, особенно в сельской местности, снижает частоту межнациональных связей на бытовом, производственном и семейном уровне и замед-

ляет скорость ассимиляции. Если в какой-либо местности проживают представители только одной национальности, то невозможно и говорить о степени их комплиментарности другим этносам. Отсутствие по этой причине возможности заключения межнациональных браков препятствует и этнолингвистической ассимиляции, выражающейся в смене родного языка.

В то же время, сопоставление удельного веса того или иного этноса в населении региона и степени его ассимиляции позволяет утверждать о наличии зависимости между этими параметрами, но не во всех случаях. Так, если у коренных народов Волго-Уральского региона (татары, чуваши, мордва, марийцы и др.) и Северного Кавказа (чеченцы, даргинцы, лезгины и др.) *Кэла* обратно пропорционален удельному весу представителей данной национальности в населении территории, то для этносов, чья историческая родина находится за пределами Российской Федерации такая зависимость не прослеживается (украинцы, белорусы, армяне), либо выражена в очень незначительной степени (азербайджанцы). Это наглядно видно на линии тренда совокупности точек отражающих зависимость удельного веса того или иного этноса и коэффициента его этнолингвистической ассимиляции в регионах России.

Чтобы объективно оценить характер межэтнического взаимодействия и определить различия в скорости ассимиляции у различных народов Российской Федерации, следует провести анализ данных процессов вне территории традиционного проживания изучаемого этноса. Оптимальным объектом изучения могли бы стать национальные диаспоры в крупных городах России, т.к. городская среда нивелирует этнические различия, отрывает этнос от его «кормящего ландшафта» [8]. Проблемой является отсутствие необходимых статистических данных по этническому и языковому составу населения отдельных городов России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга.

Для сравнительного анализа интенсивности ассимиляционных процессов возьмем несколько этносов каждой из рассматриваемых выше групп. При этом, необходимо чтобы выбранные национальности соответствовали нескольким условиям. Во–первых, этносы должны быть достаточно многочисленны, чтобы полученные данные не являлись результатом статистической погрешности. Во-вторых, они должны быть широко представлены в территориальном плане. В третьих, рассматриваемые народы не должны иметь мест компактного поселения в регионе, и, прежде всего, в сельской местности. Среди национальностей первой группы указанным условиям соответствует наиболее многочисленный северокавказский этнос – чеченцы, имеющий в настоящее время диаспоры в большинстве российских регионов. Среди этносов второй группы рассмотрим азербайджанцев, третьей – татар, чувашей, мордву и армян, четвертой – украинцев и белорусов.

Изучая ассимиляцию различных этнических групп на территории Российской Федерации, выберем регионы, где основной ассимилирующий этнос (русский) имеет наибольший удельный вес в составе населения, а исследуемые этносы представлены относительно небольшими диаспорами. Фактором, ограничивающим территорию исследования, будет являться и отсутствие в открытом доступе на информационных сайтах региональных подразделений Росстата сведений о национальности и родном языке населения. Исходя из перечисленных условий, объектами исследования, в данном случае, будут 28 субъектов Российской Федерации – 19 регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов и 9 регионов Сибири и Дальнего Востока (табл. 2).

Пространственный анализ зависимости этнической идентификации и родного языка позволяет говорить о существенных различиях в степени ассимиляции рассматриваемых этносов. Наиболее высокие показатели этнолингвистической ассимиляции почти во всех регионах характерны для белорусов и украинцев. Так как компактных регионов расселения украинцев и белорусов на территории России в настоящее время не имеется, степень ассимиляции данных этносов по регионам страны и в целом по Российской Федерации, практически не отличается. При этом, *Кэла* белорусов во всех регионах страны выше, чем *Кэла* украинцев.

Существенные различия в интенсивности ассимиляционных процессов характерны для народов Поволжья. За счет компактного проживания в областях и республиках Волго-Уральского региона *Кэла* татар, чувашей и мордвы в целом по России значительно

Таблица 2

Коэффициенты этнолингвистической ассимиляции в регионах России, 2010 г.

Регион (область, край, республика)	Коэффициент этнолингвистической ассимиляции *(К эла)*							
	украинцы	белорусы	татары	чуваши	мордва	армяне	азербайджанцы	чеченцы
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Европейская часть								
Мурманская	0,795	0,883	0,644	0,613	0,675	0,402	0,242	-
Карелия	0,829	0,915	0,794	0,749	0,822	0,324	0,191	0,103
Коми	0,778	0,870	0,532	0,573	0,693	0,387	0,224	0,251
Санкт-Петербург	0,821	0,858	0,603	0,724	0,767	0,152	0,280	0,230
Ленинградская	0,729	0,834	0,684	0,675	0,716	0,360	0,254	0,282
Новгородская	0,711	0,815	0,697	0,603	0,663	0,347	0,260	0,164
Калининградская	0,825	0,889	0,735	0,798	0,804	0,331	0,346	0,269
Московская	0,744	0,825	0,593	0,577	0,592	0,314	0,255	0,270
Смоленская	0,746	0,767	0,703	0,647	0,718	0,328	0,280	0,188
Ярославская	0,733	0,809	0,672	0,641	0,686	0,203	0,172	0,164
Владимирская	0,739	0,801	0,606	0,604	0,619	0,299	0,238	0,163
Рязанская	0,734	0,784	0,576	0,574	0,524	0,230	0,185	0,176
Тульская	0,750	0,805	0,600	0,589	0,661	0,255	0,198	0,228
Калужская	0,745	0,790	0,664	0,629	0,693	0,275	0,216	0,191
Брянская	0,745	0,756	0,681	0,624	0,660	0,203	0,172	0,252
Орловская	0,731	0,812	0,736	0,584	0,706	0,282	0,209	0,115
Липецкая	0,720	0,774	0,721	0,647	0,688	0,199	0,159	0,111
Тамбовская	0,667	0,761	0,477	0,581	0,748	0,239	0,209	0,173
Курская	0,715	0,815	0,677	0,668	0,707	0,219	0,251	0,188
В среднем по 19 регионам Европейской части России	0,750	0,819	0,652	0,637	0,692	0,282	0,228	0,195
Сибирь и Дальний Восток								
Кемеровская	0,821	0,858	0,603	0,724	0,767	0,152	0,280	0,230
Красноярский	0,761	0,846	0,496	0,673	0,746	0,191	0,160	0,275
Тыва	0,728	0,808	0,672	0,592	0,786	0,213	0,226	0,217
Иркутская	0,764	0,847	0,630	0,722	0,776	0,198	0,214	0,261
Бурятия	0,736	0,801	0,618	0,564	-	0,252	0,232	0,352
Еврейская АО	0,844	0,872	0,719	0,743	0,866	0,244	0,224	0,437
Приморский	0,849	0,887	0,724	-	0,840	0,246	0,282	-
Сахалинская	0,849	0,912	0,774	0,742	0,871	0,314	0,257	0,465
Чукотка	0,809	0,848	0,650	0,620	0,707	0,419	0,396	0,300
В среднем по 9 регионам Сибири и Дальнего Востока	0,796	0,853	0,654	0,672	0,795	0,248	0,252	0,317
В среднем по 28 регионам России	0,765	0,830	0,653	0,647	0,722	0,271	0,236	0,233

Рассчитано автором по [22, 24].

ниже, чем в рассматриваемых регионах, где представители данных этносов проживают дисперсно и преимущественно в городской местности. И если степень ассимиляции татар и чувашей, проживающих за пределами территории их традиционного расселения, различается между собой незначительно, то среди мордвы удельный вес лиц, считающих родным языком мордовский, значительно ниже и не превышает сегодня 30 процентов (табл. 1 и 2).

Для азербайджанцев и чеченцев степень ассимиляции в регионах Центрального, Северо-Западного, Сибирского и Дальнево-

сточного федеральных округов значительно выше, чем в среднем по России, что объясняется дисперсностью их расселения за пределами Северного Кавказа. Значение *Кэла* этих народов изменяется по регионам страны в 2–3 кратном диапазоне. Для армянской диаспоры России характерно некоторое снижение показателя этнолингвистической ассимиляции, связанное с притоком в последние два десятилетия большого количества мигрантов из государств Закавказья. Но и для армянской диаспоры характерен большой разброс показателей *Кэла.*

Сравнивая *К эла* в европейской и азиатской частях страны, можно отметить, что для всех рассматриваемых этносов (кроме армян) характерна более высокая степень ассимиляции в сибирских и дальневосточных регионах. Так, среднее значение *Кэла* восьми рассматриваемых этносов в регионах европейской России составило 0,534, а в Сибири и на Дальнем Востоке – 0,572.

Причины таких различий следует изучать отдельно, но представляется, что это связано с особенностями формирования территориальных общностей. В историческом плане, население большинства регионов Сибири и Дальнего Востока сформировалось сравнительно недавно и быстро изменялось на протяжении второй половины XX в. Инкорпорация в местные социумы мигрантов, независимо от их национальной принадлежности, происходила в восточных районах Российской Федерации легче, так как сами эти социумы постоянно находились в процессе динамичного развития.

В тоже время, области и республики Северо-Западного и Центрального федеральных округов характеризуются более «укорененным» населением – доля населения, родившегося за пределами того или иного субъекта Российской Федерации, не превышает здесь, как правило, 30% [23]. Исключение составляют территории активного освоения в послевоенный период – Калининградская и Мурманская области, а также Московский и Петербургский регионы.

Проведенное исследование степени ассимиляции народов Российской Федерации на основе сопоставления признака этнической самоидентификации и родного языка позволяет сделать ряд выводов.

Основным ассимилирующим этносом Российской Федерации являются русские, ассимиляция которых другими национальностями даже в автономных республиках Северного Кавказа очень мала. (Максимальное *Кэла* русских наблюдается в Ингушетии и составляет всего 0,022.) В то же время, все этносы, населяющие Российскую Федерацию в той или иной степени подвержены ассимиляции русским этносом.

Степень этнической ассимиляции, выражаемая через признание родным языком языка другой национальности, у различных этносов России различна. Среди наиболее многочисленных (численностью более 100 тыс. чел. в 2010 г.) народов Российской Федерации (кроме русских) максимальное значение коэффициента этнолингвистической ассимиляции (*Кэла*) наблюдается у евреев (0,949), минимальное – у чеченцев (0,012) и тувинцев (0,016).

Для всех народов, чья территория традиционного проживания находится в пределах Российской Федерации, степень ассимиляции зависит от этнической плотности населения. Чем меньше удельный вес этноса в общей численности населения региона, тем больше его *Кэла*. Для остальных народов, представленных преимущественно городским населением, компактность/дисперсность их проживания в регионах России либо не влияет на степень ассимиляции (украинцы, белорусы, армяне), либо влияет в незначительной степени (азербайджанцы).

Скорость ассимиляции разных народов России русским этносом сильно различается и зависит от многих факторов. В одних случаях эта зависимость территориально обусловлена и связана с характером расселения этносов, в других – зависит от степени комплиментарности контактирующих народов. Но наблюдаются и ситуации, когда одинаково комплиментарные русским народы, проживающие дисперсно за пределами своей этнической территории, имеют различный уровень ассимиляции. Это позволяет сделать предположение, что скорость ассимиляции зависит как от культурно-исторической дистанции ассимилируемого и ассимилирующего этносов, так и от уровней их пассионарности. Чем меньше культурно-историческая дистанция, тем легче происходит ассимиляция, так как нет ни религиозных, ни языковых, ни поведенческих преград для слияния двух народов. В случае же одинаковой культурно-исторической дистанции степень

ассимиляции поглощаемых этносов будет зависеть от уровня их пассионарности. Чем выше пассионарность ассимилируемого этноса, тем медленнее происходит его ассимиляция и наоборот. В качестве примера можно привести ассимиляцию в пределах Российской Федерации украинцев и белорусов. И те и другие произошли (как и русские) от одного этноязыкового корня, наследовали культуру и религиозную традицию Киевской Руси. Различие значений *Кэла* для проживающих в России белорусов и украинцев, позволяет выдвинуть гипотезу о разном уровне пассионарности этих народов, что обусловлено рядом историко-географических причин.

Аналогичную картину мы видим на примере мордвы и чувашей. И те и другие вошли в состав Российского государства и были втянуты в орбиту российского суперэтноса в одно и то же время – в XIV–XVI вв. Оба народа исповедуют православие и имеют родные языки, абсолютно непохожие на русский. И мордва и чуваши проживают дисперсно по всей территории России, имея наибольшую этническую плотность в Среднем Поволжье и Приуралье. Однако повсеместно *Кэла* у чувашей меньше, чем у мордвы.

Подобные различия в степени этнической ассимиляции мы можем наблюдать и у других проживающих в Российской Федерации этносов, находящихся на одинаковой культурно-исторической дистанции от русских.

Таким образом, изучение процессов ассимиляции, посредством применения коэффициента этнолингвистической ассимиляции или других подобных ему показателей (доминирование представителей той или иной национальности в этнически смешаных браках, распределение этносов по социально-профессиональным группам, некоторые показатели миграционной активности и др.), имеет перспективы научного исследования и может стать важным инструментом изучения этнических систем.

Библиографический список

1. Анохин А.А., Хрущев С.А. Автохтонные этноконтактные зоны Северо-Запада России: современное состояние, динамика и прогноз // Геоэкологический мониторинг: теория и практика. Сб. научных статей по материалам отчетной научно-практической конференции2002 г. / Под ред. В.В. Дмитриева, И.О. Шилова. – СПб: АССПИН, 2003. – С. 114–164.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.
3. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 280 с.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
5. Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. – 608 с.
6. Житин Д.В. Этнологический подход к современным геополитическим проблемам России. Сборник статей. – СПб.: РГО, 1997. – 58 с.
7. Житин Д.В. Изменения в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI в. // Известия Русского географического общества. – 2013. – Т.45. – Вып. 3. – С. 67–82.
8. Житин Д.В. Об этнополитических границах России // Гуманитарные науки. – 2000. – № 1–2 (17–18). – С.118–124.
9. Иванов К.П., Никитин В.С. Концепция этнодемографического равновесия народностей Севера // География и современность. – Вып. 5. – Отв. ред. А.И. Чистобаев. – Л., 1990. – С. 64–77.
10. Иванов К.П. Проблемы этнической географии / Под ред. А.И. Чистобаева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 216 с.
11. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Мониторинг этнических систем финно-угорских народов Карелии, Псковской и Ленинградской областей // Теоретические и прикладные аспекты. – СПб.: НИИХ СПбГУ, 2001. – С. 63–92.
12. Козлов В.И. Динамика численности народов. – М., 1969, – 408 с.
13. Мичурин В.А. Теория этногенеза и будущее России / Под ред. Д.В. Житина. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 232 с.
14. Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
15. Национальный состав населения СССР.: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 159 с.
16. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Том I / Госкомстат РСФСР. – М., 1991. – 231 с.
17. Хрущев С.А. Современные этнодемографические процессы у малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России // Этногеографические исследования. Вып. 2. – СПб., 1996, – 48 с.
18. Чистобаев А.И. Этногенез в России (К 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева) // Вестник СПбГУ. Серия 7: Геология, География. – 2012. – № 4. – С. 79–86.
19. Громова Ю.В., Засецкая М.Л., Новожилов А.Г., Хрущев С.А. Сету: история, культура, современные этнические процессы. [Электронный ресурс] http://edapskov.narod.ru/pskov/sety.htm (дата обращения 29.01.2014)

20. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения 22.01.2014)
21. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-08.pdf (дата обращения 22.01.2014)
22. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-09.pdf (дата обращения 22.01.2014)
23. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.03.pdf (дата обращения 24.01.2014)
24. Официальные сайты территориальных органов Росстата // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/about/territorial/site/ (дата обращения 24.01.2014)

Забураева Х.Ш., Краснов Е.В. (Калининград)

ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Zaburaeva Kh.Sh., Krasnov E.V.

ETHNOGENETIC TYPOLOGY OF THE REGIONS OF NORTH-EAST CAUCASUS

Аннотация. *В статье представлены результаты анализа особенностей пространственного распределения этносов на Северо-Восточном Кавказе. С учетом доминирующих этносов выделено 12 типов этногенетических районов. Наряду со спецификой каждого из них обсуждаются факторы, объединяющие народы Северо-Восточного Кавказа – язык межнационального общения, религия, культурное наследие.*

Abstract. *In the article shows the results of the analyses features of the spatial distribution of ethnoses in the North-East Caucasus. On the bases of the prevailing ethnoses were allocated 12 types of ethnogenetic districts. With specific features of each are discussed factors, which united the ethnoses of North-East Caucasus (language of international communication, religion, cultural heritage).*

Ключевые слова: *этногенетическая классификация, Кавказ, разнообразие языков, историко-культурная общность.*
Key words: *ethnogenetic classification, Caucasus, variety of languages, historic and cultural heritage.*

Проблема взаимодействия общества и природы всегда привлекала исследователей самых различных научных направлений – от антропологии и этнологии до социальной экологии и природопользования. Согласно В.В. Докучаеву: «…человек зонален во всех проявлениях своей жизни: обычаях, религии…» [7, с. 25]. Ключевую роль в развитии представлений о взаимоотношениях этноса и ландшафта, об этногенезе, пассионарности и пассионарных толчках сыграли труды Л.Н. Гумилева [4]. Значительный вклад в эту проблематику, в частности, в формирование понятийно-терминологического аппарата внесли также Р.В. Енгибарян, Ю.К. Краснов, А.Н. Ямсков и др. [8, 16].

Качественная оценка экосферы (и её подразделений) как среды обитания людей входит в круг задач междисциплинарных научных направлений. Однако, как справедливо отмечает Н.Н. Алексеева, «социо- и этнокультурные аспекты зачастую выводятся за скобки в геоэкологических исследованиях…» и в результате сужается её «междисциплинарное поле» [1, с. 6]. Таким образом, изучение гуманитарных аспектов в регионах с неоднородным по составу и происхождению населением приобретает всё большую актуальность.

Под этногенетической классификацией авторы подразумевают объединение административно-территориальных единиц по признаку преобладания в них определенных «групп населения». Для выделения таких групп использован наиболее общий термин «этнос», охватывающий все социально-этнические общности (в зависимости от ранга). Хотя в науке отсутствует единая точка зрения на его содержание и у разных исследователей преобладает лингвистическое, экономическое, культурное, либо даже политическое значение [8].

С учетом дефиниций, предложенных в работах [4, 8] будем понимать этнос как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, характеризующуюся единством языка, территории, происхождения,

культуры, быта и др. При этом, как отмечал Л.Н. Гумилев: «этнос – не арифметическая сумма человеко-единиц, а система» и степень устойчивости этноса определяется «среднестатистическим набором связей» внутри этой системы [4, с. 77].

Кавказ в целом, благодаря особенностям своего географического положения и заселения выделяется полиэтническим и полилингвистическим составом современного населения. Находясь между Европой и Азией, эта величественная горная страна порождала интересы многих народов в различные периоды исторического развития. Здесь оседали этносы многих расовых типов, языковых семей и вероисповеданий. Из 130 российских этносов только автохтонных на Северном Кавказе – 60 [3]. По некоторым оценкам с начала XX в. крупнейшими коренными этносами на Северном Кавказе остаются чеченцы (в разные годы – от 17% до 20%) и аварцы– от 13% до 15% [2].

Северо-Восточный Кавказ характеризуется значительным ландшафтным, биоценотическим и экосоциальным разнообразием. Согласно принципу Л.Н. Гумилева: «… монотонный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный – стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований» [4, с. 192].

Представители самых различных этносов испокон веков проживают во всех трех регионах Северо-Восточного Кавказа. Однако, если судить по этногенетическому составу населения, Чечня и Ингушетия – моноэтничный регион, а Дагестан – полиэтничный. Свыше 90% населения в двух западных регионах составляют, соответственно, чеченцы и ингуши. К национальным меньшинствам (от 0,96 до 0,01%) здесь относятся русские, ногайцы, кумыки, даргинцы, татары, турки, азербайджанцы и др. В Дагестане проживает не менее 30 народностей и поэтому здесь нет «титульного этноса» или «титульного языка», определяющих наименование региона [3]. Доля относительно крупных по численности этносов варьирует в пределах 10–29%. К ним отнесены аварцы, даргинцы, кумыки и лезгины. Небольшие по численности этногенетические группировки (1–5%) – русские, лакцы, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы, ногайцы, рутульцы, агулы. Среди наиболее малочисленных народов Дагестана – турки, ингуши, осетины, грузины, евреи, кабардинцы, украинцы и др. (табл. 1).

В Чечне, Ингушетии и Дагестане традиционно высокой остается рождаемость населения. Коэффициенты естественного прироста в период 1970–2012 гг. здесь превышали аналогичные показатели в соседних регионах и в 2012 г. достигли следующих значений: в Чечне – 20,7 (на 1000 человек населения), Ингушетии – 17,7 и Дагестане – 13,4 на фоне сохранения в целом по стране естественной убыли населения [6].

Другая этнодемографическая особенность регионов Северо-Восточного Кавказа – высокая плотность населения и преобладание сельского населения в общей численности. Особенно высока плотность населения в Ингушетии – 118,7 чел./км^2 (в среднем в РФ – 8,4 чел./км^2).

Значительную роль в расселении и образе жизни народов сыграл рельеф (горские народы, равнинные, приморские и др.). Свыше половины населения Чечни, Ингушетии и Дагестана проживает в сельской местности. Расселение весьма неравномерное. В Чечне наиболее густо заселена центральная часть, плотность населения местами достигает 220 чел./км^2 (Грозненский, Урус-Мартановский, Гудермесский, Курчалойский районы). В г. Грозном она составляет 908 чел./км^2. В Дагестане наибольшая часть населения сосредоточена в предгорной и равнинной частях, крайне малочислен север и высокогорье. Самая высокая плотность населения также отмечена в городах: Махачкала – 3679 чел./км^2, Хасавюрт – 3325 чел./км^2 и Каспийск – 3250 чел./км^2 (по состоянию на 01.01.2013 г.).

Вследствие высокого уровня безработицы (в Ингушетии – 48%; Чечне – 36%; Дагестане – 13%) в этих регионах сложилось отрицательное сальдо миграции, составив в 2012 г. в Дагестане – 23958, а в Чечне – 459. В равнинные зоны республик, а в Дагестане и приморскую направлен внутренний миграционный поток населения с целью трудоустройства.

Поскольку наиболее объективная информация о составе населения доступна именно на административно-территориальном уровне, этногенетическая типология проводилась нами с выделением типов районов. Всего с учетом явного доминирования одной этнической группы населения выделено 12 типов этногенетических районов (рис. 1). Районы с

Таблица 1

Этногенетический состав населения регионов Северо-Восточного Кавказа (в %)

	Дагестан		Чечня		Ингушетия	
1	Аварцы	29,21	чеченцы	95,08	ингуши	93,46
2	Даргинцы	16,85	русские	1,92	чеченцы	4,55
3	Кумыки	14,84	кумыки	0,96	русские	1,19
4	Лезгины	13,24	аварцы	0,38	турки	0,18
5	Лакцы	5,54	ногайцы	0,27	кумыки	0,03
6	Русские	3,57	табасараны	0,13	азербайджанцы	0,02
7	азербайджанцы	4,50	татары	0,12	грузины	0,02
8	Табасараны	4,08	турки	0,12	аварцы	0,02
9	Чеченцы	3,41	ингуши	0,10	осетины	0,02
10	Ногайцы	1,41	лезгины	0,10	украинцы	0,02
11	Агулы	1,0	украинцы	0,08	агулы	0,01
12	Рутульцы	1,0	казахи	0,07	даргинцы	0,01
13	Цахуры	0,32	даргинцы	0,06	евреи	0,01
14	Татары	0,18	азербайджанцы	0,05	кабардинцы	0,01
15	Украинцы	0,11	кабардинцы	0,04	казахи	0,01
16	Евреи	0,10	грузины	0,02	лезгины	0,01
17	Грузины	0,03	лакцы	0,02	лакцы	0,01
18	Осетины	0,03	осетины	0,02	ногайцы	0,01
19	Казахи	0,02	агулы	0,01	рутульцы	0,01
20	Ингуши	0,01	евреи	0,01	табасараны	0,01
21	Кабардинцы	0,01	рутульцы	0,01	татары	0,01
22	Турки	0,01	цахуры	0,01	цахуры	0,01
23	Другие	0,53	другие	0,42	другие	0,37

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: Росстат, 2012.

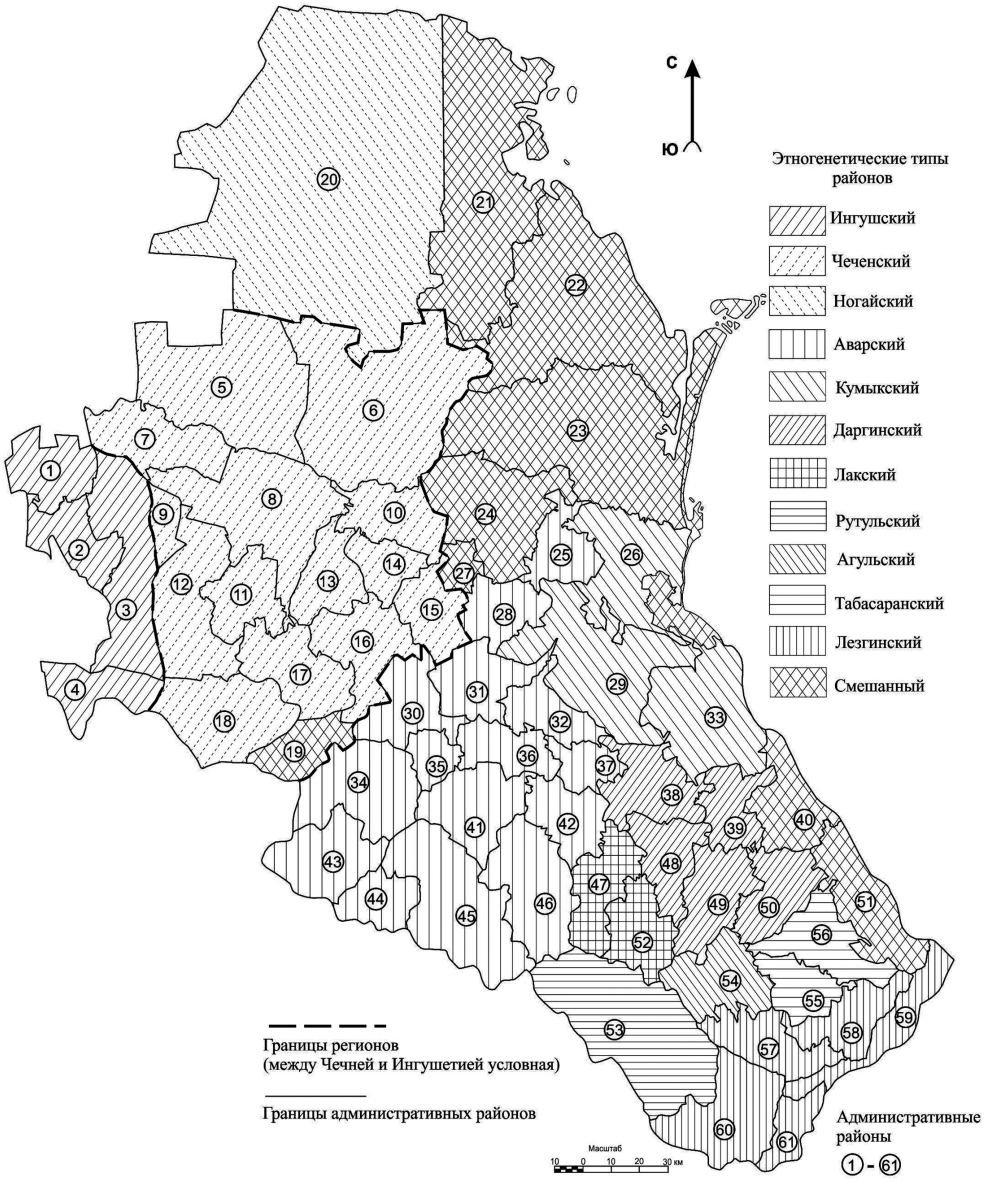
равновеликим присутствием нескольких этносов отнесены к смешанному типу. В Дагестане в эту группу вошли: Тарумовский (24% – даргинцы, 20% – русские, 36 – аварцы, 8% – ногайцы), Кизлярский (20% – даргинцы, 12% – русские, 47% – аварцы), Хасавюртовский (30% – кумыки, 31% – аварцы, 26 – чеченцы), Новолакский (27% – чеченцы, 21% – аварцы, 48% – лакцы) районы.

В Чечне одноименный этнос преобладает во всех районах за исключением высокогорного Шаройского района, граничащего с Дагестаном, который отнесен к смешанному типу. Здесь проживают преимущественно чеченцы (45%) и аварцы (55%). Исторически сложилось так, что в горах этносы старались жить компактно, решая наиболее серьезные вопросы на межэтническом совете старейшин. В определенной степени это помогало и в защите от внешних врагов [13].

Чеченцы и ингуши (два близко родственных народа – вайнахи) неоднократно объединялись в составе Чечено-Ингушской республики. До XV в. вайнахи обитали, главным образом, в горной части современных Алании, Чечни и Ингушетии, после этого они спустились на равнинные земли, образовав нахское царство Симсир. В начале I тыс. н.э. существовала Дурдзукия: страна горных нахов, обитавших в верховьях Терека, Аргуна, Сунжи, Ассы.

На равнине преобладают крупные населенные пункты с прямыми улицами, а в горах аулы, где часто один дом нависает над другим, либо крыша нижнего дома – двор или пол дома, расположенного выше. Выбор мест для горных поселений не был случайным, каждый клочок пригодных под посевы земельных участков здесь был и остается «на вес золота».

В горном Дагестане значительные ареалы занимают поселения аварцев, рутульцев, даргинцев, лезгинов. Древнейший город (столица) – Дербент. К аварскому этносу здесь отнесены 14 малочисленных народов: андийцы, ахвахцы, арчинцы, багулалы, ботлихцы и др., а к даргинцам – кайтагцы и кубачинцы. Горские евреи до середины XIX в. жили преимущественно на юге Дагестана.



Административные районы: 1- Малгобекский; 2 - Назрановский; 3 - Сунженский; 4 -Джейрайхский; 5 - Наурский; 6 - Шелковской; 7 - Надтеречный; 8 - Грозненский; 9 - Сунженский; 10 - Гудермесский; 11 - Урус-Мартановский; 12 - Ачхой-Мартановский; 13 - Шалинский; 14 - Курчалойский; 15 - Ножай-Юртовский; 16 - Веденский; 17 - Шатойский; 18 - Итум-Калинский; 19 - Шаройский; 20 - Ногайский; 21 - Тарумовский; 22 - Кизлярский; 23 - Бабаюртовский; 24 - Хасавюртовский; 25 - Кизилюртовский; 26 - Кумторкалинский; 27 - Новолакский; 28 - Казбековский; 29 - Буйнакский; 30 - Ботлихский; 31 - Гумбетовский; 32 - Унцукульский; 33 - Карабудахкентский; 34 - Цумадинский; 35 - Ахвахский; 36 - Хунзахский; 37 - Гергебильский; 38 - Левашинский; 39 - Сергокалинский; 40 - Каякентский; 41 - Шамильский; 42 - Гунибский; 43 - Цунтинский; 44 - Бежтинский участок; 45 - Тляратинский; 46 - Чародинский; 47 - Лакский; 48 - Акушинский; 49 - Дахадаевский; 50 - Кайтагский; 51 - Дербентский; 52 - Кулинский; 53 - Рутульский; 54 - Агульский; 55 - Хивский; 56 - Табасаранский; 57 - Курахский; 58 - Сулейман-Стальский; 59 - Магарамкентский; 60 - Ахтынский; 61 - Докузпаринский

Рис. 1. Этногенетическая классификация регионов Северо-Восточного Кавказа
Составила Х.Ш. Забураева (по данным органов государственной статистики)

Впоследствии их численность значительно сократилась. В настоящее время они в основном проживают в городах – Дербенте, Хасавюрте, Махачкале, Кизляре и Каспийске. Иногда к горским евреям причисляют горных тат, которые проживают в южной части Дагестана.

В отличие от горных районов для наиболее густонаселенных равнинных (предгорных) территорий Северо-Восточного Кавказа характерен смешанный этнический состав населения. Так, в центральных (предгорных) и северных (полупустынных) районах Чечни наряду с чеченцами проживают русские

(3,8–5%), кумыки (2,8–4%), ногайцы (5–7%), турки (1–3%) и др. Предгорные районы Ингушетии заселены чеченцами (5–20%), русскими (1–3%), турками (0,5–2%) и др.

В северных районах преобладают ногайцы, ареал расселения которых простирается также на территории Чечни (Шелковской, Наурский районы) и Ставропольского края. В пределах Дагестана ногайцы также преимущественно занимают Терско-Кумскую низменность, где преобладает песчано-степная растительность, а на севере – зона полупустынь. В предгорном Новолакском и Хасавюртовском районах издавна компактно проживают чеченцы-аккинцы.

По хозяйственной деятельности население Северо-Восточного Кавказа относится к числу агроориентированных. Важнейшие отрасли сельского хозяйства – растениеводство и животноводство. Исторически сложившийся уклад жизни населения горных районов предопределил развитие здесь животноводства. Наиболее активно им заняты в Дагестане, что обусловлено богатыми летними пастбищами в горной части и обширными зимними пастбищами на равнинах. До 1990-х гг. в северной части Чечни интенсивно было развито грубошерстное овцеводство. Население горных районов здесь предпочитает овощеводство и садоводство.

Дельта р. Терека – основной район земледелия и птицеводства в равнинной части Северо-Восточного Кавказа. В структуре посевных площадей значительная доля здесь приходится на зерновые культуры. Население северных районов Чечни и Дагестана занято также бахчеводством и виноградарством. Первые виноградники здесь появились еще в середине XVIII в.

Религия всегда играла существенную роль в общественно-политической, духовно-нравственной и семейно-бытовой сферах жизни этносов Северо-Восточного Кавказа. Со временем вторжения народов обусловили распространение и смену религиозных верований: иудаизма (таты, горские евреи), христианства (осетины), мусульманства (аварцы, даргинцы, чеченцы, ингуши и др.). С VIII в. здесь распространился ислам, который проник сначала на территорию Дагестана (VIII–IX вв.), а в Чечню и Ингушетию тысячу лет спустя – в XVIII–XIX вв. В настоящее время ислам исповедует свыше 90% населения Дагестана и около 99% в Чечне и Ингушетии. Около 5% населения Дагестана исповедуют христианство и иудаизм.

Мощный фактор, объединяющий народы Кавказа – русский язык, который во всех регионах имеет статус государственного и содействует межэтническим связям. Отсутствие языкового барьера позволяет народам обмениваться опытом культурно-нравственного и духовного развития, прежде всего, в сфере образования. По языковой принадлежности этносы Северо-Восточного Кавказа относятся к четырем языковым семьям: иберийско-кавказской, вайнахско-дагестанской, тюркской и индоевропейской (индоиранская подветвь) [14].

Иберийско-кавказская языковая семья включает ряд групп языков народов, населяющих Кавказ, в т. ч. чеченский, ингушский, аварский, даргинский, лезгинский, лакский, абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский, грузинский и др. языки. Дагестан – многоязычный и поликультурный регион, здесь нет так называемой «титульной» нации, 14 языков объявлены государственными. Аварцы, даргинцы, лакцы и ряд более малочисленных относятся к двум генетическим родственным языковым подгруппам. Предположительно с IX в. говорят на аджаме (арабо-персидском лексиконе). До 1928 г. существовала арабская графика/письменность, в период 1928–1938 гг. – латиница, а с 1938 г. – кириллица. В современных языках много заимствований из арабского, персидского, тюркского и русского языков.

На Северо-Восточном Кавказе доминирует вайнахско-дагестанская группа языков, включающая следующие подгруппы:

- Вайнахскую (чеченцы, ингуши);
- Лакско-даргинскую (даргинцы, лакцы, кубачинцы);
- Аваро-андо-цезскую (аварцы, андийцы);
- Лезгинскую (лезгины, табасараны, агулы, рутульцы, цахуры).

Чечня и Ингушетия отличаются абсолютным доминированием одного языка, представленного различными диалектами. В Чечне известно 7 диалектов: аккинский, итум-калинский, чеберлоевский, алхинский, галанчожский, плоскостной (последний стал основой литературного чеченского языка).

Значительно меньше распространены здесь народы тюркской группы (кумыки, ногайцы, турки), подразделяющиеся на две подгруппы: Кыпчакско-половецкую (кумыки) и Кыпчакско-ногайскую (ногайцы).

Кумыкские диалекты включают хасавюртовский и буйнакский. Отличается от них кайтагский диалект, близкий к даргинскому. К индо-иранской языковой ветви отнесены осетины и таты (джухур, горские евреи). Диалекты даргинского языка: акушинский, урахинский, цудахарский, кайтагский, кубачинский, муиринский, сирхянский и др. На основе акушинского диалекта с 1930-х годов сложился литературный язык.

Шамильский и Гунибский районы помимо соседства объединяет преобладание в них аварцев. В Хивском и Табасаранском районах 61% и 79% населения, соответственно, составляют табасараны. Лакцы близки к даргинцам и аварцам не только по языку, но и географическому расположению районов.

Народы Кавказа уникальны по своей древней культуре и традициям. На фоне других северо-кавказских регионов наиболее высокоразвитым по масштабам и ассортименту производства самобытных товаров был и остается Дагестан. С давних пор здесь население занималось различными ремеслами, в т. ч. изготовлением домашней утвари, орудий труда, бурок, паласов, ковров, гончарных и ювелирных изделий, холодного и огнестрельного оружия и т.д. Ювелирные изделия кубачинских мастеров, изделия лезгинских ковровщиц и унцукульских мастеров известны далеко за пределами Дагестана. Многие ремесла сохранились до наших дней, преимущественно в горных районах. Знания о них передаются из поколения в поколение [11, 12].

Соседство с этим крупным регионом промыслового искусства сказалось на хозяйстве и быте народов Чечни и Ингушетии. В настоящее время эти ремесла сохранились в основном в предгорных и горных селениях – Урус-Мартан, Старые Атаги, Курчалой, Шатой, Белгатой, Дарго, Джугурты и др. [15]. Сохранились остатки культовых сооружений.

Многие из нравственно-этических норм народов Кавказа воплотились в обычаи гостеприимства и добровольной обязанности принимать гостей независимо от их этнической или конфессиональной принадлежности. Исторически сложившиеся этностереотипы передаются из поколения в поколение, например, традиция уступать гостю лучшее место в доме и угощать самыми излюбленными блюдами. До наших дней здесь сильны традиции доисламских горских законов (правил, традиций, обычаев), морали, норм поведения, образа жизни, включая гостеприимство, справедливость, равенство, братство и др.

Таким образом, издавна Северо-Восточный Кавказ населяют десятки этносов, сохранивших уникальные традиции и культурно-нравственный облик. Полиэтничный Дагестан, моноэтничные Чечня и Ингушетия – не просто географические соседи. Обладая общими чертами исторического развития в прошлом, их этносы издавна связывали сотрудничество в экономике, торговле, культурной сфере, которое продолжается и в настоящее время. Представленная в настоящей статье этногенетическая классификация районов в дальнейшем может быть использована для более глубоких теоретических построений и управления социоэкосистемными процессами в регионах Кавказа.

Библиографический список

1. Алексеева Н.Н. Этнокультурные аспекты геоэкологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2010. – №3. – С. 6–10.
2. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Особенности демографического развития крупнейших этносов Северного Кавказа // Устойчивое развитие горных территорий. – 2010. – №4 (6). – С. 35–40.
3. Гамзатов Г.Г. Многонациональный регион: факторы межэтнического напряжения и согласия // Вестник ВЭГУ. – 2009. – №3 (41). – С. 4–14.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 528 с.
5. Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные записки. – Смоленск: Изд-во Ойкумена, 2012. – 384 с.
6. Демографический ежегодник России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 543 с.
7. Докучаев В.В. О почвенных зонах вообще и вертикальных зонах в особенности // Учение о зонах природы. – М.: Географгиз, 1948. – С. 20–30.
8. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Этнос в современном мире // Право и управление. XXI в. – 2008. – №2(7). – С. 3–8.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: Росстат, 2012.
10. Ковалевский С.А. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия // Известия Всесоюзного географического общества. – 1953. – №1. – С. 31–47.

11. Магомедов А.Д. Этнолингвистические аспекты изучения народных промыслов и ремесел Дагестана // Вестник института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2013. – № 3. – С. 34–51.
12. Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.
13. Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. – Грозный: Книга, 1992. – 208 с.
14. Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. – М.: Academia, 2000. – 656 с.
15. Шавлаева Т.М. К истории изучения народных промыслов чеченцев // Вестник ВЭГУ. – 2012. – №1 (57). – С. 129–135.
16. Ямсков А.Н. Идеи Л.Н. Гумилева о взаимоотношениях этносов и ландшафтов и развитие понятийно-терминологического аппарата отечественной этноэкологии // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. Ред. Чистобаев А.И. и др. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2012. – С. 16–20.

Карлова Е.В., Харченко С.В. (Москва)

О СВЯЗИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ ГОРОДСКИХ ВЕРНАКУЛЯРНЫХ РАЙОНОВ С ПРИРОДНЫМИ РУБЕЖАМИ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)

Karlova E.V., Kharchenko S.V.

ON RELATIONS OF GEOGRAPHICAL BOUNDARIES OF THE URBAN VERNACULAR REGIONS AND NATURAL BARRIERS (CASE STUDY OF BIG CITIES OF THE CENTRAL RUSSIA)

Аннотация. *В статье апробируется методика общественно-географического изучения вернакулярного районирования — контент-анализ частных рекламных объявлений в сфере недвижимости, на примере крупных городов Центральной России (Белгород, Орёл и Курск). Установлена связь географических границ городских вернакулярных районов с физико-географическими преградами орографического и гидрографического характера.*

Abstract. *In this article we put into practice the method of socio-geographical study of vernacular zoning – the content analysis of private real estate advertisement – using the example of big cities of the Central Russia (Belgorod, Oryol and Kursk). The correlation between geographical boundaries of common intraurban zones and relief- and water-based physical geographical barriers has been confirmed.*

Ключевые слова: *территориальная идентичность населения, городской вернакулярный район, внутригородское сообщество, хороним вернакулярного района, эффект престижности на рынке городской недвижимости, метод контент-анализа, рельеф и водотоки в городе.*

Key words: *population spatial self-identity, urban vernacular region, neighborhoods, vernacular region toponym, prestige effect on the real estate market, content-analysis method, relief and rivers in a city.*

Введение. Термин «вернакулярный район» в современных географических и социально-гуманитарных науках используется в различном понимании, однако общей всегда является его причастность к концепции территориальной идентичности человека или общности людей. Единой и междисциплинарной теории территориальной идентичности населения к настоящему времени не выработано. Отметим следующее различение в понимании территориальной идентичности населения, проекция которой открывает важные логические основания в сущности феномена вернакулярного районирования. Предполагается выделение двух подходов к интерпретации территориальной идентичности. Первый – «идентичность территории», подразумевает индивидуализированные чувства, эмоции, переживания и представления человека о географическом пространстве. Второе направление, рассматривающее «идентичность территориальной общности людей», в географической науке менее разработано, поскольку более тяготеет к социологическому знанию. Территориальная идентичность в этом случае является видом коллективной идентичности, т.е. идентичности между людьми, проживающими на определенной географическом пространстве [8]. Отметим релятивную природу проведенной

границы между исследовательскими подходами, поскольку многие понятия, к которым относится и вернакулярный район, сложно интерпретируются с требуемой точностью. Проецируя это различение на понимание вернакулярного района, заметим, что он может интерпретироваться в научной литературе как общепризнанный народный район, характерный в восприятии всего местного сообщества, и также как ментальный район, свойственный пространственной перцепции отдельного взятого члена сообщества.

Изучение вернакулярных районов (именуемых также «обыденными», «образными», «народными», «перцепционными», «фольклорными», «неформальными», «ментальными», «местными», «будничными», «когнитивными») в отечественной географии связано с зарубежными исследовательскими практиками. Исследованием вернакулярных районов в отечественной науке занимались Л.В. Смирнягин, С.Г. Павлюк, К.А. Пузанов, М.В. Рагулина, О.А. Лавренова, М.П. Крылов, А.А. Гриценко, Н.Ю. Замятина, Д.Н. Замятин, А.А. Ткаченко, Н.М. Межевич, Р.Ф. Туровский, В.Н. Калуцков, А.А. Высоковский, О.И. Вендина, И.И. Митин, Н.Л. Мосиенко, И.С. Самошкина, А.А. Мирошниченко, С.Г. Казаков, С.А. Фрейдлин и другие ученые. Вовлечение отечественных исследователей к изучению проблем в этой области науки свидетельствует о вхождении термина и понятия в общенаучный оборот как устоявшихся.

Начальный этап: опыт зарубежных исследований вернакулярных районов и ментальных представлений человека/общности о пространстве

Становление в англо-саксонской географии гуманитарных исследований, ориентированных на изучение отношения человека или группы людей к окружающей среде, в том числе и к географическому пространству, подробно описано в книге Дж. Голда «Психология и география: основы поведенческой географии» [1]. Книга К. Линча «Образ города» в настоящее время также остается знаковой для этого направления научных исследований [10]. К. Линч среди многообразия образов города (окружения) проводил типологизацию их и выделял пять элементов: пути, границы или края, узлы, ориентиры и собственно районы. Под последними автор понимал выделение горожанами частей города, средних по величине, обладающих общим, распознаваемым характером. Автор подчеркивает, что именно пути и районы являются доминантными элементами упорядочивания образа города. В дальнейшем его пятичленная типология мысленных представлений о городе неоднократно проверялась другими исследователями и в некоторых случаях подвергалась сомнению [28, 33, 40]. В книге «Смерть и жизнь больших американских городов» [3] под авторством Дж. Джекобс используется выражение «городская/ уличная округа», в нашем понимании более относящееся к городскому/ уличному сообществу, нежели к городскому/ уличному району. Отдельным направлением выделяется изучение ментальных карт («mental map», «cognitive map») и возможных способов ментального картографирования. Впервые когнитивные карты были составлены Э. Толманом [42], под ними автор понимал психологическую деятельность человека, при помощи которой он хранит и обрабатывает важную для него пространственную информацию, перенесённую на реальную географическую картографическую основу.

В 1970–1990 гг. в американской географии над региональным концептом начинает доминировать концепт «места/местности». Это направление развивали Дж. Агнью [23], Э. Рельф [38], И-Фу Туан [43; 44] и многие другие ученые.

Далее, имел место переход от описанного ранее направления к исследованиям именно вернакулярных районов. Начальным этапом их изучения в англо-американской традиции выступают работы: Р. Хейл [29] и У. Зелинского [45, 46], а также Дж. Броунелла [25], Дж. Ш. Ридома [37], Дж. Гудома [27], Т. Джордана [32], Дж. Шортриджа [41] и других. В настоящее время в рамках этого понимания проводятся аналогичные исследования не только в США [24], но и в других странах мира, например в Англии [26]. В последнее время наблюдается резкое снижение количества работ по тематике вернакулярного районирования в зарубежной географической науке после 1980–1990 гг., которое связывают с различного рода причинами. Главная из них кроется в исчерпании классических методов географической науки при изучении подобных явлений, в то время как представители социальных и гуманитарных наук значительно продвинулись в исследованиях этой стороны жизни социума.

Помимо англо-американского направления изучения вернакулярных районов, отметим и немецкую традицию 1980–1990 гг., основанную на работах Г. Харда [30], Х. Поппа, Б. Бутциля, Г. Хайнритца и других. Большая их часть сконцентрирована на проблеме выявления «регионов сознания» («Bewusstseinsräume»). В.Н. Стрелецкий, проводя сравнение «регионов сознания» с американскими «вернакулярными районами», отмечает меньшую устойчивость немецких районов/регионов в сравнении с укорененными в народной культуре вернакулярными районами [19]. В настоящее время в немецкой географии выделяется отдельное научное направление по изучению территориальной (пространственной) идентичности («Regionbezogene Identifikation») и пространственных представлений населения на европейском уровне [31].

Исследования вернакулярных районов в отечественной общественной географии

Выделим три направления изучения вернакулярного районирования в отечественной общественной географии: первая группа работ выполнена под научным руководством Л.В. Смирнягина (МГУ) и его учеников (С.Г. Павлюк, К.А. Пузанов и другие). Другое направление разработано в исследованиях Н.Ю. Замятиной в рамках когнитивной (гуманитарной) географии (МГУ, НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва). Ещё одна группа сформировалась вокруг исследований региональной идентичности и неформальных регионов М.П. Крылова (ИГ РАН) и его ученика А.А. Гриценко. Главной отличительной чертой исследований вернакулярных районов отечественной науки от англо-саксонской традиции является их понимание как проявлений территориальной самоорганизации населения, выражающейся, по нашему мнению, в повседневных рутинных пространственных практиках.

О роли топонимики в существовании вернакулярных районов. Опираясь на различение подходов к пониманию территориальной идентичности, обратимся к ее проекции на теоретические основы вернакулярного района. Вернакулярные районы в случае существования их в «представлениях» людей могут научным образом интерпретироваться как концепт «район–хороним». В понимании «идентичности территориальной общности людей» вернакулярный район описывается концептом «район–сообщество». Концепт «район–хороним» представляется в виде топонимической основы самоназвания местного населения. Под хоронимом понимается исключительно специальный класс топонима, используемый для обозначения названий городских вернакулярных районов. При этом опираемся на теоретические работы по ономастической терминологии: «городской хороним – вид хоронима и вид урбанонима; собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка, кладбища, например, Зарядье, Петроградская сторона, Васильевский остров [15, с. 160]». В микротопонимике города, помимо классов урбанонимов, отдельно выделяются топонимы на основании структурообразующих элементов (планарные, линейные и точечные): «К планарным наименованиям относятся названия районов, поселков, микрорайонов, условно вычленяемых участков городской территории» [18, с. 54]. Очевидно, автор под условно вычленяемыми участками городской территории подразумевает именно вернакулярные районы.

Наличие неформального (локального, местного, неофициального, альтернативного) хоронима, говорит об осмыслении человеком городского пространства. Именно при помощи названия района люди понимают друг друга в процессе коммуникации на тему пространственной дифференциации города. Хороним указывает на наличие локального уровня территориальной идентичности населения, что свидетельствует о присутствии горожанина в географическом пространстве. В этой связи С.Г. Павлюк выдвигает следующее положение: «локальную топонимику можно одновременно рассматривать и как форму перехода общества от пространственной самоидентификации к пространственной самоорганизации, и как индикатор этого процесса [14, с. 47]».

Данную мысль можно продолжить, исходя из понимания «топоса», сформированного в культурной географии и культурологии. В этнокультурном ландшафтоведении В.Н. Калуцковым разработана топологическая теория культурного ландшафта: «это пространственно-территориальная организация совокупности всей жизнедеятельности (местного) сообщества на «своей» земле, территории [6, с. 146]».

Согласно указанной теории, «топос» – это местоназвание, т.е. результат сложения «топонима» и «места», т.е. локализованный топоним, и даже «именное угодье». «Место» в этой интерпретации выступает материальной составляющей «топоса», специфика которого находит своё отражение в топонимике, например, часто встречающийся внутригородской вернакулярный район «Заречье. При сравнении «топоса» и «хоронима» отметим, что любой «топос» является хоронимом, но не всякий «хороним» представляется «топосом».

Несомненно, рельеф вносит большой вклад в оформление топонимической номенклатуры городов, но зависимости между сложностью рельефа и распространенностью геоморфологически обусловленных топонимов на макроуровне не наблюдается, по крайней мере, для изученных крупных городов Черноземья [22, с. 68]. Связано это с тем, что вес геоморфологического фактора менее значителен, чем таких, например, факторов, как особенности исторического развития территории, давление господствующей идеологии и характер управления. Проявление исторической традиции украинского культурного градиента [2] выявлено во внутригородской неформальной топонимической окраске г. Белгород.

О роли природных барьеров в формировании территориальной идентичности и вернакулярных районов. Практически отсутствуют работы, посвященные влиянию природных барьеров на географические границы вернакулярных районов для разных уровней их организации. В основополагающей работе по культурной географии Северной Америки У. Зелинский проводит географические границы «будничных районов» плавными линиями, не сводимыми к крупным природным преградам [45]. Подобные районы не являются пространством жизнедеятельности отдельно человека. Поэтому природные рубежи, ограничивающие и направляющие повседневные перемещения населения, не выступают первостепенными при выделении районов такого масштаба.

Противоположный пример приводит Р.Ф. Туровский, утверждая, что «для региональной идентичности свойственна привязка к крупным географическим ареалам». Такой тип самоидентификации автор называет «физико-географическим» и отмечает, что районы, выделенные по этим основаниям, «привязываются к физико-географическим объектам или сторонам света, например: Север, Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток [20]».

По другим основаниям происходит выделение вернакулярных районов локального уровня: они являются продуктом многолетнего опыта проживания людей в ландшафте, это результат их жизнедеятельности. Учитывая большие масштабы и протяженность природных объектов в городе, они оказывают на каждодневную географию деятельности отдельного человека влияние порой не меньшее, чем точечные или мелкоареальные антропогенные преграды – здания, огороженные участки в частной собственности, режимные территории. Пространственная неоднородность природы выражается либо в наличии плавных градиентов, либо в принципиальной смене физико-географических обстановок. Для одного и того же природного образования при изменении масштаба рассмотрения один тип переходов к соседнему объекту (плавный) может сменяться другим (резким) и наоборот. Среди всех видов преград в городах наиболее резки и заметны объекты гидрографии, а в особенности реки. Помимо них, важную роль играет и рельеф, формируя так называемые «бассейны видимости», границами которых во многих случаях и очерчивается площадь жизненного пространства конкретного индивида. Таким образом, пространство его жизни – это не только траектории перемещения, но и буферные зоны разной ширины в зависимости от расчлененности природного (например, холмисто-эрозионная равнина) или антропогенного («архитектурный рельеф» строений) рельефа. Именно объекты гидрографии и элементы топографии территории во многих случаях обеспечивают не плавный градиент характеристик среды, а принципиальную смену ландшафта. Более того, определяя планировку городов, орогидрографическое устройство территории оказывает тем самым еще и косвенное влияние на пространство жизнедеятельности людей.

Природные границы могут находить своё отражение в границах ментальных, поэтому нам представляется важной попытка сравнения этих рисунков. Пример г. Курска иллюстрирует место рельефа и водотоков в истории формирования современного верна-

кулярного членения города. Прокурор Курского наместничества С. Ларионов отмечал зачатки геоморфологических оснований деления города на районы: «городская часть отделена [ручьем] Куром от Закурной, рекою Тускарь от Стрелецкой и от севера двумя превеликими буераками, простирающимися первый до реки Тускари, а второй до речки Кура, и рвом, назначенным в окружность города, который тех буераков вершины соединяет. Закурная отделяется речкою Куром от городской части, Тускарью от Стрелецкой слободы, буераком от Казачьей и от полуденной стороны валом, назначенным в окружность города, который, начинаясь от реки Тускари, входит в вершину сего буерака [9, с. 37]». В контексте нашей работы важным выступает и наблюдение В. Москвитина, отмечавшего сословный характер гипсометрической дифференциации застройки Курска, сложившейся к XIX веку: «на возвышенностях холмов располагались кварталы богачей, дворян, помещиков, купцов, магазины и склады, банки и торговые ряды. Внизу, на окраинах, царила непролазная грязь [13]». Описанные территории в Курске в настоящее время принадлежат к разным вернакулярным районам.

Природная обусловленность границ личного пространства жизнедеятельности горожан рассмотрена в исследовании В.А. Караваева [7] на примере юго-запада Москвы, где автор отмечает зависимость границ вернакулярных районов («городских местностей») от геоморфологических границ – гребней и тальвегов. «Городские местности» были выделены им по результатам опроса более чем тысячи респондентов. В 2004 г. темой «Иркутского геоморфологического семинара» объявляется «рельеф и человек» [17]. В сборнике материалов можно найти немало работ, посвященных восприятию рельефа человеком, в основном – в эстетическом аспекте.

Кроме эстетической ценности ландшафтов со сложным рельефом, географы должны исследовать механизмы восприятия ландшафта в целом. Работ, посвященных этой проблеме, крайне мало – как в отечественных журналах, так и в зарубежных изданиях. Об этом же пишет в своей диссертации Дж. Манн из университета Восточной Каролины [34]. Она отмечает, что в очень небольшом количестве работ рассматривается то, как элементы или особенности физико-географической среды становятся идентификаторами для выделения вернакулярных районов. Диссертация посвящена изучению влияния природных особенностей побережий на формирование дробной вернакулярной структуры. Дж. Манн все-таки называет две работы, которые, по ее мнению, показательны. Первая статья написана математиком Г. Райсом и геоморфологом М. Урбаном и опубликована в «Journal of Cultural Geography» в 2006 г. Она посвящена изучению распространенности «от-гидрографических» названий фирм и организаций в городах по берегам Миссисипи и Миссури [39]. Вторая работа [35] описывает историю успешной самоорганизации населения ряда городов, расположенных на реке Нью-Ривер в Аппалачах в штатах Северная Каролина, Вирджиния и Западная Вирджиния. Обе статьи посвящены скорее «объединяющему» воздействию рек.

В изучении вернакулярных районов в городе существует опыт их привязки к разным типам дифференциаций городского пространства. В частности, существуют описания взаимосвязи ментальной (через выделение вернакулярных районов) и рельефно-планировочной дифференциаций городской среды. При этом, под последней понимается роль природно-климатических параметров, в первую очередь рельефа города, в ментальном членении [11]. Однако исследования подобного рода базировались на качественных (нестатистических) наблюдениях членов экспедиции и представителей городского сообщества.

Методика исследования. В процедуре следует выделить три крупных самостоятельных блока. Первый – определение географических границ вернакулярных районов; второй – унификация природных границ, «приведение их к общему знаменателю»; третий – проведение соответствия между ними.

Блок 1. Для выявления и изучения особенностей внутригородских вернакулярных районов используются массовые социологические опросы населения, интервьюирование местных экспертов-краеведов и членов локальных сообществ, дешифрирование информации интерактивных картографических веб-сервисов (типа Wikimapia и пр.). В этом исследовании использовался контент-анализ средств массовой информации, касающихся

рынка недвижимости. Отчасти этот метод уже применялся в общественно-географических исследованиях миграций молодежи [4].

Подготовительный этап исследования включал определение программы анализа материалов. Выбран тип источника – рекламно-информационная газета и интернет-портал «Моя реклама», еженедельно публикующие частные объявления в девяти областных центрах России (города Белгород, Брянск, Воронеж, Калуга, Курск, Липецк, Орёл, Смоленск и Тула) и в г. Гомель Республики Белоруссия [5]. Для исследования выбраны три крупных города: Белгород, Орёл и Курск. В качестве смысловых единиц для контент-анализа выбраны хоронимы вернакулярных и административных районов городов. Создан регистр районов, в который заносилась информация о каждой анализируемой единице совокупности: название района, адрес, тип предложения (продажа, аренда и др.), стоимость сделки, дата публикации объявления и др. Отбор информации, относящейся к вернакулярным районам, происходил, исходя из наличия в объявлении слова «район». Положительным не считался случай, когда для определения местоположения недвижимости автор употреблял городские ориентиры, даже при условии существования подобного района. Использование вернакулярных районов в частных объявлениях позволяет их авторам более точно описать географическое положение места, так как административный район является мелкомасштабным, а конкретный адрес – крупномасштабным описанием. Авторы объявлений указывают узнаваемые (общепризнанные) районы города, известные широкому числу горожан. В большей части объявлений с употреблением вернакулярного района точный адрес отсутствует.

Количество пар значений «адрес–район» в собранной нами базе для Белгорода исчисляется тысячами, что позволяет считать все последующие построения приближенными к действительной ситуации. Поэтому именно этот город был взят за территориальный полигон исследования для установления связи географических границ вернакулярных районов с природными рубежами. Плюсом методики является наличие материала в открытом доступе и простота его получения в сравнении с качественными и количественными социологическими методами.

Упрощенно процедуру сбора и пространственной привязки информации о вернакулярных районах можно представить в виде двух пунктов:

1. Ручное составление табличного реестра «адрес – район» при просмотре страниц объявлений. При этом возможна полуавтоматическая выгрузка страниц сайта с последующей обработкой и приведением к тому же самому виду – табличному реестру.
2. Привязка информации о районах по адресам к конкретным зданиям в ГИС.

Сложно преодолимая проблема заключалась в проведении географических границ вернакулярных районов на картосхеме. Не претендуя на единственно верное решение, авторами предпринята попытка определить наиболее вероятное положение географических границ, отталкиваясь от географической привязки исходной информации и допуская прочие факторы равнодействующими. Географические границы проводятся на основе объективных данных и субъективно-личностный элемент в их «отрисовке» минимизирован. Вокруг каждого строения, для которого имеется «районная» привязка, есть некая окрестность, каждая точка которой ближе именно к этому строению, чем к другим. Если оконтурить эти участки, то получится мозаика своеобразных «сфер доступности» зданий. Такие полигоны для каждого из зданий представляют «полигоны Вороного». Оконтуривание примерных географических границ районов проводилось при помощи ГИС, имеющих функционал автоматизированного построения полигонов. Соединение таких «сфер» для зданий одного района дает нам примерный рисунок границ этого района. Естественно предположить, что полученные расчетами линии могут выражать либо четкие линейные границы, либо представлять собой скелет полос переходных зон. Принципиальной важности в контексте цели работы это не имеет. Важна лишь морфология границ и степень сходства с морфологией природных рубежей.

Блок 2. Считаем природными рубежами водотоки, а также вытянутые ареалы – участки крутых склонов, которые на практике также почти непроходимы. Нужно понимать, что склоны разной крутизны по-разному дробят городское пространство: так, склоны крутизной больше 6° обычно не осваиваются

многоэтажной застройкой. Естественно, что две субгоризонтальные поверхности под застройкой на разных гипсометрических уровнях, будучи соединенными незастроенной поверхностью уступа, могут восприниматься как отдельные структуры, пусть даже они и представляют собой единый архитектурный ансамбль. Склоны с крутизной от 20° ограничивают постройку и эксплуатацию автодорог, даже гораздо более пологие склоны затрудняют движение крупных автобусов и трамваев. Начиная с крутизны около 40°, по склону трудно перемещаться пешеходу без помощи рук.

Блок 3. Представим случай, когда географические границы вернакулярных районов целиком обусловлены лишь природными рубежами. В этом случае обособленные природными границами участки территории должны в максимальной степени совпасть с ареалами вернакулярных районов. Очевидно, что степень отклонения от такой идеальной модели отразит и степень независимости ментальных границ от природных барьеров. Для определения соотношения географических границ вернакулярного района и основных форм рельефа необходимо рассчитать его распределение по самостоятельным природным выделам. Такое распределение покажет степень зависимости в размещении района: чем больше границы природные и вернакулярные будут идентичны, тем более зависимы вторые от первых. Помимо этого, необходимо оценить геоморфологическое положение не только всей площади очерченного вернакулярного района, но и его ядра – как правило, местности с большой плотностью опорных точек.

Результаты и их обсуждение. Учитывая разнородность данных, которые удалось получить из исследуемой газеты, опишем опыт анализа различных категорий. Полнота и содержание данных из газеты о вернакулярных районах в разных городах оказались очень разными. Причины этому следует искать в традиции подачи объявления, которые формулируются преимущественно по образцу более ранних выпусков газеты. Итак, проведен анализ вернакулярных районов по следующим аспектам:

- оценка выраженности вернакулярных районов в массе объявлений о купле-продаже-аренде недвижимости в г. Орёл и некоторые сопутствующие эффекты;
- описание эффекта замещения функций административных округов г. Белгорода (слабо обусловленных свойствами физического пространства) его вернакулярными районами;
- и наконец, главная проблема – автоматизированное построение предположительных границ вернакулярных районов и их соотношение с природными рубежами в г. Белгорода.

Коэффициент выраженности вернакулярных районов для г. Орёл. Количественно-качественная обработка данных сформированного нами реестра происходила по формуле, разработанной социологом А.Н. Алексеевым [12] для оценки «удельного веса» смысловых категорий в общем объеме текста:

$$У_{КС} = \frac{К_{ГЛ} + К_{ВТ}}{\sum(2 \cdot К_{ГЛ} + К_{ВТ})} \cdot 100\% ,$$

где $У_{кс}$ – «удельный вес» наименований вернакулярных (ВР) или административных районов (АР) в общей массе названий районов в объявлениях газеты; $К_{гл}$ – число случаев, когда смысловая единица (ВР или АР) оказалась главной; $К_{вт}$ – число случаев, когда та же единица (ВР или АР) оказывается второстепенной.

Объявления с указанием только вернакулярных или только административных районов считается случаем, когда смысловая единица оказывается главной. Число случаев, когда та же единица оказалась второстепенной – это число объявлений, где одновременно зафиксирован вернакулярный и административный районы, при условии, что вернакулярный район имел второстепенное значение и наоборот.

Осуществив расчеты по указанной формуле для периода 16.07.2012–19.08.2012, «удельный вес» встречаемости хоронимов административных районов (81,6769%) в сравнении со смысловой значимостью хоронимов вернакулярных районов (18,3231%) в 4,46 раза больше. Схожая тенденция для г. Орёл наблюдается и для других временных отрезков после 2000-х гг.

Вернакулярный район используется в целях более точной привязки географического места к «мысленной» карте города.

Посредством этой ментальной карты обычному горожанину достаточно представлять себе расположение неформальных районов, а не иметь в голове точную карту города с нумерацией домов. Этот факт и подтверждает положение о связи вернакулярного районирования с территориальной самоорганизацией общества. В этой связи рассмотрение текстов частных объявлений в СМИ нами используется как один из способов получения данных о наличии вернакулярных районов, уточнения их географических границ и модуса выраженности, а также косвенных свидетельств о престижности городского пространства. Утверждать, что подобный способ даст точные представления о престижности городской среды, сложно, если учесть основы нормативной теории принятия решений человеком. Исходя из концепции «экономического человека», он желает получить максимальную прибыль от географического расположения недвижимости, географические границы центра города по результатам контент-анализ для г. Орёл значительно отличаются от географических границ, выявленных на основании социологических опросов, проведённых одним из авторов в 2009–2010 гг.

Для информационного поля анализируемой сферы в г. Орёл установлены следующие эффекты:

1) «Расширение» географических границ вернакулярного района «Центр», происходящее под действием фактора «престижности городской среды». Помимо значения «центр города», часто встречается употребление слова «центр» для административных районов. Также зафиксированы «центры» многих вернакулярных районов (например, район «Центр Микрорайона»). Подобный случай подтверждает выраженность в сознании горожан самого вернакулярного района. По народной топонимике места с учетом позитивного или негативного окраса топонима можно судить об отношении жителей города к этому месту. Зачастую сформированный в прошлом или действующий стереотип «непрестижных» адресов/районов в настоящее время может не отражать реально сложившихся условий среды проживания. Во избежание материальных потерь человек умеренно не фиксирует район расположения недвижимости или указывает соседний более престижный вернакулярный район (например, район «Бетонка» заменяется соседним районом «Южный»). Подобная закономерность особенно прослеживается среди дорогостоящих предложений — объявлений в разделе продаж трехкомнатных и многокомнатных квартир.

2) Сезонная ритмика географических границ вернакулярных районов. Этот эффект наибольшим образом прослеживается в вернакулярных районах, отражающих в своем хорониме названия высших учебных заведений или районов, в котором они располагаются. Географические границы таких вернакулярных районов пространственно «расширяются» в начале июня – конец сентября, когда студенты заняты поиском жилья для аренды.

Вернакулярные районы выполняют административную функцию городских районов. Газета «Моя Реклама–Белгород» в этом отношении уникальна. Изначальное распределение объявлений при подаче их на сайте или по телефону производится сразу по четырем районам: Харьковская гора, Крейда, Центральный и Северный (подобное членение задается редакцией газеты). В административном делении город состоит только из двух округов – Восточного и Западного [21], а границы вышеперечисленных районов административно не закреплены. Кроме того, границы районов никак не соотносятся с границами округов. В тексте же самих объявлений иногда указываются еще и районы более низкого иерархического уровня (например, подрайоны Центрального района: «Кашар», «район Дома Правосудия», Северного района: «Ячнево», «район Ротонды», Харьковской горы: «Улитка», «Новый», Крейды: «Старый город» и другие). За период 6.05.2013–5.06.2013 проанализированы 8038 объявлений по г. Белгород, из них около 11% отражают подрайоны основных вернакулярных районов. С точно указанными адресами, в дальнейшем подвергшимися картографированию, – около 31%, при этом уникальных случаев только 10% (803 адресов).

Связь географических границ вернакулярных районов с орогидрографической структурой города. Результаты расчетов указывают на сходные тенденции в размещении районов. Наибольшие барьерные функции при вернакулярном дроблении территории в городе выполняют самые

крупные водотоки – здесь это р. Северский Донец, секущая город с севера на юг и отделяющая в его восточной части крупный блок – вернакулярный район Крейда (рис. 1). Географические границы районов и положение водотоков не совпадает, что связано, в основном, с малочисленностью адресных привязок района за взятый временной промежуток. Для района, занимающего примерно пятую часть города, – всего 23 (из около 800) адреса. Наблюдаются грубые контуры выделенных географических границ и несовпадение их с положением реки, которая, по всей видимости, и должна выступать границей, на что указывает топологическая общность двух контуров. В нашем случае к обоим контурам в их средней части причленяется с запада еще по одному – река и граница районов, т.е. оба они имеют сходные топологические черты (положение узловых точек).

Меньшая по водности река с более узкой долиной – р. Везёлка – отражена в вернакулярной дифференциации иначе. По ее долине проходит граница районов «Центр» и «Харьковская Гора». В крайней западной части города эта граница тупым клином взбирается на склон водораздельного холма р. Везёлки и ее притока – р. Гостянки.

Иначе дело обстоит ближе к впадению р. Везёлки в р. Северский Донец, ниже по ее течению. Участок долины р. Везёлки от устья р. Гостянки и до р. Северский Донец расположен между крупными массивами реперов – адресных привязок районов, и здесь граница Харьковской Горы (с юга) и Центра (с севера) тяготеет к основанию эрозионного склона правого борта долины – основанию

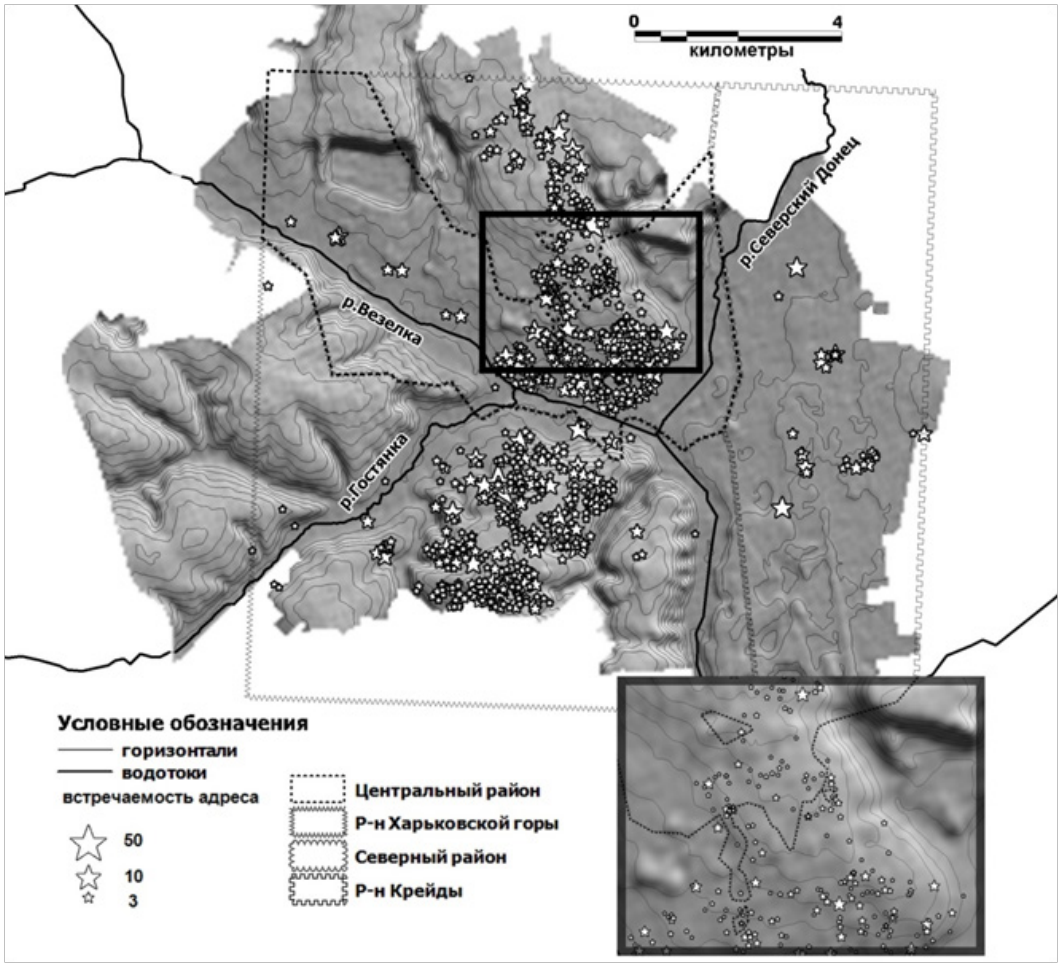


Рис. 1. Географические границы вернакулярных районов и орогидрографическая структура города Белгорода (масштаб пунсонов на врезке не соблюдается)

«горы». Наименовав южную часть Белгорода «горой», местным жителям не так просто стало мысленно «причленять» к ней и правобережный фрагмент поймы р. Везёлки, которая с «горой» никак не ассоциируется; хотя этот участок находится от остального Центра за рекой, к «горе» его присваивать труднее, чем к Центру.

Наибольший интерес представляет граница Центрального и Северного районов. На большем своем протяжении она проходит вдоль направлений малых эрозионных форм. С запада (в районе мелового карьера, который отражен в северо-западной части схемы крупным трапециевидным понижением), – граница тянется вдоль протяженной балки (в народе «Лог Оскочный»), а ближе к окраине города отклоняется от балки на запад. Это следствие малочисленности опорных точек – застройка здесь сосредоточена только вдоль улицы Сумской. Эта улица на схеме маркируется чередой отдельных пунсонов, уходящих от центра на запад вдоль р. Везёлки. В восточной части Северного района граница на отдельном участке примерно 1 км длиной проходит по бровке правого склона малой эрозионной формы. Дальше к северу граница сечет эту балку поперек. Это место располагается недалеко от официальной границы города, местным населением именуется как «Белая Гора», в честь меловой горы, на которой стояла первая белгородская крепость. Балка выработана пересохшим ныне ручьем Ячнев Колодезь, отмечаемым на картах XIX в. в качестве водотока. Сейчас окрестности «Белой Горы» почти не застроены и дают нам немного привязок. Особый феномен наблюдается у границы Северного района в южной его части. Северный район здесь вдается глубоко на юг, но еще глубже проникает своеобразный «вырост» вдоль главной улицы города – проспекта Богдана Хмельницкого. Центральный район в ответ обзаводится анклавом «в теле» Северного района. Это все хорошо различимо на врезке: и километровый вырост Северного района к югу, и анклавы обоих этих районов на территории соседа.

В целом, отмечается приуроченность районов к обособленным природными барьерами участкам. Большую роль в дроблении «ткани города» играют водотоки, причем в данном случае самостоятельную границу формировал наиболее крупный водоток – р. Северский Донец, его приток р. Везёлка не стал самостоятельной границей.

Далее по протяженности границ приоритет отдается малым эрозионным формам и их элементам: тальвегам и бровкам, однако для уверенных утверждений здесь все же недостает опорных точек. Лишь малая часть границ абсолютно индифферентна орогидрографической структуре территории. И именно здесь отмечается «конкуренция» районов – отдельные фрагменты территории, идентифицируемые жителями как Северный или Центральный районы, проникают на территории соседнего.

Итак, каждый район занимает обособленный отрицательными линейными формами рельефа участок, т.е. районы охватывают и пониженные участки, и склоны, и обширные междуречные пространства. Тем не менее, ядра районов (наиболее плотно застроенные их доли) характеризуются обычно гораздо более однообразным рельефом.

Во всех районах пик встречаемости опорных точек находится на разных гипсометрических уровнях. Исключение составляет район Крейды, наибольшее количество зданий с «районной привязкой» в котором находится на том же уровне, что и в Центральном районе. Большая часть зданий в этом районе приурочена к низким надпойменным террасам р. Северский Донец, и, будь статистика полнее, пик встречаемости сместился бы на более низкий уровень – менее 120 м над уровнем моря. В остальных районах ситуация более ясная. Северный район включает осевую магистраль – улицу Богдана Хмельницкого – и смежные кварталы относительно неширокой полосой к западу и востоку от оси. Эта улица – бывший Московский тракт, стратегическая транспортная артерия, которые обыкновенно располагали на водоразделах. Современный Северный район Белгорода сформировался именно вдоль линии водораздела бассейнов р. Северский Донец и р. Везёлки. Такое положение выражается в значительной приподнятости территории района над всей остальной территорией города.

Харьковская гора во многом напоминает Северный район, в то время как Центр тяготеет больше к понижениям, хотя здания распространены в весьма широком гипсометрическом диапазоне. По левому борту долины р. Везёлки широкой полосой (до 1,5 км) распространены крупные фрагменты второй

надпойменной террасы, чего нет у подножия Харьковской горы. Большая часть Центра находится именно на площадке террасы, немалая часть занимает пологие склоны почти не выраженного уступа, поднимающегося к междуречьям. В районе малозаметной бровки уступа и проходит граница Центрального и Северного районов, т.е. центр занимает относительно низкую площадку надпойменной террасы и, в меньшей степени, опирающиеся на нее пологие склоны. Это и обеспечивает такое распределение зданий-реперов по высотам. Таким образом, в пределах обособленных орогидрографически участков с самым разнообразным рельефом ядра вернакулярных районов охватывают в целом лишь морфологически однообразные участки.

Выводы

1. Новый метод для общественно-географического исследования городских вернакулярных районов — контент-анализ СМИ по рынку недвижимости позволяет выявить локализацию вернакулярных районов в городском пространстве. Установленные таким способом вернакулярные районы отражают представления горожан о дифференциации территории города.

2. Обоснована связь географических границ вернакулярных районов с природными рубежами орографического и гидрографического характера для г. Белгород. Наибольшую роль в формировании границ вернакулярных районов играют крупные реки. Малые реки с относительно узкими долинами сказываются иначе – границы проходят не по самим рекам, а по элементам форм рельефа, созданным рекой. В ряде случаев границы вернакулярных районов проходят и по малым эрозионным формам. Эффект «конкуренции» между районами отмечается только на участках со слабо расчлененным рельефом – соседние районы проникают друг в друга анклавами.

3. На основе контент-анализа частных объявлений установлены следующие эффекты для г. Орёл: «расширение» географических границ вернакулярных районов под действием фактора «престижности городской среды», сезонная ритмика географических границ некоторых вернакулярных районов.

4. Вычислены смысловые выраженности официальной и обыденной территориальной (внутригородской) самоидентификации населения при сравнении употребляемости в частных объявлениях хоронимов административных и вернакулярных районов для г. Орёл. При этом для большинства исследуемых временных отрезков преобладающим видом территориальной самоидентификации выступают именно хоронимы административных городских районов (в среднем перевес оценивается в 4–5 раз).

5. Вернакулярные районы, на примере г. Белгород, могут выполнять административную функцию официальных городских районов.

6. В дальнейшем требуется совершенствование разработанного метода для проведения региональных (междугородних) сравнений, поскольку в каждом городе формируется специфическая среда функционирования рынка недвижимости. Она обусловлена региональным законодательством и местными неформальными институтами.

Библиографический список

1. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. – М.: Прогресс, 1990. – 303 с.
2. Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2010. – 25 с.
3. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
4. Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. – 2012. – № 2 (36). – С. 15–28.
5. Информационно-рекламное издание «Моя Реклама» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moyareklama.ru/enter.php. Последняя дата обращения: 28.04.2014.
6. Калуцков В.Н. Топологическая теория культурного ландшафта // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 138–154.
7. Караваев В.А. Городской ландшафт в представлениях горожан и нормативных документах: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2007. – 24 с.
8. Карлова Е.В. Коллективная территориальная идентичность и локализация внутригородского сообщества типа «grassroots» // Векторы развития современной России. Междисциплинарные научные интервенции. Материалы XII Международной научно-практической конференции мо-

лодых ученных. 19–20 апреля 2013: сборник материалов / под общ. ред. М.Г. Пугачевой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХГиГС, 2014. – С. 90–99.
9. Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней Расправы Прокурором. – М.: Типография Пономарёва, 1786. – 179 с.
10. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
11. Методика изучения дифференциации городского пространства российского города (на примере гг. Ставрополь и Пятигорск Ставропольского края) // Отчет об экспедиции НСО кафедры социально-экономической географии зарубежных стран. 2008.
12. Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1, 2. – Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. – М.–Л.: ИСИ АН СССР, 1973. – С. 19–24.
13. Москвитин В. Курск в прошлом и настоящем. – Курск: Областное изд-во, типография им. К. Маркса, 1939. – 53 с.
14. Павлюк С.Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России): дис. … канд. геогр. наук. – М., 2007. – 273 с.
15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
16. Препарата Ф., Шеймос М. Вычислительная геометрия. – М.: Мир, 1989. – 478 с.
17. Рельеф и человек: Материалы Иркутского геоморфологического семинара, Чтений памяти Н.А. Флоренсова (Иркутск, 27— 29 сентября 2004 г.). – Иркутск: ИЗК СО РАН, 2004. – 179 с.
18. Свешникова, Н.В. Неофициальные микротопонимы г. Саратова // Речевое общение. 2002. Вып. 4. – Красноярск, Ачинск. – С. 154–159.
19. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – М., 2012. – 46 с.
20. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? – М.: Гендальф. 1999. – С. 87–136.
21. Устав городского округа «город Белгород» // Принят решением Белгородского городского Совета депутатов от « 29 » ноября 2005 года № 197, зарегистрирован отделом главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Центральному Федеральному округу в Белгородской области 07 декабря 2005 года.
22. Харченко С.В. Отражение рельефа в топонимике и когнитивном восприятии городского пространства (на примере городов Черноземья) // Геоморфология. – 2013. – №4. – С. 61–70.
23. Agnew J. The United States in the World Economy. Cambridge University Press, Cambridge, 1987.
24. Barker J.C. The major vernacular regions of Tennessee. Marshall University. 2005.
25. Brownell J. The Cultural Midwest // Journal of Geography, № 2, Jacksonville State University Press. 1960
26. Twaroch F. A., Jones C. B., Abdelmoty A.I. Acquisition of a Vernacular Gazetteer from Web Sources // Geographic Information. Science Conference GI Science, Utah, USA, 2008. P. 61–64.
27. Good J. A Perceptual Limitation of Southern Indiana // Professional Paper. № 8. Indiana State University, Department of Geography and Geology. 1976.
28. Goodey B. Perception of the Environment, Occasional Paper 17, Birmingham, Eng.: Center for Urban and Regional Studies, University of Birmingham. 1971.
29. Hale R.F. A map of vernacular regions in America. PhD dissertation. Minneapolis, Mn. Dept. of Geography, U. of Minnesota. 1971.
30. Hard G. «Bewusstseinsräume». Interpretationen zu geographischen Versuchen, regionales Bewusstsein zu erforschen // Geographische Zeitschrift. 1987. № 3. S. 127–148.
31. Heller W. (Hg.): Identitäten und Imaginationen der Bevölkerung in Grenzräumen: ... und Südosteuropa im Spannungsfeld von Regionalismus, Zentralismus, europäischem Integrationsprozess und Globalisierung // Einleitung: Von Grenzen und ihrer Überwindung (mit W. Łukowski). 2010. №. 22. S. 28–30.
32. Jordan T. Perceptual Regions of Texas // Geographical Review, vol. 68. 1978. №3.
33. Lee T.R. Psychology and Architectural Determinism (essay in three parts) // Architects Journal. 1971. P. 10–43.
34. Mann J.M. The Coast as a Vernacular Region. A PhD Thesis. 2010. 134 p.
35. Mayfield M.W., Morgan J.T. The «Oldest River» as an Appalachian popular region // Journal of Geography. 2005. № 104(2). P. 59–64.
36. Penguin Dictionary of Human Geography / Brian Goodall. Middlesex: Penguin Books, 1987.
37. Reed J.S. The Heart of Dixie: An Essay of Folk Culture // Social Forces, vol. 54. University of North Carolina Press. 1976.
38. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion Limited. 1976. 156 p.
39. Rice G., Urban M.A. Where is River City, USA? Measuring Community Attachment to the Mississippi and Missouri Rivers. Journal of Cultural Geography. 24(1). 2006, P. 1–35.
40. Sarre P.V. Perception // New Trends in Geography. Milton Keynes: Open University. 1972.
41. Shortridge J. The Middle West. Its Meaning in American culture. Lawrence: University Press of Kansas. 1989.
42. Tolman E.C. Cognitive maps in Rats and Men // Psychological Rev. 1948. №55(4). P. 189–208.
43. Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2001. 235 p.
44. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
45. Zelinsky W. The Cultural Geography of the United States. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973. 164 p.
46. Zelinsky W. North America vernacular regions // Annals of the association of American geographers. 1980. Vol. 70. №1. P. 1–16.

Савоскул М.С. (Москва)

СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ И УКРАИНЫ ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ

Savoskul M.S.

SOCIAL-SPATIAL LINKS OF HIGHLY SKILLED MIGRANTS FROM RUSSIA AND UKRAINE IN FRANKFURT MAIN

Аннотация. *Статья написана по итогам собственного эмпирического исследования, проведенного автором летом 2013 г. во Франкфурте-на-Майне и посвященного успешным высококвалифицированным мигрантам из России и Украины в Германии. В публикации рассматриваются мотивы, каналы миграции, а также миграционные биографии мигрантов. Акцент сделан на социально-пространственных связях успешных мигрантов и на трансграничных связях со страной выхода. Определены факторы, определяющие тип социально-пространственных связей.*

Abstract. *Article is written following the results of own empirical research conducted by the author in the summer of 2013 in Frankfurt am Main and devoted to successful highly skilled migrants from Russia and Ukraine in Germany. In the publication motives, migration channels, and also migratory biographies of migrants are considered. The emphasis is placed on social and spatial communications of successful migrants and on cross-border links with the original country. The factors defining type of social and spatial links are defined.*

Ключевые слова*: высококвалифицированные мигранты из России и Украины, Германия, социально-пространственные связи мигрантов.*

Key words*: highly skilled migrants from Russia and Ukraine, Germany, socio-spatial relationships of migrants.*

Германия для постсоветской России стала одной из наиболее привлекательных в эмиграционном отношении стран. В ФРГ эмигрируют как этнические мигранты из России (евреи, российские немцы), так и учебные мигранты и те, кто выезжает по академической линии. Разнообразные когорты мигрантов из России, а также из других стран СНГ, образуют в Германии многочисленное русскоязычное сообщество. Данное сообщество не является гомогенной группой ни в этническом, ни в социально плане, но обладает общим опытом проживания и социализации в СССР. Большая часть научных публикаций по миграционной тематике в России и Германии посвящена трудностям интеграции бывших советских граждан в принимающее общество. Исследований, посвященных вполне успешным мигрантам, – гораздо меньше. Данная статья обращает внимание на эту, менее изученную группу мигрантов.

Изученность темы. В России относительно немного публикаций, посвященных мигрантам в Германии, хотя опыт ФРГ в области миграционной политики и программ адаптации мигрантов, может быть полезен для России. Можно отметить публикации Л.Б. Карачуриной, анализирующие миграционную политику Германии и социальную адаптацию мигрантов [4, 5], обзор П.М. Поляна, посвященный русскоязычным мигрантам в Германии [6]. А.Ю. Гапонова провела исследование высококвалифицированных мигрантов в развитых странах [2], И.А. Алешковский анализирует политику Германии в отношении специалистов, приезжающих в Германию по программе «Зеленая карта» [1]. Среди российских специалистов, изучающих трансграничные связи мигрантов в мире, наиболее значимы публикации Г.И. Глущенко [3].

Исследований, посвященных изучению высококвалифицированных мигрантов не так много и в Германии [12, 14, 15, 10]. Существующие публикации освещают достаточно узкие аспекты включения успешных мигрантов в германское общество. Наиболее всего распространены исследования иностранных сотрудников университетов.

По мнению германского исследователя Б. Фройнда (B. Freund), сделавшего статистический обзор высококвалифицированных мигрантов в регионе Рейн-Майн в 2001 г., эти мигранты чаще остаются в тени исследований по сравнению с прочими группами мигрантов [11, с. 207]. За 10 лет ситуация существенным образом не изменилась.

Если ранее в контексте разговора о высококвалифицированных мигрантах речь шла об однонаправленном потоке, получившим название «утечки мозгов», то теперь появ-

ляются работы направленные на выяснение степени влияния высококвалифицированных мигрантов на страны выхода. Наряду с термином «утечка мозгов» стал использоваться термин «циркуляция мозгов». Таким образом, подчеркивается, что социальный, экономический, политический и культурный эффект этого процесса сказывается не только в отношении стран приема высококвалифицированных мигрантов, но и в отношении стран их выхода. Начало данной дискуссии положили публикации Анны Саксениан (Anna Lee Saxenian) посвященные изучению высококвалифицированных мигрантов, работающих в Силиконовой Долине (США) [18]. Исследовательница обратила внимание на роль, которую высококвалифицированные мигранты, работающие в США, оказывают на страны выхода, на примере стран Юго-Восточной Азии, из которых уже более 40 лет назад начался отток квалифицированных кадров. С конца 1990-х гг. происходит возвратная миграция в эти страны ранее выехавших специалистов.

Постановка исследовательской задачи. В проведенном исследовании задачи были сформулированы следующим образом: насколько активно высококвалифицированные и успешные мигранты из России и Украины поддерживают экономические, социальные, культурные, политические связи со странами выхода? Готовы ли они культурный капитал, обретенный в Германии, использовать в стране выхода? Можно ли говорить о формировании процесса «циркуляции мозгов» относительно высококвалифицированных мигрантов из этих стран? И в итоге определить основные факторы, которые определяют тип социально-пространственных связей мигрантов и характер трансграничных связей.

Россия и Украина включились в мировые миграционные системы относительно недавно – около 20 лет назад после распада СССР. Значительную роль в миграционном обмене этих стран занимает Германия.

Объектом исследования стали мигранты, которые по разным причинам приехали в Германию из России и Украины, начиная с конца 1980-х гг. и остались там жить, работая в настоящее время на рабочих местах, предполагающих высшее образование. Всех мигрантов объединяет то, что они получили в стране выхода среднее или высшее образование, всех их можно назвать в той или иной степени успешными в профессиональной сфере, отнести к среднему классу германского общества.

Под социально-пространственными связями автор понимает систему регулярных социальных контактов респондентов, осуществляемых через личные контакты по телефону и через Интернет с другими социальными акторами, проживающими в различных местах.

В данной статье автор обращается именно к этой группе эмигрантов из России и Украины. Но для начала рассмотрим, какую долю иностранцы занимают в структуре населения Германии и из каких стран, помимо постсоветского пространства, они прибывают.

Иностранцы в Германии. Начиная с 1950-х гг. Германия привлекала трудовых мигрантов, сначала из стран Южной Европы, потом из Турции. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. источником мигрантов в Германию стали Польша и другие страны Восточной Европы, откуда после распада социалистической системы активизировалась трудовая миграция на Запад. К 1996 г. в Германии проживало 7,3 млн иностранцев, что составило 8,9% населения страны [11, с. 207]. За 20 лет численность иностранцев в Германии существенным образом не изменилась. По данным статистики на конец 2011 г. в Германии проживало чуть больше 7,3 млн иностранцев, что составляло 9% населения Германии [8, с. 23].

Мигранты из России и Украины в Германии. Распределение по странам выхода иностранцев в Германии представлено на рис. 1. Из всех стран бывшего СССР в Германии на 2011 г. проживало 514 тыс. чел. [8, с. 29, 30, 34], среди них 195 тыс. – граждане России, 123 тыс. – граждане Германии.

В группу иностранцев, которые учитываются статистикой Германии, не попадают политические беженцы из мест вооруженных конфликтов. В отдельную группу выделяют поздних переселенцев, то есть этнических немцев, которые при переезде в Германию и при получении юридического статуса позднего переселенца получают гражданство Германии. Они учитываются статистикой отдельно от остальных рожденных за пределами Германии.

В 2011 г. в Германии проживало около 2,5 млн этнических немцев из стран бывшего СССР, Польши и Румынии [16, с. 52]. Отдельно статистикой учитываются мигранты, приезжающие по политическим причинам,

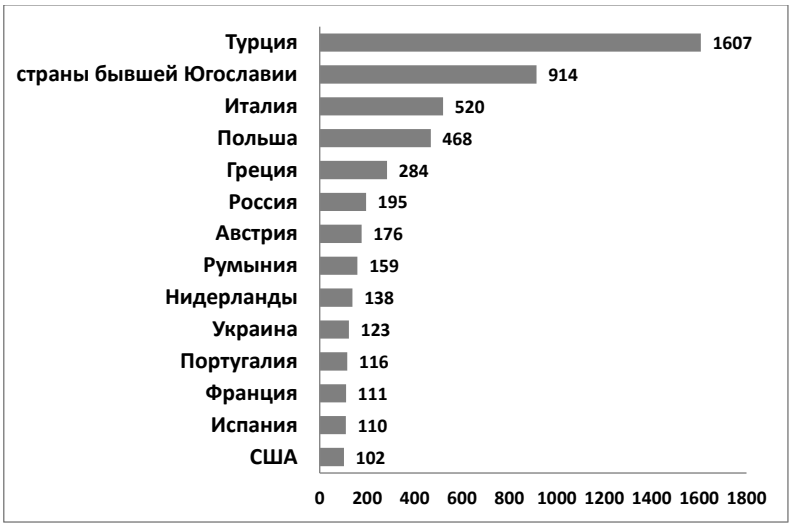


Рис. 1. Иностранцы в Германии на 31.12.2011 г. по основным странам выхода, тыс. чел. (представлены страны, из которых в Германии проживает более 100 тыс. мигрантов)
Составлено по: [8, с.35–40].

куда также относят и миграцию евреев в Германию из бывших стран СССР. В период с 1990 по 2011 г. в Германию переехало около 205 тыс. евреев из бывшего СССР, преимущественно из России и Украины [16, с. 83]. Таким образом, в Германии проживает более 2 млн русскоязычных эмигрантов, из которых значительная часть приходится на Россию, Казахстан и Украину.

Иностранцы во Франкфурте-на-Майне. По данным на 2011 г., во Франкфурте-на-Майне из 698 тыс. жителей, проживало 170,5 тыс. иностранцев. Из них 64,8 тыс. иностранцы – граждане стран Европейского Союза. На начало 2011 г. в городе проживало 2,5 тыс. россиян и 1,9 тыс. граждан Украины [19, с. 26, 27]. Любопытно, что женщины среди мигрантов как из России, так и из Украины составляли почти 70% [19, с. 41].

Кроме иностранцев, во Франкфурте проживает 93 тыс. граждан Германии, которые получили гражданство вследствие миграции в страну, а ранее были гражданами других стран и родились за пределами Германии. В эту группу входят дети мигрантов, которые родились в Германии, а также поздние переселенцы, получившие гражданство Германии. Из них 22,5 тыс. чел. – бывшие граждане стран Европейского союза и 3,7 тыс. чел., которые ранее были гражданами России [9, с. 30, 36].

Почти 65 тыс. иностранных жителей Франкфурта, или 38% всех иностранцев, составляют граждане стран Евросоюза. Значительная часть из них приходится на Италию – 13,4 тыс. чел. (7,9% от всех иностранцев во Франкфурте), Польшу – 11 тыс. чел. (6,4%). Значительное количество составляют представители Турции – 29 тыс. чел. (16,9%), мигранты из стран бывшей Югославии – около 20 тыс. чел. (11,7% от всех иностранцев) [19, с. 26].

Франкфурт-на-Майне можно отнести к городам, где среди мигрантов повышенная доля людей с высшим образованием, занимающих достаточно высокие социальные позиции, именно поэтому он был выбран в качестве места проведения исследования.

Методы и характеристика исследования. Основным методом исследования был выбран метод глубинного полуструктурированного интервью с мигрантами, обладающими высоким социальным статусом.

Изначально предполагалось проводить интервью только с мигрантами из России, но в процессе поиска респондентов было установлено, что высококвалифицированные мигранты, особенно если они переехали в Германию до 2000 г., не делают различий между страной выхода и между мигрантами из России и Украины существуют тесные социальные контакты.

В качестве метода выборки был использован метод снежного кома, то есть респонденты, с которыми проходили интервью, предоставляли для организации новых интервью контакты своих

знакомых. Всего было проведено 20 глубинных полуструктурированных интервью (табл. 1).

Основные блоки вопросов интервью были следующие: персональная миграционная и профессиональная история; мотивы переезда в Германию; процессы адаптации и интеграции в Германии и во Франкфурте; повседневная жизнь во Франкфурте; социальные контакты респондента. Интервью проводились на русском языке.

Миграционные мотивы и миграционные каналы. В интервью мигранты упоминали различные мотивы переезда, которые можно разделить на несколько групп. Первая группа – это социально-экономические мотивы. Многие переехавшие в начале и середине 1990-х гг. в Германию не скрывали, что они хотели жить в более благополучной с экономической и социальной точки зрения стране. Наиболее конкретно этот мотив был озвучен в беседе с сотрудницей банка, приехавшей в Германию в начале 1990-х гг.: *«Да, что уж там говорить, все мы сюда ехали за колбасой…»*

Так или иначе, социально-экономическая мотивация звучит у многих мигрантов старше 40 лет. Но никто из респондентов не сказал, что он приехал в Германию с целью заработать деньги, а потом уехать, что характерно для многих низкоквалифицированных и среднеквалифицированных мигрантов.

Ко второй группе причин миграции можно отнести социально-культурные причины. Они чаще всего звучат в интервью с российскими евреями и российскими немцами. Первые говорят о возможности более активного общения в еврейских общинах Германии. Российские немцы называют в качестве важной причины возвращение на свою историческую Родину. Эта группа причин чаще встречается у мигрантов, переехавших более 15 лет назад в Германию.

«Они (бабушка и дедушка – М.С.) радовались, когда приехали, бабушка рада была, что может в церковь ходить, с людьми общаться. Они хотели и из-за нас переехать и видели, что нам тут хорошо и радовались… Я себя чувствую немцем, может даже

Таблица 1

Характеристики респондентов, которые участвовали в исследовании

Имя*	Возраст, лет	Продолжительность проживания в Германии, лет	Возраст переезда в Германию	Страна выезда	Гражданство на настоящий момент	Место работы
Максим	28	3	25	Украина	Украина	Университет
Надежда	35	12	23	Украина	Германия	Банк
Любовь	44	21	23	Россия	Германия и Россия	Банк
Эрика	29	7	22	Россия	Россия	Школа
Алексей	40	24	16	СССР (Казахстан)	Германия	Банк
Лиза	41	19	22	Украина	Германия	Пишет канд. диссертацию
Тамара	25	3	22	Россия	Россия	Бизнес
Алина	36	20	16	Россия	н/д	Банк
Дарья	41	18	23	Россия	н/д	Банк
Валентин	51	14	37	Россия	Россия	Банк
Татьяна	30	8	22	Украина	Украина	Медиа-бизнес
Нина	34	10	24	Россия	н/д	Банк
Виктор	34	18	16	Россия	н/д	Университет
Александр	44	14	30	Россия	Россия	Банк
Алла	35	13	22	Россия	Россия	Университет
Катерина	37	14	23	Россия	н/д	Банк
Галина	36	14	22	Россия	н/д	Банк
Петр	53	18	35	Украина	Германия	Банк
Маргарита	39	17	22	Украина	Германия	Школа
Ирина	38	15	23	Украина	н/д	Банк

*Имена респондентов изменены.

больше немцем, чем другие. Я знаю свою историю, мне нравится читать на русском языке, но я всегда чувствовал себя немцем, даже, когда мы были там» (Алексей)

Экономические причины упоминались и в интервью с мигрантами, которые переехали в 2000-е гг., и относятся к более молодому поколению мигрантов – моложе 35 лет. Но при этом экономическая составляющая не являлась для данных мигрантов основной причиной переезда.

«…знаю многих ребят русских, которые тут учатся,.. люди просто бежали от бедности. У нас не было такой проблемы и многие из наших знакомых до сих пор совершенно искренне не могут понять, почему мы это сделали?» (Тамара)

Многие в интервью замечали, что их ровесники на Родине зарабатывают больше. В этой группе на первый план выходили мотивы профессиональной реализации и профессионального роста, это третья причина переезда, называемая мигрантами. Особенно часто она встречалась в беседах с представителями академических кругов.

«Я хотел в аспирантуру идти … даже было предложение в Украине быть аспирантом, но я решил, что нет смысла заниматься социальной наукой сейчас в Украине. И поэтому искал такое место в другой стране» (Максим)

Для тех, кто среди основных причин миграции указывает профессиональный рост и желание учиться, Германия не была единственно возможной страной переезда. Многие останавливались на Германии путем исключения других стран, часто по финансовым причинам.

«Про программу набора нянь я узнала в университете, а поехала в Германию, потому что сюда было дешевле поехать, я не могла себе позволить заплатить за программу Work and Travel в Америке, она была дорогая, многие потом там и остались» (Эрика)

К четвертой группе причин можно отнести политическую и социальную стабильность в Германии. Об этом чаще говорили мигранты, переехавшие в Германию в 2000-е гг. Их можно отнести к новой волне эмиграции из России и Украины.

В интервью также появляются такие причины: любопытство, желание пожить в другой стране, желание попробовать что-то новое.

«Мне было уже 23 года тогда, я бы могла остаться там, на Украине, у меня была свобода выбора. Я решила попробовать здесь. И сейчас могу сказать, что не жалею» (Надежда)

Вне зависимости от причин, побудивших респондентов покинуть свою страну и эмигрировать в Германию, существует шесть каналов переезда в Германию, которые имеют различия в юридическом статусе мигранта, доступности для тех или иных возрастных или социальных групп, продолжительности пребывания в Германии.

Для 1990-х гг. одним из наиболее распространенных каналов миграции из России и Украины в Германию стали два вида этнической миграции. Это миграция евреев в Германию, в соответствии с законом о признании Германией вины перед еврейским народом во время второй мировой войны, и миграция российских немцев на свою историческую Родину.

Как показывают результаты интервью, а также другие исследования еврейских мигрантов из бывшего СССР, в настоящий момент значительную долю успешных высококвалифицированных мигрантов составляет молодое поколение этой миграционной когорты, то есть те, кто приехал в Германию в возрасте до 25–30 лет. Многие представители данной группы получили в Германии юридическое подтверждение высшего образования страны выхода или закончили университет в Германии. Значительная часть работает на достаточно высоких социальных позициях.

Второй тип этнической миграции – выезд из бывшего СССР поздних переселенцев, то есть российских немцев и членов их семей. Эта волна миграции составила более 2 млн чел., но среди этой группы мигрантов доля получивших высшее образование в первом поколении достаточно низкая. Для мигрантов первого поколения, приехавших в возрасте старше 16 лет в Германию, получение высшего образование и работа на высоких профессиональных позициях скорее исключение, чем правило. Вот какую характеристику российским немцам дал один из респондентов, родители которого и он сам переехали в Германию, как российские немцы: *«Я бы сказал, что среди российских немцев есть две категории, как мы, например, те которые чувствовали себя немцами и там. … много российских немцев, которых я знаю, там себя чувствовали советскими людьми, больше русскими, чем немцами. Они говорили только на русском языке там. У них ничего немецкого не*

было, этого немецкого чувства. Они приехали сюда в 1992–1993 гг., более из-за экономических причин, когда в Казахстане жизнь была очень трудная. По моему опыту, им труднее здесь интегрироваться» (Алексей)

Третий канал, который используется частью мигрантов – это воссоединение семей, в данном случае может идти речь как о создании семьи с мигрантами, которые проживают в Германии, так и с гражданами Германии. Среди респондентов было несколько человек, которые приехали в Германию на основании создания семьи с еврейскими переселенцами и с иностранцами из Западной Европы, в настоящее время проживающими в Германии.

Многие девушки, оканчивающие в России и Украине университеты и специализирующиеся на изучении немецкого языка, приезжают в Германию по специальной программе молодежного обмена Au-pair для работы нянями в немецких семьях. В рамках этой программы девушки переезжают на год в немецкую семью, многие с целью улучшения немецкого языка. Обязательным условием приезда является знание немецкого языка, возраст не старше 25 лет, работа в семье, где немецкий язык является родным языком. По этой программе в Германию в 2011 г. приехало из всех стран мира 6,7 тыс. чел. Основными странами, откуда приезжают по программе Au-pair, являются Россия, Украина, Грузия. Так, в 2011 г. из России приехало более 800 чел., из Украины 1,1 тыс. чел. [16, с.77].

Часто после года проживания в Германии они решают остаться для обучения в университете. Этому способствует то обстоятельство, что обычно высшее образование в странах выхода может быть получено к 22 годам, а для Германии начало обучения в Университете в возрасте старше 20 лет скорее норма, чем исключение. Среди высококвалифицированных, успешных мигрантов, которые приняли участие в нашем исследовании, две участницы использовали именно этот канал переезда в Германию.

«Первый год в Германии я делала программу «Au-pair», но уже во время первого года я поняла, что можно потом идти в университет. То, что я учила в Украине – это не то, что хочу иметь на всю свою жизнь. За границей обучение было очень привлекательно» (Татьяна)

Еще один канал миграции, который достаточно распространен у высококвалифицированных мигрантов – это приезд в Германию для учебы в университете, или приезд для написания кандидатской диссертации в одном из университетов Германии. В 2011 г. в Германии обучалось 3,4 тыс. студентов из России [16, с. 56].

Для многих респондентов, с которыми проводились интервью, мотив миграции и канал миграции в этом случае совпадают, то есть мигранты действительно ехали в Германию ради получения образования или написания кандидатской работы. Но часть из них ехала учиться ради того, чтобы потом остаться жить в Германии и найти там работу. Этим каналом миграции, как и предыдущим, чаще пользуются представители молодого поколения, недавно окончившие университет у себя на Родине.

«Но многие едут учиться ради учебы, а мы ехали жить в Германии через канал учебы». (Тамара)

Схожий канал миграции используется старшим поколением, чаще всего представителями академической науки, имеющими статус кандидата наук, или доктора наук. Этот канал миграции, единственный из всех, можно назвать каналом, через который в Германию приезжают высококвалифицированные мигранты, так как в данном случае речь идет о приезде в университеты и научные институты Германии по программам научного сотрудничества на определенный срок. Именно в отношении данной миграционной когорты можно применять термин «утечка мозгов». В эту группу попадают и специалисты IT-сектора, приезжающие на работу в Германию. По таким каналам миграции ежегодно в Германию въезжают до 1 тыс. специалистов из России и около 500 специалистов из Украины [16, с. 58, 67, 75].

В нашем исследовании данный канал использовался двумя мужчинами, которые приехали в Германию на временную стажировку, но потом нашли работу и остались на длительный срок.

«Мы в Германии с 1999 года. Дома защитил диссертацию по теоретической физике и приехал сюда по стипендии на год. Пока я писал диссертацию, ездил в Голландию к одному профессору на несколько месяцев, тоже по стипендиям. А потом, когда защитился, решил поехать на годик в Германию попробовать» (Александр)

Масштабы потока высококвалифицированных мигрантов, въезжающих в Герма-

нию, невелики. К таким высококвалифицированным мигрантам относят ученых, преподавателей, IT-специалистов и прочих высококвалифицированных специалистов, в том числе и обладателей так называемой «синей карты Еросоюза», которая была введена в ряде стран Европы по аналогии с «зеленой картой», использующейся в США. По законодательству Германии, заработная плата таких специалистов в 2011 г. должна была составлять не менее 66 тыс. евро в год или 5500 евро в месяц. В 2011 г. в Германию въехало 370 таких специалистов, в 2010 г. – 219, в том числе из России в 2011 г. въехало 50 чел. и из Украины – 11 чел. [16, с. 79, 80].

Сложно оценить, какой из каналов миграции наиболее часто используется успешными мигрантами, поскольку для этого необходимо знать не только количество въезжающих в Германию по тому или иному каналу, но и количество остающихся далее на длительное проживание в Германии и при этом занимающих высококвалифицированные позиции. Можно предположить, что на настоящий момент значительная часть успешных мигрантов приехала из России и Украины в рамках еврейской миграции. Это молодое поколение данной миграционной когорты. В пользу такого мнения говорят структурные характеристики данной миграционной группы (среди еврейского населения высокий уровень высшего образования) и данные исследований еврейской миграции. Наша выборка также свидетельствует об этом, так как из 20 респондентов 7 использовали данный канал миграции. В дальнейшем, судя по данным статистики, этот канал будет использоваться мигрантами все реже, так как потенциал еврейской миграции из бывшего СССР за более чем 20 лет практически исчерпан.

Судя по проведенному исследованию (6 человек из 20), а также по данным о численности студентов из России и Украины в Германии, вторым по массовости каналом миграции для успешных мигрантов является студенческая миграция. Это естественно, так как высшее образование, полученное в Германии, усиливает конкурентоспособность мигрантов на рынке труда.

Несмотря на многочисленность российских немцев, проживающих в Германии, доля работающих на высококвалифицированных позициях среди первого поколения этих мигрантов – относительно невысокая. Менее типичным каналом миграции для успешных мигрантов является воссоединение семей.

Кроме представителей еврейской эмиграции и российских немцев, которые эмигрировали в Германию с целью постоянного проживания, имеются успешные мигранты, которые приезжали через другие каналы миграции и изначально не планировали оставаться в Германии на постоянное место жительства. Об этом они часто упоминали в интервью.

«Я уезжал на полгода и не собирался оставаться здесь дольше. ... Потом как-то так получилось, что все это продлилось. И вот так незаметно-незаметно оно стало продолжаться…» (Валентин)

Миграционные биографии респондентов. Итоги анализа миграционных биографий показали, что основными факторами, определяющими миграционную биографию высококвалифицированных успешных мигрантов, является размер города рождения респондента и размер города, который стал первым местом проживания мигранта в Германии. Повышение социального статуса мигранта (обучение в университете, поиск престижной работы) неизбежно связано с переездом в город, где больше возможностей для социального роста, то есть в город с большей численностью населения. Это происходит и в стране выхода квалифицированного мигранта и в принимающей стране. Помимо этого, важным фактором оказываются личные обстоятельства жизни мигранта, которые также могут влиять на изменение места жительства.

В итоге, выявлены три типичных для высококвалифицированных мигрантов из России и Украины типа миграционных биографий и один тип, который в нашем исследовании стал скорее исключением. Это: простой тип; сложный тип; циклический тип и «ищущий» тип.

Простой тип миграционной биографии назван так из-за небольшого числа постоянных миграций респондентов (один или два переезда в течение жизни). Он характерен для высококвалифицированных мигрантов, родившихся и получивших образование в крупных городах России или Украины и переехавших в крупные города Германии. Этот тип миграций характерен для высококвалифицированных мигрантов, относящихся к еврейской эмиграции в Германию или для мигрантов, приехавших в Германию учиться или по академической линии. Для этого типа

миграции первый город проживания в Германии – Франкфурт-на-Майне или другой крупный город, после эмиграции в Германию был максимум один переезд. Такой тип достаточно часто встречался при проведении интервью (восемь респондентов из двадцати).

Сложный тип миграционных биографий, когда мигранты более трех раз меняли место постоянного жительства. Сложный тип характерен для респондентов, которые родились в небольших городах, после чего переехали в стране выхода в большой город для получения высшего образования. Многие из них в качестве миграционного канала использовали академические или учебные каналы миграции. Такие миграционные истории характерны и для переселенцев, приехавших в Германию по еврейской линии. Этот тип миграционных биографий характерен для мигрантов, родившихся в крупных городах и не переезжавших в стране рождения, но после переезда в Германию они могли переезжать несколько раз, меняя места обучения или работы. Такой тип миграционного поведения во время исследования во Франкфурте отметили восемь респондентов.

Третий тип миграционных биографий высококвалифицированных мигрантов, занимающих высокие профессиональные позиции в Германии, мы назвали цикличным. Он характерен для мигрантов, эмигрировавших в Германию по учебному каналу или по академической линии и не встречался у этнических мигрантов.

Отличительной чертой этого типа миграционного поведения является то, что мигранты имели опыт жизни в Германии, после этого вернулись в Россию и Украину по различным причинам, но через короткий период времени эмигрировали в Германию на более продолжительное время. Это менее распространенный тип миграционных биографий, из двадцати респондентов он характерен для трех человек.

Заключительный тип миграционного поведения, который указали во время исследования респонденты, можно назвать «ищущим». Для нашего исследования он является скорее исключением. Только одна респондентка имела опыт достаточно длительного проживания в пяти странах (Россия, США, Германия, Испания, Италия, Германия), часть переездов была вызвана семейными причинами, часть обучением и работой в этих странах.

Анализ социально-пространственных связей мигрантов. В ходе интервью респонденты изображали схему своих социальных связей. Для этого были даны следующие рекомендации: поместите себя в центр круга общения, а людей, с которыми регулярно общаетесь, расположите вокруг. Укажите, кем они Вам приходятся (семья, другие родственники, коллеги, члены семьи, друзья и др.). Отметьте линиями частоту общения с каждым из вашего круга общения (три линии – очень часто, две линии – средняя частота, одна линия – редко). Укажите около каждого человека из Вашего круга его гражданство и этническую принадлежность, характер отношений – функциональные, эмоциональные, совместное проведение свободного времени.

Анализ социально-пространственных связей позволил выделить несколько их типов, в зависимости от канала миграции, а также выявить факторы, способствующие возникновению того или иного типа связей. Первый тип связей характерен для высококвалифицированных мигрантов, приехавших по линии еврейской миграции. Для него характерны следующие пространственные закономерности: регулярные контакты с семьей, коллегами и друзьями в Германии, контакты с родственниками в США и Израиле (разной степени частоты и интенсивности), регулярные, но не очень частые (один раз в несколько месяцев) контакты с друзьями и бывшими коллегами в стране выхода. Для этой группы мигрантов связи со страной выхода, если там нет очень близких родственников и друзей, могут быть не очень частыми (рис. 2).

Для российских немцев в нашем исследовании (это показывают и предыдущие исследования) социально-пространственные связи замыкаются на Германии (коллеги, друзья, родственники, соседи). Небольшая часть контактов связана со страной выхода, с родственниками или друзьями. Для высококвалифицированных российских немцев контакты со страной выхода минимальны, тогда как для других групп российских немцев контакты со страной выхода по интенсивности и частоте зачастую преобладают над социальными контактами в Германии.

Более активные связи со страной выхода характерны для высококвалифицированных мигрантов, использовавших индивидуальные каналы миграции, то есть приезд

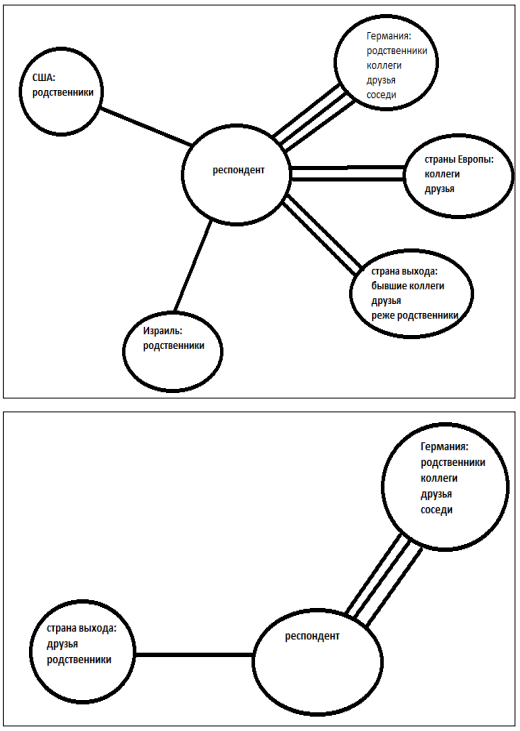


Рис. 2. Пример социально-пространственных связей, характерных для мигрантов, приехавших в германию по еврейской линии (наверху) и для российских немцев (внизу)

Примечание: количество линий показывает частоту социальных контактов: три линии – ежедневно или несколько раз в неделю; две линии – один или несколько раз в месяц; одна линия – несколько раз в год.

в Германию на учебу, по программе обмена или по академической линии. Обычно у этой группы мигрантов остаются сильные социальные связи с друзьями и родственниками в стране выхода, а также с друзьями и коллегами из других стран мира, с которыми они познакомились чаще всего в стране выхода. У многих мигрантов молодого поколения отдельный вид социальных контактов образует общение с представителями разных стран мира в Интернет. В графическом виде их можно представить следующим образом (рис. 3).

Таким образом, социально-пространственные связи определяются следующими факторами: мотивы и каналы миграции, миграционная история респондентов, возраст респондентов. Наибольшая интенсивность и максимальный набор социальных контактов характерны для страны проживания респондента, а в стране проживания для города проживания, вне зависимости от канала миграции. Это локальные и региональные

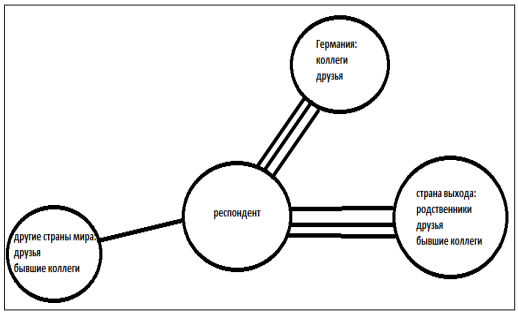


Рис. 3. Пример социально-пространственных связей, характерных для мигрантов, использовавших индивидуальные каналы миграции

Примечание: количество линий показывает частоту социальных контактов: три линии – ежедневно или несколько раз в неделю; две линии – один или несколько раз в месяц; одна линия – несколько раз в год.

социально-пространственные связи. В социальном отношении наиболее тесные связи имеются с родственниками и коллегами, то есть с теми, с кем происходит ежедневное взаимодействие. Далее для разных групп мигрантов на второе по значимости место выходят или общение со знакомыми во время проведения свободного времени (хобби, друзья), или социальные контакты в сети Интернет, в этом случае формируются трансграничные социально-пространственные связи.

Для локальных и региональных социально-пространственных связей, характерны как функциональный характер социального обмена, так и эмоциональный, и тип, который мы назвали проведением свободного времени. Границы эмоциональных связей шире, часто это трансграничный тип социально-пространственных связей. Большая часть эмоциональных связей респондентов приходится на иностранцев, но не обязательно из страны выхода. Немцы попадают в сферу эмоциональных связей только в том, случае, если они являются членами семьи респондента.

«У меня круг общения русский, все равно мы друг друга лучше знаем, лучше понимаем, у меня даже соседи русские… Все мои подружки русские… Я лучше и интенсивнее общаюсь с людьми, которые сюда приехали – итальянцы, испанцы, греки, среди немцев у меня нет друзей» (Эрика)

Типы социально-пространственных связей со страной выхода. Как было отмечено выше, респонденты могли упоминать разные типы социальных связей: эмоцио-

нальные, к которым относится общение с родственниками и друзьями; функциональные, под которыми понимается общение с коллегами и соседями, если они не являются друзьями; нейтральный тип связей, под которым понимается общение со знакомыми или коллегами во время проведения свободного времени, но этот тип связей нельзя отнести, ни к эмоциональному, ни к функциональному.

Для большей части респондентов социально-пространственные связи со страной выхода носят эмоциональный характер. Это телефонные звонки, переписка и общение в сети Интернет с друзьями и родственниками. Респонденты, которые приехали по еврейской линии, если у них нет родственников в стране выхода, могут не ездить туда годами. Мигранты, которые приехали по другим каналам миграции и у которых в России и Украине живут родители, бывают на Родине один или несколько раз в год.

Но при этом почти все говорили, что они специально не интересуются тем, что происходит в России, но если увидят телевизионный сюжет или какую-то информацию в немецкоязычном Интернете, могут ее прочитать. Их интерес к Родине, а не к друзьям и родственникам, которые там живут, напрямую связан с активностью немецких СМИ в этом отношении.

Один из респондентов, приехавший по индивидуальным каналам миграции и занятый в академической сфере, изучает Украину. Его интерес к стране выхода вызван профессиональной необходимостью. Часть респондентов говорила, что в будущем были бы не против поработать в России и Украине, но не хотят возвращаться туда на постоянное место жительства.

Часть респондентов, приехавших по индивидуальным каналам миграции, упоминала, что они иногда материально помогают родителям, оставшимся в стране выхода, что также можно отнести к функциональным связям. Для большей части успешных мигрантов это не характерно, так как, по их словам, у многих родители вполне обеспеченные люди и не нуждаются в материальной поддержке.

Выводы. По итогам анализа социально-пространственных связей успешных мигрантов из России и Украины можно сделать следующие выводы.

Тип и характер социально-пространственных связей успешных мигрантов в Германии определяется такими факторами, как используемый мигрантами канал миграции и причины миграции в Германию, тип миграционной биографии, период переезда в Германию и возраст мигранта.

По нашим наблюдениям, тип миграционной биографии напрямую связан с местом в иерархии населенных пунктов места рождения мигранта, а также с численностью населения в месте проживания в Германии, так как получение образования в России и Украине и поиск работы в Германии могут быть осуществлены только в достаточно крупных городах.

Разные группы успешных мигрантов, опять же в зависимости от канала и причины эмиграции, с разной степенью интенсивности включены в транснациональные социально-пространственные связи со страной выхода. Наиболее активно эмоциональный и функциональный тип трансграничных социально-пространственных связей со страной выхода поддерживают мигранты, использовавшие индивидуальные каналы миграции и приехавшие в Германию на учебу в университете или по академической линии.

Для этнических мигрантов, особенно участников еврейской эмиграции, характерны трансграничные социально-пространственные связи эмоционального характера с США и Израилем, частично – со страной выхода, а также со странами, где проживают их родственники и друзья, ранее проживавшие в России и Украине.

Вне зависимости от канала миграции, большая часть эмоциональных социально-пространственных связей, как локальных, так и региональных и трансграничных, приходится на социальных акторов, имеющих миграционный опыт. Можно говорить о том, что социально-пространственные связи формируются не хаотично, а по определенным закономерностям и с большей степенью вероятности между социальными акторами, которых можно отнести к сходным социально-культурным группам.

Пока мы не можем говорить об активном использовании мигрантами из России и Украины своего культурного капитала, полученного в Германии, в странах выхода. Также пока нельзя говорить о процессе «циркуляции мозгов», о котором пи-

шет А. Саксениан в отношении мигрантов из Юго-Восточной Азии, проживающих в США. Но анализ социальных связей успешных мигрантов позволяет говорить о уже сформировавшемся и достаточно устойчивом процессе «циркуляции эмоций» между Германией и этими странами, в который включены успешные эмигранты. Пока в социальных контактах этой группы эмигрантов преобладает эмоциональный тип связей, но возможно, что это необходимое условие для дальнейшего возникновения экономических, политических и других видов трансграничных связей между изучаемыми странами. Экономические трансграничные связи, в том числе денежная помощь родственникам, менее распространены среди успешных мигрантов, чем среди средне- и низкоквалифицированных мигрантов, что связано с более высоким статусом семей родителей успешных мигрантов.

Вероятнее всего, в перспективе трансграничные связи будут развивать не этнические эмигранты, а эмигранты, приезжающие в Германию по индивидуальным каналам миграции. Возможно, в дальнейшем они станут активными участниками «циркуляции мозгов», ведь эмигрантам из Юго-Восточной Азии на это также понадобилось несколько десятилетий, а Россия и Украина недавно стали участниками международных миграционных систем.

Библиографический список

1. Алешковский И. А. Иммиграционная политика и экономическое развитие стран принимающих мигрантов (на примере действия программы «Зеленая карта» в Германии) // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. – М.: МАКС Пресс, 2005. – С. 187–192.
2. Гапонова А. Ю. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: направления, масштабы, регулирование // Демоскоп Weekly. – 2010. – № 441–442. http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php
3. Глущенко Г.И. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №12. – С. 50–57.
4. Карачурина Л.Б. Иммиграционная политика Германии: успешный – неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №7. – С. 50–60.
5. Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России // Региональные исследования. – 2008. – №1 (16). – С. 31–37.
6. Полян П.М. Русскоговорящие иммигранты в Германии. Первые результаты социологического обследования, проведенного совместно с журналом «Партнер» // Демоскоп Weekly. – 2009. – № 375–376. http://demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php
7. Савоскул М.С. Особенности адаптации российских немцев в Вестфалии // Региональные исследования. – 2009. – №4–5 (25). – С. 61–73.
8. Bevoelkerung und Erwerbstaetigkeit. Auslaendischebevoelkerung. Ergebnisse des Auslaenderzentralregisters. Fachserie 1 Reihe 2, 2011. Statistisches Bundesamt. Wiesbaden. 2012.
9. Buergeramt Statistik und Wahlen. Materialen zur Stadt Beobachtung 13. Kapitel 2. Bevoelkerung. Frankfurt am Main. 2012.
10. Föbker S., Nipper J., Pfaffenbach C., Temme D., Thieme G., Weiss G. und C.-C. Wiegandt (2010): At Home Abroad? The Situation of Highly Skilled University Personnel in Germany // Geographische Rundschau international, Vol. 6, No. 3, 2010, p. 64–69.
11. Freund B. Hochqualifizierte Migranten im Rhein-Main-Gebiet // Frankfurter Statistische Berichte № 3. Frankfurt am Main, 2001.
12. Guenther G., 1998 Struktur und Segregation statushoher qualifizierte Migranten in Deutschen Grossstaedten // Berliner Geographische Arbeiten, Heft 86, S. 17–32.
13. Hess B. Bleiben Hochqualifizierte Zuwanderer in Deutschland? Befragungsergebnisse des Bundesamtes fuer Migra-tion und Fluechtlinge // Migration und Etnische Minderheiten. Band 2. GESIS – Leibniz Institute fuer Sozialwissenschaften und des Bundesamt fuer Migration und Fluechtlinge. Nuernberg, 2009.
14. Kulturelles Kapital in der Migration:hochqualifizierte Einwanderer und Einwandererinnen auf dem Arbeitsmarkt / Nohl A-M. (Hrsg.). Wiesbaden, 2010.
15. Lichtenstein V. Hochqualifizierte Arbeitsmigranten in Frankfurt am Main: globale Orte und alltaegliche lebensfuehrung. Diplomarbeit. Frankfurt am Main, 2008.
16. Migrationsbericht des Bundesamtes fuer Migration und Fluechtlinge im Auftrag der Bundesregierung. Bundesminisretium des Innern. Berlin, 2013.
17. Nohl A-M. (Hrsg.). Kulturelles Kapital in der Migration: hochqualifizierte Einwanderer und Einwandererinnen auf dem Arbeitsmarkt. Wiesbaden, 2010.
18. Saxenian A.L. The New Argonauts: regional advantage in a global economy. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2006.
19. Statistische Jahrbuch Frankfurt am Main, 2012.

Благовестова Т.Е., Школьников А.С. (Смоленск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА*

Blagovestova T.E., Shkolnikov A.S.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF LIFE QUALITY FOR SMOLENSK AREA: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASSESSMENT

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с оценкой территориальных различий качества жизни населения региона. Количественная оценка осуществлена с использованием системы обобщающих показателей, а также при помощи интегрального показателя – индекса качества жизни. Субъективная оценка проведена на основе результатов социологического опроса населения. В отличие от количественной оценки, субъективная не выявила явную зависимость качества жизни от экономического и социального развития территории. На основе проведенного исследования построены рейтинги муниципальных образований региона по качеству жизни населения.*

Abstract. *The article discusses some issues related to assessment of regional differences of life quality in the area. Quantitative evaluation was carried out with a help of general indicators system, an integral index – life quality index being used. Subjective evaluation was based on the results of the public opinion poll. In contrast to the quantitative evaluation, the subjective one revealed no explicit dependence of the life quality on the economic and social development of the territory. On the basis of the research ratings of the regional municipal entities on the life quality of the population were built.*

Ключевые слова: *качество жизни населения, качество населения региона, качество среды жизни, методы объективной и субъективной оценки, рейтинги муниципальных образований, Смоленская область.*

Keywords: *life quality, population quality of a region, the quality of living environment, objective and subjective evaluation methods, territorial differentiation, municipal entities ratings, Smolensk region.*

Проблема территориальной справедливости, усиливающийся регионализм общественного сознания во всем мире, в том числе и в России, свидетельствует о необходимости переосмысления роли территориального фактора общественного развития. Одной из ключевых целей в государственной политике России является поворот системы территориального управления «лицом к человеку». Решение этого вопроса необходимо не только на федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях. Ведь если межрегиональные контрасты более очевидны и порой доходят до лиц, принимающих решения, то огромные внутрирегиональные контрасты и ограничения развития всегда остаются за кадром, часто приводя к результатам, противоположным желаемым [8].

Конечной целью социально-экономического развития страны, ее регионов и отдельных муниципальных образований является обеспечение достаточно высокого уровня и качества жизни населения. В авторской трактовке качество жизни населения – это интегральная категория, отражающая степень социально-экономического развития общества как совокупности качества населения, качества среды жизни и качества деятельности населения и имеющая объективно-субъективный характер [2].

Итак, составными частями исследуемой категории являются: качество населения (демографические характеристики, здоровье, уровень образования); качество среды жизни (природно-экологические условия, экономическое развитие территории, развитость социальной инфраструктуры, уровень личной безопасности); качество деятельности (трудовой, отдыха, бытовой, духовно-культурной и общественно-политической). Качество жизни определяется не только объективным состоянием среды, качеством населения и его деятельности, но и субъективной оценкой этой среды населением, удовлетворенностью условиями жизни и социально-психологическим комфортом. Поэтому для выявления наиболее реальной картины качества жизни в регионе нужно применять методы и количественного, и качественного анализа.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-13-67002 «Качество жизни населения Смоленской области: усиление территориальных различий»

Методика объективной оценки качества жизни населения. Комплексная количественная оценка качества жизни населения может быть произведена двумя способами:

- 1) с использованием системы обобщающих показателей;
- 2) с помощью интегрального показателя – индекса качества жизни. Последний решает задачи сравнительного территориального и временного анализа. Основными методическими проблемами исследования является отбор частных показателей качества жизни, определение их значимости (весомости) для расчета интегрального показателя, поиск референтных точек для нормирования показателей.

Для оценки качества жизни в муниципальных образованиях Смоленской области были использованы 19 показателей. Их набор обусловлен структурой категории «качество жизни населения» и наличием данных официальной статистики в исследуемом временном периоде. По этой же причине в расчетах блок «Качество деятельности населения» представлен ограниченным числом показателей. В качестве референтных точек для ряда показателей при расчетах стали лучшие (худшие) показатели по регионам России либо по муниципальным образованиям области. Для долевых показателей референтными точками явились 0% и 100% (табл. 1).

В работе использовалось сочетание четырех способов балльной оценки (обусловленных четырьмя способами взвешивания показателей – с помощью корреляционного анализа, с помощью эталона, на основе структурно-логического анализа и без взве-

Таблица 1

Референтные точки частных показателей качества жизни населения (на муниципальном уровне)

Частные показатели	Референтные точки	
	max	min
Качество населения		
1. Доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения	30	10
2. Коэффициент младенческой смертности*	35	0
3. Заболеваемость детей (на 1000 детского населения)*	3500	100
4. Заболеваемость взрослого населения (на 1000 чел.)*	2100	100
5. Уровень образования населения (численность населения, имеющего высшее и среднее профессиональное образование на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше)	750	0
Качество среды жизни		
6. Объем производства товаров и услуг на душу населения, тыс. долл.США	35000	0
7. Уровень безработицы, %*	10	0
8. Обеспеченность врачами на 10 тыс. населения	122	0
9.Обеспеченность детей дошкольными образовательными учреждениями, в % от численности детей соответствующего возраста	100	0
10. Доля жилого фонда, оборудованного канализацией, %	100	0
11. Доля газифицированного жилого фонда, %	100	0
12. Число спортивных площадок и полей на 10 тыс. населения	80	0
13. Библиотечный фонд на 1000 чел. населения, тыс. экз.	19600	0
14. Плотность автодорог общего пользования на 1000 км^2 территории, км	320	0
15. Доля населения, проживающего в нас. пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) ж/д сообщения с административным центром городского округа (муниц. района), в общей численности населения городского округа (муниц. района) , % *	25	0
16. Число зарегистрированных преступлений на 1000 чел. населения*	30	0
17. Показатель выбросов в атмосферу от стационарных источников загрязнения, т*	21	0
Качество деятельности населения		
18. Отношение заработной платы к прожиточному минимуму, раз	6	1
19. Число автомобилей на 1000 чел. населения	330	0

* – обратный показатель (максимальное значение является худшим, а минимальное – лучшим).

шивания). Расчет проводился по формуле балльной оценки [1, 9]:

$$КЖ_i = \sum_{j=1}^{n} I_j \bar{a}_{ij}, \quad (1)$$

где $\bar{a}_{ij}$ – нормализованное (т. е. приведенное к шкале [0;1]) значение j-го показателя i-ой операционно-территориальной единицы (ОТЕ); i, j = 1, 2, 3, …, n; n – число ОТЕ и базисных показателей соответственно; I_j – базовый весовой коэффициент j-го показателя; $КЖ_i$ – качество жизни населения i-ой ОТЕ.

Нормирование производили по стандартной формуле нормирования [1, 5]:

$$\bar{a}_{ij} = \frac{a_{ij} - a_{j\min}}{a_{j\max} - a_{j\min}}, \quad (2)$$

где a_{ij}, $a_{j\min}$, $a_{j\max}$ – соответственно фактическое, минимальное и максимальное значение показателя.

Для обратных показателей a_{ij} находили вычитанием из единицы значения формулы (2). Далее определяли вес каждого из четырех промежуточных способов расчета, а затем находили интегральный показатель качества жизни населения по формуле (1), где $\bar{a}_{ij}$ – промежуточный результат расчета качества жизни, I_j – вес каждого из четырех способов расчета.

Объективная оценка качества жизни населения Смоленской области. Исследуя качество жизни населения Смоленской области по структурным блокам в 2012 г., была выявлена территориальная дифференциация **по качеству населения**. Она обусловлена различиями в демографической ситуации, пониженным уровнем здоровья (повышенными показателями заболеваемости, значительной младенческой смертностью), средним по области или пониженным уровнем образования в одних районах и положительными тенденциями показателей в других. Лидерами по качеству населения в 2012 г. были г. Десногорск и Кардымовский район. Лидерство Десногорска объясняется традиционно для этого города самой высокой по области долей молодежи в возрастной структуре населения – 16,1% (аналогичный показатель только в Новодугинском и Сычевском районах, хотя в 1995 г. этот показатель в Десногорске вообще составлял 27,7%), невысокой младенческой смертностью, низкими показателями детской и взрослой заболеваемости, высоким уровнем образования (почти на уровне областного центра). Высокие показатели Кардымовского района обусловлены отсутствием младенческой смертности (что наблюдается здесь в последние два года), низкой заболеваемостью взрослого населения, долей молодежи выше среднего по области). Говоря о младенческой смертности в регионе, следует отметить, что в 2012 г. в ряде районов она отсутствовала вообще (в Велижском, Ершичском, Глинковском), что в итоге положительно сказалось на индексе качества населения. Аутсайдерами по блоку «Качество населения» явились Ельнинский и Починковский районы, а также г. Смоленск. В Ельнинском районе в 2012 г. показатель младенческой смертности был самым высоким в регионе (23,4‰ при среднем по региону 9,6‰), а Починковский район, имея среднеобластное значение доли молодежи, по остальным показателям качества населения имел значения хуже среднего по региону (например, младенческая смертность здесь была в 2 раза выше). Конечно, имеющийся набор официальных данных в разрезе муниципальных образований не совсем верно отражает имеющееся качество проживающего там населения, поскольку, например, самые высокие показатели детской и взрослой заболеваемости в областном центре объясняются близостью центров оказания медицинских услуг (в отличие от сельских территорий районов). Отсутствие поликлиник, фельдшерско-акушерских пунктов, транспортная недоступность создают на селе условия, при которых местное население вынуждено лечиться «на дому». Вместе с тем, Смоленск является лидером по уровню образования населения, по этому показателю на 23% превышая среднеобластное значение, что не удивительно для региональной столицы. Благодаря высоким показателям заболеваемости и одной из самых низких долей молодежи в возрастной структуре (13%) Смоленск не смог опередить Десногорск при расчете интегрального показателя качества жизни населения.

Анализ показывает, что главными факторами, снижающими качество населения области, являются неудовлетворительная демографическая ситуация, в большей степени обусловленная естественным сокращением

населения в исследуемый временной период (особенно в периферийных районах), старение населения; высокая детская заболеваемость. Общая тенденция – с нарастанием периферийности районов уровень заболеваемости населения падает. Это обусловлено не лучшими показателями здоровья населения, а меньшей обращаемостью жителей в специализированные учреждения за медицинской помощью. По мнению В.Г. Глушковой и О.Б. Хоревой, в России необходимо разрабатывать законодательно-нормативные основы государственной семейной политики, в которой должны быть обозначены социальные стандарты качества жизни, подходы к решению вопросов социального развития и защиты семьи [3].

Повышенное **качество среды жизни** наблюдалось в наиболее экономически значимых городах области – Смоленске и Десногорске. Они являются лидерами практически по всем показателям качества среды, за исключением выбросов от стационарных источников (в региональной столице), в Смоленске также достаточно высокий, по сравнению с Десногорском, уровень преступности. В Десногорске качество экономической среды (в разрезе муниципальных образований можно проследить с помощью показателя «объем производства товаров и услуг на душу населения») выше, чем в Смоленске в 4,8 раза, что объясняется, прежде всего, специализацией города как центра атомной энергетики.

Низкое качество среды жизни и, прежде всего, социальной среды выявлено в периферийных сельскохозяйственных либо лесозаготовительных районах области: Глинковском, Угранском, Темкинском, Духовщинском и Ельнинском районах. Например, здесь наблюдаются самые низкие по области показатели: в Духовщинском районе – газификации жилья (64%), в Темкинском и Угранском – обеспеченности канализацией (12–16% при среднеобластном значении 62%), а также плотности автодорог, в Глинковском – уровень зарегистрированной безработицы (6,6%), в Ельнинском – обеспеченность детскими садами (28,9% при среднеобластном значении 62,5%), в Ельнинском и Темкинском – объем производства товаров и услуг на душу населения. И это – при высоком уровне газификации жилья почти во всех районах-аутсайдерах (свыше 90%, а в Ельнинском – 99,3%) и фактическом отсутствии выбросов от стационарных источников в Глинковском, Угранском и Темкинском районах. Т. е. экологическая составляющая качества среды традиционно имеет обратную зависимость от экономической и социальной составляющих.

Обращает на себя внимание также и высокая доля населения, не имеющая постоянного автобусного либо ж/д сообщения с центром района (в среднем по области этот показатель равен 4,8%). Однако, в Глинковском районе он составляет 20,3%, в Демидовском и Темкинском – по 11%. В таких условиях сложно посещать пункты бытового обслуживания, магазины, отделение связи, банк и прочие учреждения, которые в связи с уменьшением численности населения, низкой его активностью реорганизуются, перемещаются в более крупные населенные пункты либо райцентр. Отсутствие дорог и распад сельской инфраструктуры усиливали деградацию нежизнеспособных поселений в глубинке и давали дополнительные стимулы оттока населения. За последние годы увеличилась миграция населения из депрессивных районов в крупные населённые пункты с более развитой инфраструктурой, что показывают данные статистики: например, впервые за два десятилетия в областном центре наблюдается положительная динамика населения – за период с 2009 по 2012 г. число постоянно проживающих жителей в Смоленске увеличилось почти на 14000 (+4,4%) и достигло отметки в 330 тыс. чел. Дополнительными драйверами роста качества жизни в городе являются многочисленные инфраструктурные проекты, среди которых строительство новых жилых кварталов, как в центре, так и на периферии городской агломерации. Также для Смоленска типично поглощение городом близлежащих населённых пунктов, и особенно промежуточных территорий, что оказывает положительное влияние на значительную часть Смоленского и Кардымовского районов. Параллельно развивающийся процесс субурбанизации имеет перспективы развития в ближайшие десятилетия [11]. В то же время уменьшение количества населения в ряде «отстающих» районов отбивает у властей всякие стимулы обустройства территории. По мнению Т.Г. Нефедовой, наша необустроенность не есть результат какой-то особой бедности. Здесь сошлись, с

одной стороны, бытовая непритязательность и терпение местного населения, а с другой, – система приоритетов власти, для которой насущные нужды населения были на последнем месте [8]. Таким образом, налицо кризисное состояние социальной инфраструктуры в периферийных, и прежде всего, сельских районах Смоленщины. Аналогичные проблемы выявлены и в ряде других регионов России, например, в Курганской области [4].

Инфраструктурная необустроенность территории непосредственно влияет на качество экономической среды в районах-аутсайдерах. Большинство сельскохозяйственных предприятий здесь находится в тяжелом экономическом и финансовом кризисе, имеют очень низкую продуктивность, большая часть их земель заброшена и не обрабатывается.

Территориальные различия муниципальных образований **по качеству деятельности населения** обусловлены уровнями заработной платы и автомобилизации населения (оценить качество досуга и отдыха, быта, бюджет времени населения не представилось возможным в связи с отсутствием данных официальной статистики). Лидерами по данному блоку в 2012 г. являлись города Десногорск и Смоленск, причем по уровню зарплаты первый обогнал областной центр в 1,5 раза (4,8 прожиточных минимума против 3,3 в Смоленске). Худшие показатели качества деятельности оказались в Руднянском, Угранском, Темкинском и Кардымовском районах, что обусловлено низкими значениями обоих показателей.

На основе описанной выше методики нами была проведена оценка качества жизни населения региона во временном аспекте – в 1995, 2002, 2007 и 2012 гг**. По интегральному показателю качества жизни** (ИПКЖ) все районы области были разделены на 6 типов (рис. 1 и 2): с низким, пониженным, ниже среднего по области, средним по области, выше среднего и повышенным индексом качества жизни. Видно, что с 1995 по 2012 г. качество жизни улучшилось у жителей всех районов области. За этот период все районы перешли в следующую, более высокую по качеству жизни группу, а Холм-Жирковский и Шумячский районы даже переместились на две группы выше. К 2012 г. в области исчезла группа районов с худшим по области – низким качеством жизни (в 1995 г. она была представлена шестью муниципальными образованиями). Проведенная оценка показала, что более высокое качество жизни характерно для города особого статуса – центра атомной энергетики Десногорска и областного центра, а также примагистральных районов области. Пониженный и ниже среднего по области ИПКЖ наблюдается в приграничных межмагистральных либо внутренних депрессивных районах области. По сравнению с 2007 г., в регионе уменьшилось число районов с таким ИПКЖ (в 2007 г. их было 2/3 от общего числа муниципальных образований, а в 2012 г. осталось всего 6). Наибольшая по численности группа – со средним по области индексом качества жизни (18 районов).

Таким образом, налицо сглаживание статистических различий между районами (рис. 2). Однако, соглашаясь с Т.Г. Нефедовой и несколько перефразируя ее, отметим, что это не означает сглаживания контрастов между пригородами крупных и средних городов (либо райцентром-малым городом) и периферией, просто они увеличиваются на локальном уровне: в глубинке в отличие от пригородов остается 1–2 предприятия среди полного социально-экономического упадка на значительной части территории района [8].

На основе рассчитанного авторами индекса ИПКЖ был составлен рейтинг муниципальных образований Смоленской области по качеству жизни населения (табл. 2).

Он свидетельствует о том, что за годы исследования семерка лидеров по качеству жизни осталась практически неизменной. Обращает на себя внимание ухудшение положения в рейтинге Вяземского района. В семерке аутсайдеров произошли некоторые изменения: ухудшил свои позиции Демидовский район и попал в эту группу, вместе с тем, отсюда «выбыл» Монастырщинский район.

Таким образом, территориальная дифференциация качества жизни населения региона обусловлена географическим положением муниципальных образований (прежде всего, по отношению к «коридорам роста» региона – транспортному коридору М1 и субмеридианальной трассе Витебск–Брянск), экономической специализацией территорий, уровнем здоровья, образования и материального благосостояния населения. Наиболее острыми проблемами качества жизни в регионе являются значительное отставание по эконо-

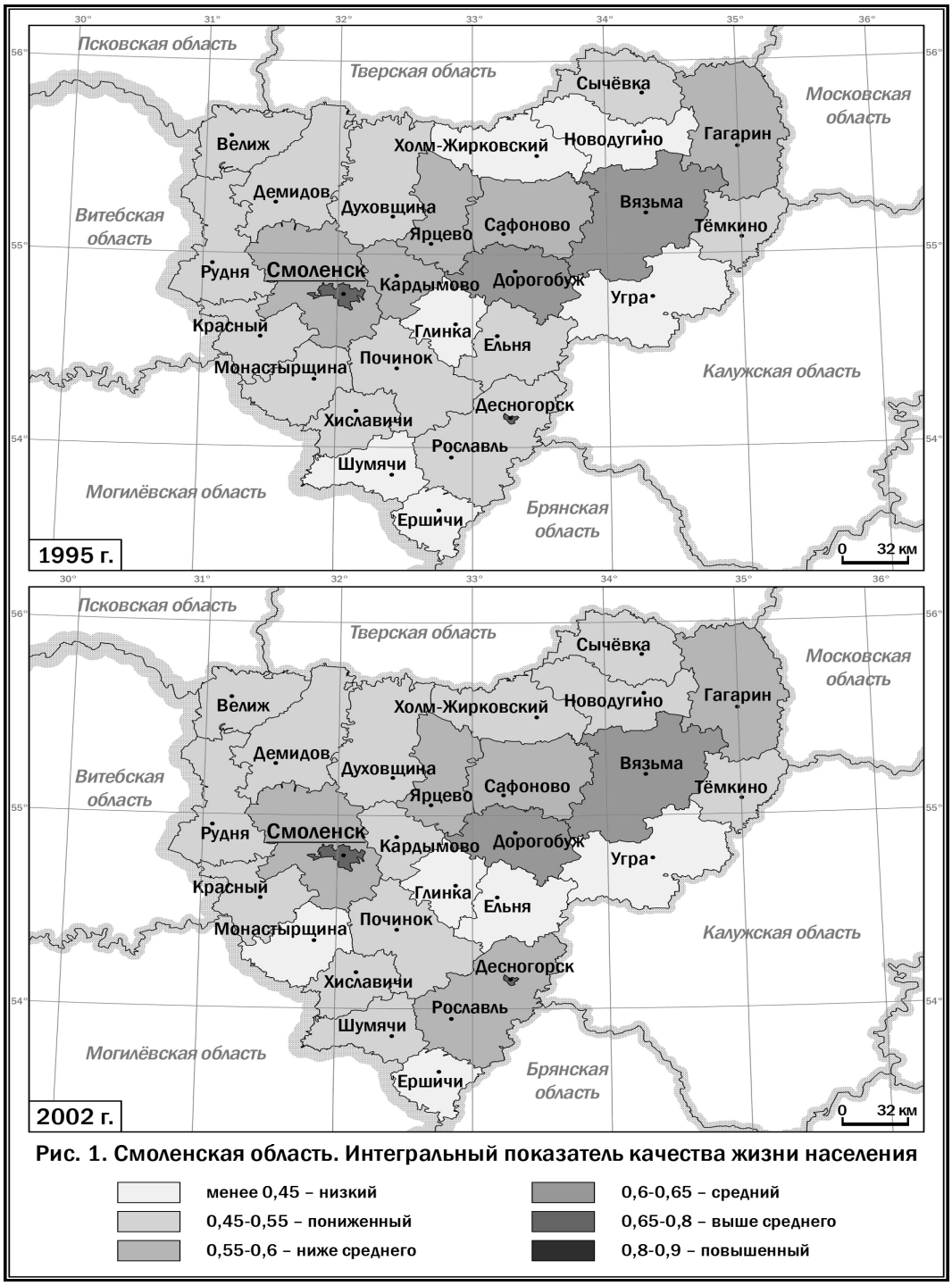


Рис. 1. Смоленская область. Интегральный показатель качества жизни населения

мическому и инфраструктурному развитию сельских районов от городов и районов, центрами которых являются города.

Субъективная оценка качества жизни населения Смоленской области. Для категории «качество жизни населения» как объективно-субъективной характеристики необходимо проводить также и субъективную оценку, т. е. выявлять степень удовлетворенности людей своей жизнью. Некоторые отечественные экономико-географы и экономисты обращают внимание на то, что не всегда люди, находящиеся в лучших материальных

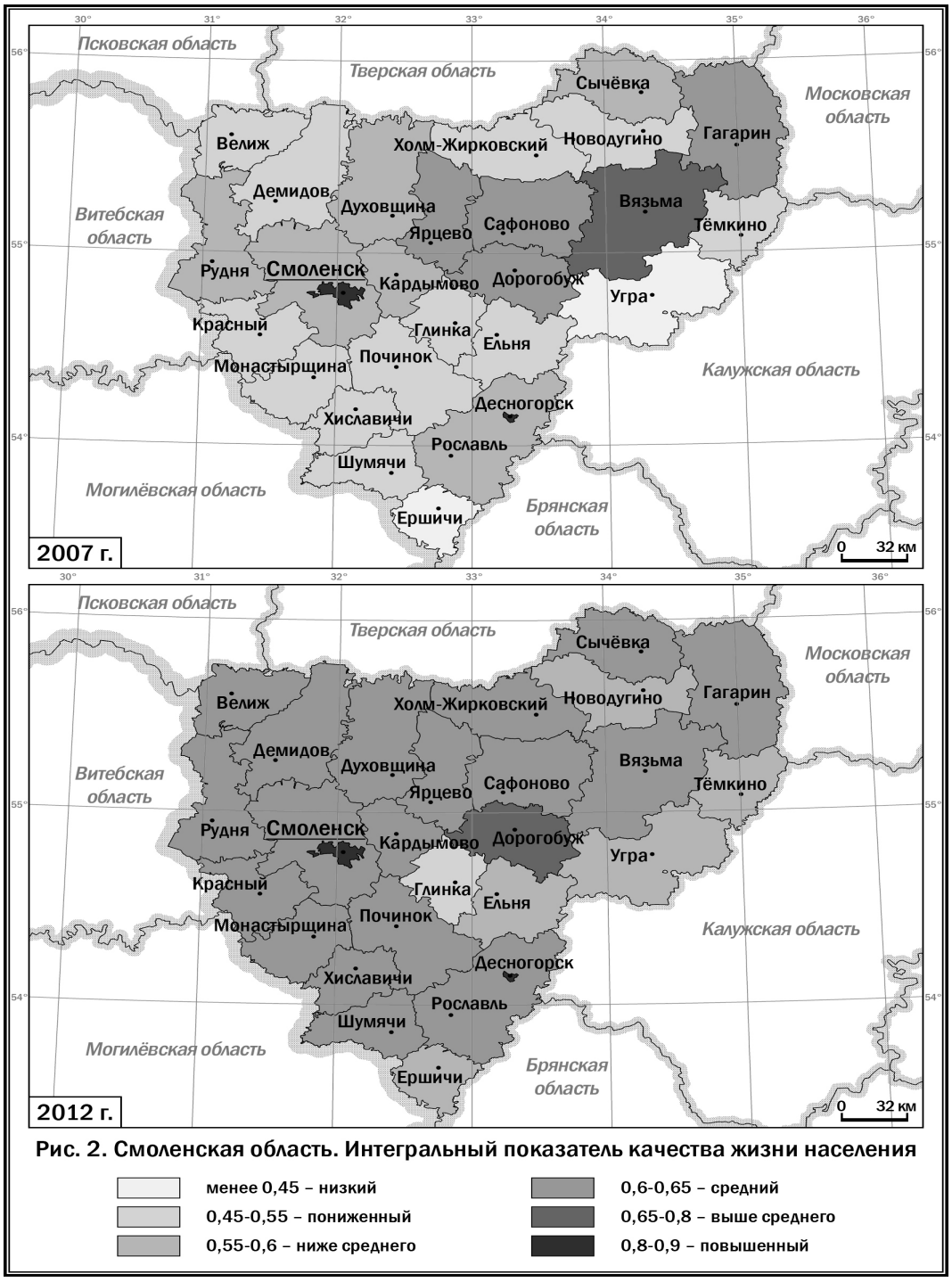


Рис. 2. Смоленская область. Интегральный показатель качества жизни населения

менее 0,45 – низкий
0,45-0,55 – пониженный
0,55-0,6 – ниже среднего
0,6-0,65 – средний
0,65-0,8 – выше среднего
0,8-0,9 – повышенный

условиях жизни, более удовлетворены ею, чем находящиеся в относительно худших условиях [1, 6, 7].

Исследования субъективных мнений жителей о качестве жизни в том населенном пункте, в котором проживают именно они, представляют собой особый пласт в изучении качества жизни. С помощью этих мнений можно выявить особенности регионального менталитета. По А.А. Ткаченко, региональный менталитет как составная часть регионального сознания представляет собой специфическое мироощущение, свойственное жителям определенной местности, а также

Таблица 2

Рейтинг районов Смоленской области по качеству жизни населения в 1995, 2002, 2007 и 2012 гг.

Места	1995	2002	2007	2012
1.	г. Десногорск	г. Десногорск	г. Смоленск	г. Десногорск
2.	г. Смоленск	г. Смоленск	г. Десногорск	г. Смоленск
3.	Дорогобужский	Дорогобужский	Вяземский	Дорогобужский
4.	Вяземский	Вяземский	Дорогобужский	Сафоновский
5.	Ярцевский	Ярцевский	Сафоновский	Ярцевский
6.	Сафоновский	Сафоновский	Ярцевский	Гагаринский Вяземский
7.	Смоленский	Рославльский	Гагаринский	
8.	Гагаринский	Гагаринский	Смоленский	Кардымовский
9.	Кардымовский	Смоленский	Рославльский	Холм-Жирковский
10.	Рославльский	Руднянский Сычевский	Духовщинский	Рославльский Смоленский
11.	Духовщинский		Кардымовский	
12.	Починковский	Духовщинский Краснинский	Руднянский Сычевский	Починковский
13.	Ельнинский			Монастырщинский
14.	Краснинский	Починковский	Краснинский	Хиславичский
15.	Демидовский	Кардымовский	Починковский	Шумячский Велижский
16.	Хиславичский	Холм-Жирковский	Холм-Жирковский	
17.	Велижский	Демидовский	Велижский	Краснинский Руднянский
18.	Руднянский	Темкинский	Демидовский	
19.	Темкинский	Хиславичский	Шумячский	Сычевский
20.	Сычевский	Новодугинский	Темкинский	Духовщинский
21.	Монастырщинский	Шумячский	Хиславичский	Демидовский
22.	Глинковский Ершичский	Велижский	Монастырщинский	Ершичский
23.		Глинковский Ершичский	Новодугинский	Новодугинский
24.	Холм-Жирковский		Глинковский Ельнинский	Ельнинский
25.	Новодугинский	Монастырщинский		Темкинский
26.	Шумячский	Ельнинский	Ершичский	Угранский
27.	Угранский	Угранский	Угранский	Глинковский

характерная для них система ценностей и вытекающих из нее оценок, установок и т.п. [10].

С целью осуществления субъективной оценки качества жизни в 10 муниципальных образованиях области весной 2014 г. нами был проведен социологический опрос населения (в г. Смоленске, Велижском, Вяземском, Ершичском, Краснинском, Монастырщинском, Рославльском, Сычевском, Угранском и Ярцевском районах). Выбор муниципальных образований (МО) был обусловлен их географическим положением (в разных частях области). В каждом районе было опрошено 100 чел. с учетом половозрастной структуры населения (в Смоленске – 300 чел., что обусловлено большей численностью населения). Респондентам были заданы 12 вопросов с пятью предполагаемыми ответами каждый (о демографической ситуации в районе, уровне и качестве образования, медицинском обслуживании, занятости и доходах населения, жилищных условиях, общественной безопасности в районе и др.). За лучший с позиций качества жизни ответ присваивался 1 балл, за худший – 5 баллов. В результате наилучшее среднее по всем вопросам анкеты составляло 12 баллов, наихудшее – 60 баллов. По итогам опроса был составлен рейтинг муниципальных образований (табл. 3).

Интересно, что респонденты во всех районах ответили в промежутке ответов между «среднее» и «выше среднего». Результаты рейтинга показывают, что аутсайдерами по субъективной оценке качества жизни населения явились Ершичский и Краснинский районы, а лидером – Вяземский район. Высокая удовлетворенность качеством жизни в Вяземском районе связана с превращением востока области в

Таблица 3

Рейтинг отдельных МО Смоленской области по качеству жизни населения в 2014 г. по результатам социологического опроса

Место	Название муниципального образования	Количество баллов
1.	Вяземский район	33,31
2.	Угранский район	33,77
3.	г. Смоленск	34,6
4.	Ярцевский район	34,8
5.	Сычевский район	37,33
6.	Рославльский район	37,62
7.	Велижский район	37,98
8.	Монастырщинский район	39,04
9.	Ершичский район	39,83
10.	Краснинский район	40,91

Таблица 4

Результаты анкетирования: наиболее часто встречаемые ответы

Название муниципального образования	Демография	Уровень образования	Качество образования	Занятость	Доходы	Здоровье	Уровень мед.обслуживания	Жилищные условия	Эколог.ситуация	Общест.безопасность	Кач.жизни за послед. 5-7 лет	Настроение на будущее
Вяземский	*2*	3	3	*2*	3	3	3	3	*2*	3	3	*2*
Угранский	3	3	3	3	3	3	**4**	3	*2*	3	3	3
г. Смоленск	*2*	3	3	3	3	3	3	3	*2*	3	3	**4**
Ярцевский	*2*	3	3	3	3	3	**4**	3	*2*	3	3	**4**
Сычевский	*2*	3	3	3	3	3	3	3	*2*	3	3	**4**
Рославльский	*2*	3	3	**4**	3	3	**4**	3	3	3	3	**4**
Велижский	3	3	3	3	3	3	**4**	3	*2*	3	**4**	**4**
Монастырщинский	3	3	3	**4**	3	3	3	3	*2*	3	**4**	**4**
Ершичский	**4**	3	3	**4**	3	**4**	**4**	**4**	3	3	3	**4**
Краснинский	**4**	3	3	3	**4**	3	3	**4**	3	3	**4**	**4**
Итоговый балл вопроса по всем МО	*27*	30	30	32	31	31	35	32	23	30	33	**37**

* – жирным шрифтом отмечены худшие значения, курсивом – лучшие.

отдаленную периферию Московской агломерации и сопутствующим улучшением показателей качества образования, занятости и уровня доходов. Парадоксально высокую оценку качества жизни, данную населением Угранского района, можно назвать особенностью регионального менталитета. Она выше, чем оценка жителей областного центра. Это свидетельствует о субъективной стороне понятия «качество жизни». У горожан уровень притязаний значительно выше, чем у жителей села, потребности имеют более разветвленную структуру. Жители городов более мобильны, чаще выезжают за пределы своего района и о качестве жизни в своем городе могут судить, сравнивая его с другими городами страны. Поэтому качество жизни они оценили ниже, чем селяне. Такие же противоречия обнаруживаются и при сравнении качественной оценки качества жизни с количественной (табл. 2 и 3), где в рейтинге Угранский район занимает предпоследнее место в области. По результатам

опроса также обогнали своих соседей по первому рейтингу Вяземский, Сычевский и Велижский районы.

Опрос показал, что при достаточно высокой оценке населением качества жизни в своих муниципальных образованиях (везде «выше среднего»), настроение жителей в восьми из 10 районов, их социальное самочувствие определяется как «с тревогой о будущем и неуверенностью», т. е. у жителей наблюдается социально-психологический дискомфорт. Самыми проблемными сферами, по мнению респондентов, стали уровень медицинского обслуживания, жилищные условия и занятость; наименее волнующими – демографическая ситуация в районах и экологическое состояние среды (табл. 4).

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выявлены территориальные различия в качестве жизни населения. Они обусловлены разной степенью развития элементов социальной инфраструктуры, экономической и транспортной доступностью базовых услуг, а также особенностями регионального менталитета. По результатам официальной статистики за последние 5 лет произошло некоторое сглаживание территориальных различий по качеству жизни. Субъективная же оценка не показала явную зависимость качества жизни от экономического и социального развития муниципальных образований.

Библиографический список

1. Азгальдов Г.Г., Бобков В.Н. Квалиметрия жизни. – М.: Всероссийский центр уровня жизни; Ижевск: изд. Института экономики и управления, УдГУ, 2006. – 820 с.
2. Благовестова Т.Е. Развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа: дисс.…канд.геогр.наук. – Калининград, 2009. – 158 с.
3. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. – 2013. – 1 (39). – С. 68–72.
4. Завьялова О.Г., Менщикова Л.В. Сфера обслуживания как индикатор качества жизни (на примере Курганской области) // Региональные исследования. – 2013. – 1 (39). – С. 95–99.
5. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 262 с.
6. Мадюскин П.Н. Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России: дисс. … канд.геогр.наук. – М., 2005. – 184 с.
7. Маликов Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. - №2. – С.26–41.
8. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – №5(20). – С.14–30.
9. Саранча М.А. Уровень жизни населения: методика оценки // Социальная география регионов России и сопредельных территорий: фундаментальные и прикладные исследования: материалы II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Иркутск, 2008. – С. 38–41.
10. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995. – 155 с.
11. Школьников А.С. Географический прогноз развития Смоленска // Актуальные проблемы современной географии / Сборник научных статей. Вып. 5. – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 327–332.
12. База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс] URL: www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm
13. Сайт администрации Смоленской области [Электронный ресурс] URL: www.admin-smolensk.ru

ИСТОРИКО–ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Булгакова А.И. (Смоленск)

КАМЕРАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА, КОММЕРЧЕСКАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Bulgakova A.I.

CAMERAL STATISTICS AND COMMERCIAL GEOGRAPHY PARADIGMS IN DOMESTIC SOCIAL GEOGRAPHY XIX – EARLY XX CENTURY

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы истории общественной географии в XIX – начале XX века. Проведено сравнение двух парадигм в отечественной общественной географии XIX – начала XX века: парадигмы камеральной статистики и парадигмы коммерческой географии.*

Abstract*. The article deals with modern ideas about the nature of scientific schools and paradigms. On multiple selected criteria comparison was made between the two paradigms of national social geography of the XIX – beginning of XX century: cameral statistics paradigm and commercial geography paradigm.*

Ключевые слова: *история общественной географии, научные школы, парадигма, камеральная статистика, коммерческая география.*

Key words: *History of social geography, scientific schools, paradigm, cameral statistics, commercial geography.*

Несмотря на исключительную важность, вопросам становления и развития общественно-географической мысли до настоящего времени уделялось и уделяется недостаточно внимания. Большая часть фундаментальных трудов по истории отечественной общественно-географической мысли появилась еще в советское время. К ним следует отнести такие работы, как «Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв», «Экономическая география в СССР. История и современное состояние», монографию Ю.Г. Саушкина «История и методология географической науки» и ряд других [4, 13, 19, 20]. За последние десять лет к опубликованным фундаментальным трудам по истории общественной географии можно отнести, пожалуй, только монографию Е.Н. Перцика [11]. В отличие от природно-географического направления, вопросы истории отечественной общественно-географической мысли оказались и вне специальных диссертационных исследований. В какой-то степени они рассматривались «вскользь» лишь в диссертации А.П. Катровского, защищенной в Московском университете одиннадцать лет назад [8].

Вместе с тем, изучение дореволюционной общественно-географической науки XIX – начала XX в., чрезвычайно насыщенной событиями и идеями, представляет большой интерес. Именно в этот период времени в России происходит становление науки как социального института, появляются научные общества, первые научные школы, активно развивается отечественная научная мысль. Отечественная географическая мысль во многом развивалась под воздействием представлений западноевропейских учёных, но, тем не менее, сохранение специфических черт позволяет делать вывод о наличии российской географической традиции.

Одним из этапов в истории развития институциональных форм научной деятельности является становление университетской науки. Именно университеты стали «кузницами» становления науки в Российской империи. Несмотря на то, что первые университеты в России возникли в XVIII в., первые отечественные университетские научные школы стали формироваться только в XIX столетии. История развития любой науки есть сложный процесс развития научных школ с одной стороны, и смены парадигм с

другой. Поэтому и развитие общественно-географической науки следует рассматривать с двух сторон.

В отечественном науковедении актуальным является вопрос о сущности научных школ, сопутствующих процессу институционализации географической науки XIX – начала XX вв. По мнению Л.С. Абрамова, «существование научных школ было и остаётся одной из главных черт развития отечественной географии. Наличие разных школ, порой активно противостоящих друг другу, а по существу взаимно дополняющих, объясняет многие стороны сложного процесса развития отечественной географии» [1, с.14]. В общих чертах, под научной школой подразумевается «объединение учёных, часто ассоциирующееся с лидером, где наблюдается преемственность в разработке задач и методов научно-исследовательской работы» [17, с.229]. Отмечая трансформацию «феномена» научной школы, Р.А. Фандо говорит о том, что и в настоящее время «научная школа ассоциируется не только с учёными-лидерами и дисциплинарным направлением, но ещё и с историческим временем, а также с государством и национальными традициями» [17, с.229]. Трансформация понятия, по его мнению, проявилась, главным образом, в виде замены строго иерархических структур «сетевыми социальными структурами со многими центрами», что, в первую очередь, говорит о широкой специализации всех участников и наличии нескольких руководителей.

По мнению И.Г. Дежиной, «изучение основных категорий науки в России пошло по пути применения психологических наук, которые позволили объяснить феномен научного познания на основе трёх групп факторов», к которым она относит объективно-логические факторы развития научного познания, социально-научные факторы, личностные и психологические особенностей людей [15,с.8–9]. Таким образом, научная школа рассматривается не как явление, характерное в целом для мировой науки, а как феномен, обусловленный внутренней логикой развития науки, складывающийся на основе взаимодействия учёных, согласно социальным факторам конкретного исторического периода. По мнению А.А. Ткаченко «Школа может насчитывать несколько поколений и по принципу иерархичности – включать в себя школы учеников её создателя. Школы могут переплетаться, «скрещиваться». Это происходит в тех случаях, когда в силу особенности научной биографии один или несколько ученых считают себя представителями двух или более школ» [16, с.286].

Наличие различных точек зрения на процесс формирования научной школы и критериев её выделения говорит о том, что процесс выделения научных школ довольно сложен и во многом субъективен.

Общая модель историко-научного процесса, по мнению Т. Куна, состоит из двух основных этапов: «нормальной науки», где господствует «парадигма», и «научной революции», которая приводит к смене «парадигмы» и появлению нового знания. Чередование этих двух этапов и приводит к поступательному развитию научного знания, являясь процессом однонаправленным и необратимым [8].

Если существование научной школы трудно представить без научного лидера, основателя и идейного вдохновителя школы, то понятие «парадигма» менее привязано к наличию учёного-лидера. Под парадигмой понимается определённая программа, стратегия изучения, в которой роль и задачи географа изменяются в зависимости от потребностей общества. Причём, главными являются следующие особенности парадигмы:

- Наличие временного периода существования, в течение которого парадигма остаётся актуальной. С приходом нового социального заказа, новых требований общества и жизни, а так же в результате внутренних процессов развития науки, на смену старой парадигме приходит новая.
- Формирование научной парадигмы происходит под влияние определённых внешних и внутренних факторов. Согласно русской географической традиции, парадигма в географии, непосредственным образом должна отражать потребность государства на том или ином этапе его существования. Для географии, особенно для общественно-научной её составляющей, влияние запросов государства составляло первостепенное значение.
- Наличие научного сообщества, разделяющего данную парадигму.
- Наличие определённой программы исследования, представляющей собой набор идей, методов, способов работы, иными словами теоретический и методологический аппарат исследования.

Вместе с тем, недопустимо противопоставление научных школ и научных парадигм.

В рамках одной парадигмы возможно существование нескольких научных школ. Развитие научного знания представляет собой как процесс смены научных парадигм, так и развития в рамках отдельных научных школ. В процессе развития науки меняются представление о её предмете, целях, задачах, методах.

Сравним по указанным выше критериям две ключевые парадигмы отечественной общественной географии XIX в.: парадигму камеральной статистики и парадигму коммерческой географии.

Парадигма камеральной статистики получила широкое распространение в отечественной общественной географии в первой половины XIX в. (условно, 1815–1855 гг. – период максимальной активности). На данном этапе главная задача географов, в роли которых выступали преподаватели университетов, заключалась в систематизации материала, необходимого для работы правительства, а так же в подготовке грамотных чиновников. Начиная со второй половины 30-х гг. XIX в., и до начала XX в., в России под географией понимается наука физическая, преподавание которой осуществлялось совместно с физикой, а иногда и подменялось ею. Статистика выделилась в самостоятельную науку экономического цикла. Экономический элемент в географии продолжает присутствовать лишь в виде пункта плана комплексного описания территории при проведении региональных исследований, а так же в виде коммерческой географии – учебного предмета реальных училищ. Классические общественно-географические труды того времени часто даже в названии не содержали слово «география». Примером могут служить «Статистические очерки России» К.И. Арсеньева, «Статистическое описание Киевской губернии» Д.П. Журавского, «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» Я.А. Соловьева, вышедшие в 1848, 1852 и 1855 гг. соответственно, получившие высокие оценки Русского географического общества, а также множество других трудов. «Краткая всеобщая география» К.И. Арсеньева, впервые вышедшая в 1818 г., – один из немногих случаев исключения из данного правила.

Во второй половине XIX в., в связи с бурным развитием рыночных отношений, развитием торговли, растущей потребностью государства в образованных специалистах-коммерсантах, большое распространение получает коммерческая география. Данное название, как и область общественно-географического знания, просуществовали сравнительно недолго и уже в 20-е гг. XX в.утратили свою значимость в связи с тем, что содержание коммерческой географии вошло в экономическую географию. Таким образом, периодом существования парадигмы коммерческой географии в отечественной общественной географии можно считать вторую половину XIX в. – 20-е гг. XX в.

В России в научной среде Императорских университетов начала XIX века получила развитие парадигма камеральной статистики, или же, парадигма «немецкой университетской статистики». Именно в университетской среде, благодаря работам преподавателей, парадигма нашла своё отражение в систематизации накопленного ранее исследователями материала.

Парадигма коммерческой географии получает своё распространение среди преподавателей реальных училищ, в которых коммерческая география являлась учебным предметом, имеющее практическое значение. В своих руководствах, выходивших далеко за рамки товароведения, авторы пытались объяснить содержание, предмет, объект и задачи коммерческой географии.

Парадигма камеральной статистики в отечественной общественной географии формировалась под влиянием идей немецкой школы государствоведения, в частности, под влиянием трудов Г. Ахенвалля и А. Шлёцера. На труды Г. Ахенвалля ссылаются К.Ф. Герман и И.А. Гейм, считая, что именно ему принадлежит наиболее удачное определение понятия «статистика», под которой он понимал «основательное познание действительных достопримечательностей государства» [3, с.5]. Г. Ахенвалль полагал, что именно достопримечательности, имеющие непосредственное отношение к развитию государства и составляют основной предмет статистики. Большинство отечественных профессоров были хорошо знакомы с трудами немецких авторов, в частности, с трудами Г. Ахенвалля, А. Бюшинга, А. Шлёцера, А. Циммермана, И. Мейзеля, Р. Синклера и других. Однако, работая в духе камеральной статистики, отечественные авторы имели свои, несколько отличные взгляды на предмет и задачи статистики, а так же на отличие статистики от политической географии.

Камеральная статистика и коммерческая география были главными предшественницами современной экономической географии. Отмечая, что в виде этих направлений экономическая география впервые приобре-

ла «более оформленный и самостоятельный вид», Н.Н. Баранский при этом указывает на существенные отличия между экономической географией и её предшественницами. Так, по своей сути камеральная статистика представляла собой «описательное государствоведение» с незначительной долей использования географического элемента, а коммерческая география приравнивалась к товароведению [4].

Работы в области камеральной статистики представляли собой описание состояния и достижения государства в количественном отношении, использую в качестве источников отчёты статистических комитетов, состоящих на государственной службе. Как правило, это были работы, в которых приводилась количественная информация (иногда информация приводилась в табличной форме), по определённому плану. Содержание и объём данного плана находился в прямой зависимости от представления автора о предмете и объекте исследования статистики, которые нередко пересекался с предметом и объектом политической географии.

Предметом политической географией, по мнению Е.Ф. Зябловского, являлось государство или всякое благоустроенное общество [7, с.182] Статистику Е.Ф. Зябловский относил к особой исторической науке, вспомогательной для географии, наряду с математикой, физикой, историей, политикой, философией и технологией. «Хотя эта новая наука, – пишет он о статистике, – по содержанию своих предметов есть одна и та же политическая география, само определение её одно и то же, но цели разные. Поэтому географ, для большей точности описываемых им материй, заимствует сведения из статистики» [7, с.9]. Основные цели географии определялись Е.Ф. Зябловским как «польза географии», которая заключалась в познания промысла Творца, а также в практической значимости, прежде всего для государственных деятелей, военачальников и купцов [7, с.18–28].

Таким образом, Е.Ф. Зябловский, не видя принципиальной разницы между предметом изучения политической географии и статистики, подменял одно определение понятия другим. Кроме того, понятия «объект исследования» в данный период времени не существовало, вместо чего в трудах учёных данное понятие заменялось «предметом исследования». По мнению Е.Ф. Зябловского, цели политической географии несколько шире целей статистики и, следовательно, политическая география может использовать сведения статистики как науки вспомогательной для решения, прежде всего, практических задач изучения территории государств [7].

К.Ф. Герман видел отличие политической географии от статистики в предмете описания. Так, если предметом статистики является государство, то предметом географии, в том числе политической, выступает Земля. «Земля везде есть, – писал К.Ф. Герман, – но только очень не большая часть имеет государства» [6, с.51]. Так как описание Земли в математическом, физическом и политическом отношении может касаться земель, на которых люди живут без всякой общественной связи и вне государства, то география обладает более широким предметом описания, чем главным образом и отличается от статистики [6].

Ученик К.Ф. Германа, К.И. Арсеньев считал, что статистика не только должна излагать фактический материал, но и давать политическую и экономическую оценку фактов. Суть предмета политической географии состоит в «описании людей, живущих в состоянии дикости, или необразованности, и в устроенных гражданских обществах; разных образов правления государств, их населённости, вероисповедания народов, просвещения, промышленности, торговли и политических связей одного народа с другим» [2, с. 3]. Таким образом, как и его учитель, К.И. Арсеньев считал статистику политической наукой, призванной не только описывать состояние государства, но и объяснять причины имеющихся фактов. География в этом отношении представляет собой описание не только государств, но и территорий, не входящих в состав государств, поэтому и имеет второе название «землеописание».

И.А. Гейм считал, что «землеописание, или география, имеющая в качестве своего предмета Землю, которую она описывает по величине и по естественному свойству и состоянию, является, наряду с топографией, этнографией и историей, вспомогательной наукой статистики. [5, с.11] Помимо этого, топография, этнография и хорография, то есть описание какой-либо страны, представляют собой часть политической географии, которая, в свою очередь, занимается описанием известных земель, государств и их жителей. «Статистика, – пишет И.А. Гейм, не есть отрасль землеописания», напротив же, география предоставляет для статистики важные сведения и поэтому является для неё вспомогательной наукой. [5, с.11] Кроме

того, статистическое описание включает сведения, не относящиеся к политической географии, а именно сведения об управлении, финансах, военных силах государства.

Различие точек зрения преподавателей университетов данного периода, говорит о неоднозначности и неопределённости теоретических основ географии и статистики, что приводило нередко к подмене одного понятия другим.

Если работы в области камеральной статистики представляли собой своеобразную опись имущества государства, то работы в области коммерческой географии, представляли собой руководства с элементами товароведения, логистики и географии хозяйства. Задача заключалась не просто в описании, а в связи всех рассматриваемых элементов для выполнения конечной цели – производства, перераспределения и реализации товара. Содержание руководства по коммерческой географии напрямую зависело от содержания, предмета и объекта науки коммерческой географии.

Автор одного из первых учебников коммерческой географии, появившегося в 1888 г., Д.Д. Морев, считал, что определение коммерческой географии как науки, призванной описывать торговые сношения разных народов, не исчерпывает всё её содержание. По его мнению, эта наука включает в себя рассмотрение следующих вопросов:

1) обмен продуктов по их роду, количеству и ценности;

2) пути, по которым совершаются торговые движения (моря, реки, дороги);

3) «средства», которыми пользуются при торговле, а именно почта, телеграф, банки и прочие учреждения;

4) «главные виды добывающей и обрабатывающей промышленности». [10, с.1]

Подводя, таким образом, к пониманию коммерческой географии как науки, изображающей все хозяйственные отношения страны, в их связи с географией, политическими и культурными условиями, Д.Д. Морев предлагал называть данную науку «хозяйственной географией». Предметом изучения хозяйственной географии, как и политической экономии, по его мнению, является народное хозяйство. Разница их состоит в том, что «политическая экономия исследует общие законы и условия хозяйства, безотносительно к месту, времени, тому или другому народу; между тем, как коммерческая география изображает экономическое состояние народов в данное время и в данной стране» [10, с.2]. Принципиальным является то, что хозяйственная география является наукой географической и содержит территориальный аспект, в отличие от политической экономии.

М.Н. Соболев (1902) вместо термина «коммерческая география» употребляет термин «хозяйственная география и статистика», которая занимается изучением хозяйственной деятельности человека, направленной на удовлетворение потребностей посредством затраты труда. В область ведения хозяйственной географии и статистики входит изучение «производства предметов, нужных человеку – что именно производится, где, в каких размерах, при каких условиях. Она рассматривает порядок, каким произведённые товары передвигаются от производителя к потребителю; здесь она изучает торговлю товарами…и те средства, которые находятся у людей для передвижения товаров с места на место» [14, с.1]. Таким образом, область изучения хозяйственной географии очень широка и включает в себя рассмотрение всех стадий существования продукции от её производства, до распределения, обмена и потребления. Предметом изучения хозяйственной географии, так же как и политической экономии, по мнению М.Н. Соболева, является хозяйственная деятельность людей. Разница между этими науками заключается в том, что хозяйственная география имеет описательно-наблюдательный характер и изучает единичные факты конкретной страны в современную эпоху, в то время как политическая экономия занимается изучением общих законов экономического развития [14].

Таким образом, в конце XIX в. предмет изучения коммерческой или же хозяйственной географии был очень широк. Обозначение хозяйственной деятельности в качестве предмета изучения и коммерческой географии, и политической экономии указывает на понимание коммерческой географии не только как географии торговых отношений, но и географии, изучающей всю хозяйственную деятельность человека, включая природные, политические и культурные предпосылки её развития. Главное же отличие коммерческой географии от наук экономических, заключается в территориальном аспекте географии.

Об отличиях коммерческой географии от географии хозяйственной писал А.И. Чевакинский (1909), сделавший акцент на изображение торговли в разных странах мира в качестве предмета изучения коммерческой географии. Считая географию фундаментом

торговой деятельности, А.И. Чевакинский полагал, что для коммерческой географии важными сведениями являются сведения о природе и об этнографических особенностях страны. Поэтому в качестве составных частей коммерческой географии он рассматривал четыре главных элемента: география страны, её население, объекты торговли и её обстановка. Таким образом, сузив предмет изучения коммерческой географии до изучения только лишь торговых отношений, А.И. Чевакинский рассматривал географию и население страны, как важные условия и факторы для развития диспропорций в производстве товаров и торговли [18]. Отдельно он выделяет экономическую географию, «черпающую своё содержание из наук экономических и антропогеографии» [18, с. IX]. Предметом изучения экономической географии, по его мнению, является хозяйственная деятельность населения, которую необходимо рассматривать в зависимости от природных условий. Отмечая связь экономической географии с географическими науками, А.И. Чевакинский особое внимание обращал на её принадлежность к дисциплинам экономическим наряду с политической экономией, экономической политикой и финансами [18].

Тот факт, что само понятие «коммерческая» география со временем стало подменяться понятием «хозяйственная» география, область рассмотрения которой значительно шире, указывает на некоторую родственную связь между современной общественно-географической наукой и коммерческой географией конца XIX – начала XX в. Коммерческая география стала базисом для зарождающейся в начале XX века экономической географии.

Таким образом, в XIX начале XX вв. были заложены основы отечественной общественной географии. Помимо указанных, в конце XIX в. в России получили распространение парадигмы антропогеографическая, географии человека и ряд других, включая регионоведческую. В конечном итоге, именно труды отечественных и зарубежных исследователей XIX – начала XX столетия стали основой для развития современной общественной географии.

Библиографический список

1. Абрамов Л.С. Методические подходы к исследованию научных школ и их роли в отечественной географии// Научные школы в географии: сборник статей. – М.: МФГО СССР, 1983. – С.7–22.
2. Арсеньев К.И. Краткая всеобщая география. – СПб., 1818. – 277 с.
3. Ахенвалль Г. Начертание истории нынешних знатнейших государств – СПб., 1779. – 344 с.
4. Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. – М.: Мысль, 1980. – 287 с.
5. Гейм И.А. Начертание всеобщего землеописания по новейшему разделению государств и земель. – СПб., 1819. – 492 с.
6. Герман К.Ф. Всеобщая теория статистики. – СПб., 1809. – 107 с.
7. Зябловский Е.Ф. Курс всеобщей географии по нынешнему политическому разделению. – СПб., 1818. – 320 с.
8. Катровский А.П. Развитие территориальной структуры высшей школы России / дисс. … докт. геогр наук. – М., 2003. – 395 с.
9. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. сост. В.Ю.Кузнецов – М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. – 608 с.
10. Морев Д.Д. Очерк коммерческой географии и хозяйственной статистики России сравнительно с другими государствами. – СПб., 1888. – 232 с.
11. Перцик Е.Н. Географическая мысль: история, проблемы, поиск решений. История и методология географической науки, географические аспекты развития городов и урбанизации. – М.: Мастер, 2013. – 428 с.
12. Плисецкий Е.Л. Коммерческая география России. Теоретические основы курса и методика обучения: монография. – М.: Финансовая Академия при Правительстве РФ, 2005. – 304 с.
13. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973, – 559 с.
14. Соболев М.Н. Коммерческая география России. Очерк хозяйственной статистики и географии России сравнительно с иностранными государствами. – Томск, 1902. – 244 с.
15. Дежина И.Г., Киселёва В.В. Тенденции развития научных школ в современной России. – М.: ИЭПП, 2009. – 164с.
16. Ткаченко А.А. О научных школах в современной отечественной географии человека // Социально-экономическая география история, теория, методы, практика: Сборник научных статей. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 283–287.
17. Фандо Р.А. Пути трансформации феномена «научной школы» // ИИЕТ РАН. Годичная конференция 2004г. – М.: Диполь-Т, 2004. – С. 225–229.
18. Чевакинский А.И. Коммерческая география России. Сравнительное обозрение с главнейшими государствами мира. – СПб., 1909. – 198 с.
19. Отечественные экономико-географы XVIII-XX вв». – М.: Учпедгиз. 1957. – 327 с.
20. Экономическая география в СССР. История и современное состояние. – М.: Просвещение,1965. – 663 с.

Шупер В.А. (Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НЕИЗВЕСТНОЕ НАСЛЕДИЕ М.К. ПЕТРОВА

Shuper V.A.

REGIONAL STUDIES: UNKNOWN HERITAGE M.K. PETROV

Аннотация. *Рассматривается наследие опального советского философа М.К. Петрова в области регионалистики. Им проведен ряд интереснейших аналогий между региональным развитием и развитием науки. Петров был противником фетишизации институтов как в экономике, так и в социологии. Он придавал первостепенное значение творчеству на индивидуальном и коллективном уровне. Региональное развитие, как и развитие науки, определяется требованиями «человекоразмерности» – соизмеримости с возможностями человека. С ней связано и распределение научных статей по цитируемости, и распределение городов по размеру. В обоих случаях распределение описывается правилом Ципфа.*

Abstract. *The article is dealing with the legacy of Michael Petrov, disgraced Soviet philosopher on the field of regional studies. Petrov have found some interesting analogies in development of science and regional development. He was strictly in opposition to the worship of institutions in the sociology and economics both. He attached greatest importance to the individual and collective creativity. The regional development as the development of the science should be commensurate with the human abilities. This fact determines the distribution of article's quotation and the distribution of city size according to the Zipf's rule.*

Ключевые слова: *региональное развитие, творчество, человекоразмерность, правило Ципфа.*
Key words: *regional development, creativity, adequacy to the human abilities, Zipf's rule.*

Представления о развитии науки как о рациональном процессе поступательного движения в явной или неявной форме исходят из мысли, лучше всего сформулированной К.М. фон Бэром (1792–1876): «Наука вечна в своём движении, неисчерпаема в своём истоке, неизмерима в своём объёме и недостижима в своей цели». Именно этот великий идеал вдохновляет и вдохновлял многие поколения учёных на подвижническое служение науке. Однако рациональность в значительно большей степени присуща реконструкциям развития науки, нежели ей самой. Историкам же науки по большей части приходится рационально объяснять шокирующую иррациональность развития самой рациональной из всех областей человеческого творчества.

Опала замечательного отечественного философа Михаила Константиновича Петрова (1923–1987), опубликовавшего при жизни всего 27 статей, да и то по преимуществу обзоров и рефератов, удивительным образом не только нанесла ущерб философии, но и принесла пользу географии. Ведь именно эта опала заставила его заняться проблемами регионального развития. Жизненный путь Петрова был прям и труден[1]. В 1941 г. студентом Ленинградского кораблестроительного института он был призван в армию, воевал на Ленинградском фронте в разведке, а благодаря исключительным способностям к языкам был в 1944 г. направлен в Военный институт иностранных языков, который и окончил с отличием. В 1956 г. демобилизовался и поступил в аспирантуру Института философии АН СССР, однако в 1959 г. не смог защитить кандидатскую диссертацию «Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода» из-за принципиальных расхождений с научным руководителем член-корр. АН СССР М.А. Дынником.

Но настоящие неприятности Петрова начались после того как он написал публицистическую повесть «Экзамен не состоялся» и направил её в 1960 г. с сопроводительным письмом Н.С. Хрущёву (1894–1971) в качестве вклада в дискуссию о демократизации партийной жизни и советского общества в целом в преддверии XXII Съезда КПСС. Петров был исключён из партии и уволен с работы, но в 1962 г. стал преподавать иностранные языки в Ростовском университете, а с 1965 г. смог читать и историко-философские курсы. В 1966 г. им была защищена первая в СССР науковедческая диссертация (кандидатская) «Философские проблемы науки о науке». Новая волна гонений обрушилась на Петрова после публикации им статьи «Предмет и цели

[1] Сведения биографического характера почерпнуты из предисловия В.В. Черноуса «Человекоразмерность – ключ к пониманию регионогенеза: незамеченный императив М.К. Петрова» к [8], а также из статьи, посвящённой М.К. Петрову, в Новой философской энциклопедии (т. III – М.: Мысль, 2001).

изучения истории философии» («Вопросы философии, 1969, №2), которая по указанию партийных органов была подвергнута осуждению в Институте философии АН СССР, а затем стала предметом разгромной критики в журнале «Коммунист». Петров был уволен из РГУ и стал работать в Северо-Кавказском научном центре высшей школы, где приобщился к исследованию проблем развития Северо-Кавказского экономического района, интересовавших его, конечно же, не в прикладном, а в методологическом аспекте.

Громадное наследие Петрова, состоящее из многих книг, важнейшая из которых [7] была завершена за год до смерти, было опубликовано только в девяностые и двухтысячные годы. Сейчас его творчеству посвящаются научные конференции, он занимает весьма почётное место в пантеоне отечественной философии [4], но географы так и не воспользовались его идеями [6,8]. Лучше сделать это поздно, чем никогда.

У географов есть хорошая поговорка: «Кто знает одну страну, не знает ни одной». Она вполне относится и к наукам. Подход Петрова к региональному развитию основан на поиске изоморфизма с развитием науки. Развивая те мысли, за которые был уволен из РГУ, он рассматривает и развитие науки, и региональное развитие как творческий процесс, в очередной раз выступая против экономического и социологического фетишизма, характерного как для Запада, так и для советской науки. Ныне эта фетишизация институтов полностью воспринята нашим либеральным мейнстримом в экономике и социологии. Нам уже третье десятилетие упорно вдалбливается примитивное представление об институтах как необходимом и достаточном условии развития. Эта точка зрения явно проистекает из трусливого желания, прежде всего, элиты снять с себя ответственность за развитие общества и переложить её на демократические институты.

Между тем институты сами по себе не могут обеспечить, ни общественное, ни региональное развитие. Они подобны парусам, которые должен наполнять ветер индивидуальной инициативы, как это имеет место в развитии науки. Для развития науки нужны, прежде всего, учёные, яркие таланты, а не институты, лаборатории, фонды и прочая инфраструктура. Именно эта идея положена Петровым в основу представлений о региональном развитии, о регионе как творчестве создающих его людей. Она очень созвучна представлениям А.Н. Пилясова об освоении территории как о венчурном процессе [9], причем Пилясов считает, что впервые эта мысль была высказана К.П. Космачёвым (1921–1988) [2]. Н.М. Сысоева [12] справедливо считает Космачёва одним из пионеров институционального анализа в экономической географии [3], однако, раньше, чем мы существенным образом продвинемся в институциональном анализе, перед нами вырастет новая гигантская проблема, которую осознавал и сам Космачёв: как ввести индивидуальное творчество отдельных людей в русло закономерного процесса регионального развития?

Петров видел выход в приложении к региональному развитию представлений о человекоразмерности, введенных им для анализа развития образования и науки. Одной из важнейших новаций в философии науки стало его представление о двух научных революциях, а не об одной, как это было принято считать ранее [7]. Для него наука Нового времени – не столько продолжение античной науки – Петров настоятельно предостерегал от быстрой езды по сетям цитирования от древних греков до современности, сколько порождение католицизма: «Лишенная прямого выхода в деятельность по производству материальных благ, лишенная семьи как традиционного воспитательного института, духовная профессия начала приобретать явные черты дисциплинарности: создавать те процедуры обучения, оценки, признания, которыми мы пользуемся и сегодня. Диссертация, защита, диспут, звание, сеть цитирования, научный аппарат, объяснение с современниками с помощью опор-ссылок на предшественников, приоритет, запрет на повтор-плагиат – все это появлялось в процессе воспроизводства духовных кадров, где обет безбрачия вынуждал использовать «инородные» для духовной профессии подрастающие поколения [5, с. 115]».

Возникновение естествознания, по Петрову, – результат распространения веры в то, что Всевышний создал не одну книгу, а две: Священное писание и Природу. Постижение обеих – долг христианина, ибо первая, как писал Ф. Бэкон (1561–1626), раскрывает волю Бога, а вторая – Его могущество. Эту линию в современной отечественной философии продолжает Б.И. Пружинин [11], подчеркивающий, что, по Бэкону, знание – сила не только потому, что по-

зволяет решать практические задачи, как это полагает почти все население, но потому, что на нем лежит отблеск мудрости Творца.

Наши представления о научно-техническом прогрессе приблизительно верны только для периода примерно с середины XIX в. Как указывал Петров [7], первая промышленная революция вовсе не была научно-технической, поскольку все революционные изобретения – паровая машина, ткацкий станок, пароход, паровоз, электрический телеграф – были сделаны практиками-самоучками. Более того, наука тогда и не могла вести за собой технический прогресс, поскольку сама от него отставала. Цикл Карно был сформулирован более чем через полвека после изобретения паровой машины. Рекомендации учёных по совершенствованию сельского хозяйства в XVII и XVIII вв. привели бы к катастрофическим последствиям в случае применения на практике. По мнению Петрова, превращение науки в непосредственную производительную силу общества стало результатом второй научной революции, которая была типичной революцией сверху.

Потерпевший поражение в войнах с Наполеоном король Пруссии Фридрих Вильгельм III (1770–1840), приобрел похвальную склонность к реформам. Это позволило филологу В. фон Гумбольдту (1767–1835), брату великого естествоиспытателя, осуществить беспрецедентные реформы среднего и высшего образования, основав, в частности, в 1810 г. Берлинский университет как первый в мире университет нового типа. В нем впервые были введены поточные лекции и соответственно должности профессоров и приват-доцентов, а преподаваться стали не юриспруденция, теология и изящная словесность, а естественные, точные и технические науки. Поточная система подготовки специалистов была увенчана созданием в 1826 г. Ю. фон Либихом (1803–1873) лаборатории в Гисене, которая стала прообразом современных НИИ, обязательно имеющих аспирантуру. Таким образом, к середине XIX в. сформировалась «великая триада», по Петрову, – фундаментальная наука, прикладная наука и подготовка кадров. Результатом второй научной революции стало бурное развитие промышленности, прежде всего – машиностроения и химии, в Пруссии, затем в Германии, что позволило выиграть франко-прусскую войну и в начале XX в. сделать страну второй экономикой в мире и первой – в Европе.

Отметим, хотя это и не имеет прямого отношения к тематике статьи, что недавнее исследование 1000 наиболее инновационных компаний мира показало, что лишь 47% среди них делают упор на технические инновации, 27% ставят во главу угла исследование рынка, а 26% – работу с клиентами. Не будем забывать, что новый флакон для духов – это тоже бесспорная инновация. Нынешняя революция, которой пока трудно дать название, да и делается это обычно задним числом, может в значительной мере рассматриваться, подобно первой промышленной революции, как революция техническая, а не научно-техническая, причем с упором на социальные технологии. Только такое предположение позволяет объяснить, каким образом небывалый прогресс может вполне сочетаться с упадком фундаментальных исследований и резким снижением социального статуса науки и ученых, причем отнюдь не только в нашей стране [15].

В контексте же обсуждения проблем регионального развития для нас важна именно проблема человекоразмерности, возникшая в результате небывалого преобразования университетской подготовки В. фон Гумбольдтом, внедрившего конвейер в высшей школе почти на столетие раньше, чем он появился в промышленности. Эта проблема не возникала на протяжении веков, когда университетский преподаватель в течение нескольких лет обучал группу из нескольких студентов, передавая им знания и опыт. Она возникла, когда профессора и приват-доценты стали получать ограниченное время для изложения своей области знания и ограниченный объём, чтобы изложить её в учебнике. К последнему предъявлялось требование человекоразмерности – он должен быть соразмерен с возможностями студентов. Отметим попутно, что нынешний информационный потоп, искусственно стимулируемый безо всякой пользы для науки и даже с большим для неё ущербом, делает нечеловекоразмерным массив публикаций практически по любой специальности.

В региональном развитии человекоразмерность связана, прежде всего, с циклами жизни и деятельности человека – суточным, недельным, годовым. Петров критиковал существовавшую в 70-е гг. систему планирования за систематический недоучёт демографических факторов, например, роста рождаемости при создании новых городов и крупных производств, что приводило к

острому дефициту мест в детских учреждениях. Излюбленным негативным примером Петрова был Братск: «Сначала возникает Братск как 13 разъединенных ведомственными интересами на расстояние до 70 км «городов-спутников», лишенных центра, а затем уже начинается бурная теоретическая активность по поводу Братска: ведутся исследования, пишутся отчеты и статьи, собираются конференции, появляется даже фильм «Уроки Братска», где со всей убедительностью показывается, что многого можно было бы избежать, если бы ... Точно так же сначала возникает Красноярская ГЭС, а затем обнаруживается разрушающее воздействие нового режима реки, дневной перепад уровней которой достигает теперь 5м, на пойму Енисея на сотни километров» [8, с.7].

Как же можно достичь человекоразмерности в региональном развитии? Находившийся на уровне передовых научных представлений своего времени Петров писал: «Еще Ципф обнаружил на материале США [16], что рост городов подчинен ранговому распределению или, как теперь чаще говорят, закону Ципфа, поскольку ранговые распределения того же типа обнаруживаются повсеместно, в частности и в науке. Позднее четкие выявления закона Ципфа в процессах расселения были обнаружены и на материале других стран, Польши, например [10, с. 101]. С другой стороны, наука в явном противоречии с законом Ципфа рекомендует жесткую политику сдерживания роста крупных городов, явно вдохновляясь идеей выравнивания. Кибальчич и Любовный, например, предлагают даже и орудийный арсенал – паспортный режим, квоты и т.п. – для борьбы с ранговыми поползновениями [10, с. 246-249]. Совершенно неясно, кто здесь против кого прав: стихийная миграция населения, порождающая жесткую ранговую иерархию городов и населенных пунктов, или же логические постулаты ученых, их основанные на логике представления об «оптимальной» структуре расселения. Ясно, однако, что пока не изучены механизмы ранжирования расселения, мотивы, толкающие людей к нарушению «оптимальных» схем, вопрос о расселении останется областью повышенного риска наломать дров «научным» способом» [8, с. 8-9].

Распределение Ципфа привлекло внимание Петрова своей универсальностью, ведь оно описывает и распределение слов по частоте в литературном произведении, и распределение научных статей по цитируемости: «Может показаться, что годовая численность в перерасчете на средние значения долголетия не такой уж впечатляющий движитель процессов расселения и перемен в распределения населения по территории страны. В лучшем случае численность годовой группы около 2% от общей численности населения. 2% универсально воспитанных и 2% прошедших специализированную подготовку не та вроде бы сила, которая способна оперировать рычагами изменения инерции 96% населения. Вообще-то говоря, оно и так и не так. В массивах дисциплинарных публикаций, например, цитируемость распределяется по закону Ципфа и распределяется таким образом, что за 90% случаев связи нового с наличным оказываются ответственными 5-6% публикаций, так что величина в 4% не так уж мала для процессов, в которых замешан закон Ципфа. К тому же эта импульсно-годовая картина впрыскивания в процессы расселения очередных доз волей-неволей активных диссоциированных индивидов нужна нам не столько по количественным, сколько по принципиально-концептуальным соображениям: этот воспитательный гейзер, с регулярной периодичностью выбрасывающий в социальность активно-диссоциированные элементы, обязан в рамках нашей концепции расселения показать постоянное присутствие в нашем обществе «развитого» типа внутреннего источника изменений» [8, с. 61].

К сожалению, теория диффузии нововведений Т. Хегерстранда (1916–2004) осталась незнакомой Петрову, однако он исследовал именно вопросы влияния инноваций на региональное развитие, рассматривая образовательную систему, точнее, результаты её деятельности как важнейшее условие распространения инноваций. В отсутствии законов, строгим образом описывающих миграции, принципиальной невозможности учёта воли каждого конкретного человека в теоретических построениях, распределение Ципфа принималось как некий инвариант, как фундаментальная закономерность, которая должна учитываться в любых теоретических построениях и должна ограничивать их. Разумеется, кроме правила Ципфа существует и теория центральных мест, которая также осталась вне поля зрения Петрова, однако следует признать, что распределение Ципфа описывает более универсальную закономерность, нежели теория центральных мест. Если

первое может распределение городов на территории от сформировавшегося района более или менее крупной страны до всего Земного шара, как показал С.П. Капица (1928–2012) [1], то теория центральных мест описывает городское расселения на территориях в 10^4 – 10^5 км^2, причем характерный размер систем центральных мест постепенно увеличивается в результате прогресса транспорта [14].

Представления об эквифинальности распространились в географии в годы «теоретической революции» и наиболее известным её примером стало несравненно большее сходство городов-гигантов, нежели малых и средних городов, из которых они выросли [13]. Петров связывал эквифинальность с человекоразмерностью: «наука, возможно, не смогла бы создать своего особого, знакового, концептуально-понятийного обустройства, не подвернись европейцам под руку аналитическая структура новоанглийского языка, то есть наука в ряде её фундаментальных концептов – незаинтересованное наблюдение, свобода от ценностей, слепой автоматизм однозначная причинная связь между наблюдаемым поведением и умопостигаемым свойством , контактное взаимодействие – не могла появиться раньше XVI в., когда уже более или менее чётко выявилась аналитическая суть новоанглийского и сформировались соответствующие речевые навыки» [7, с. 29]. Если эквифинальность в развитии городов-гигантов обусловлена транспортными проблемами как самыми острыми для них всех, то отсутствие дивергенции в развитии науки обусловлено логическим строением её мыслительных конструкций, заимствованных из новоанглийского языка. Эти обручи, стягивающие науку, не видны, поскольку присутствуют на уровне подсознания тех, кто ей занимается. Впрочем, сейчас они, кажется, начинают всё больше ослабевать.

Для изучения регионального развития представляет несомненный интерес и такая категория, как лишние люди. Как указывает Петров, «лишние люди» – особая проблема, без анализа которой, по нашему глубокому убеждению, вообще ничего нельзя понять в человеческой истории. Этой проблемой мы займемся позже, после описания типов культуры и соответствующих им форм расселения [8, с. 136]». Наличие «лишних людей» (именно в кавычках) в обществе – необходимое условие его развития. Эта категория, по мнению Петрова, особенно важна при изучении миграций населения.

Настоящая статья представляет собой лишь первый подход к осмыслению значения идей Петрова для географии и не претендует ни на полноту, ни на глубину. Её главная цель – привлечь внимание географов к наследию выдающегося философа, профессионально занимавшегося изучением проблем регионального развития.

Библиографический список

1. Капица С. Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 204 с.
2. Космачёв К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, 1974. – 142 с.
3. Космачёв К.П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). – Новосибирск: Наука, 1981. – 110 с.
4. Михаил Константинович Петров. – М.: РОССПЭН, 2010. – 295 с.
5. Петров М.К. Как создавали науку? // Природа. – 1977. – №9. – С. 80–88.
6. Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике / Южнороссийское обозрение. Вып. 15. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 144 с.
7. Петров М.К. История европейской культурной традиции и её проблемы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 776 с.
8. Петров М.К. Регион как объект системного исследования / Южнороссийское обозрение. Вып. 32. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 195 с.
9. Пилясов. А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. –544 с.
10. Проблемы урбанизации и расселения (II советско-польский семинар по урбанизации). – М.: Мысль, 1976. – 269 с.
11. Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. Отв. ред. Л.П. Киященко и Е.З. Мирская. – М.: Academia, 2008. – С. 108–121.
12. Сысоева Н.М. Географическая экспертиза как вклад в развитие институционального направления в экономической географии (к 90-летию со дня развития К.П. Космачёва) // География и природные ресурсы. – 2011. – №4. – С. 157–160.
13. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. – М.: Прогресс, 1968. – 391 с.
14. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. – М.: Росс. открытый ун-т, 1995. – 166 с.
15. Шупер В.А. Когда ждать новой научно-технической революции? // Эпистемология & философия науки. – 2013. – Т. XXXVI. – №2. –С. 96–99.
16. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Camb., Mass., 1949. XI+573 p.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимиру Павловичу Максаковскому – 90 лет

4 июня 2014 года географическая общественность всей страны отметила 90-летие своего Учителя – **Владимира Павловича Максаковского**. Несколько поколений наших соотечественников изучали экономическую географию зарубежных стран по лучшему учебнику, выдержавшему более 40 изданий и получившему признание на государственном уровне.

Владимир Павлович Максаковский, всю свою жизнь посвятивший одному высшему учебному заведению – Московскому педагогическому государственному университету (для всех нас роднее звучит его прежнее название – Московский государственный педагогический институт имени В.И.Ленина), подготовил сотни учителей и десятки ученых – кандидатов и докторов наук не только для России, но и для зарубежных стран. И по сей день академик В.П. Максаковский возглавляет кафедру экономической и социальной географии крупнейшего в стране педагогического вуза, продолжая традиции научной школы, заложенные Н.Н. Баранским, Ю.Г. Саушкиным, И.А. Витвером, прямым учеником которых является юбиляр.

С величайшим почтением мы обращаемся к основным вехам жизненного пути нашего Учителя, который является примером служения Родине и Науке.

Родился Владимир Павлович в далеком 1924 г. С большой теплотой юбиляр вспоминает довоенное детство, прерванное суровыми событиями. После окончания в 1941 г. 9 класса он добровольцем вступил в ряды Народного ополчения г. Москвы, воевал на Западном фронте. Боевое крещение молодой ополченец принял на Смоленской земле под Рославлем. После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Владимир Павлович учился на географическом факультете МГУ (1945–1950). С 1953 г. работает в Московском педагогическом государственном университете, в 1959–1965 гг. был деканом факультета, с 1968 г. заведует кафедрой экономической и социальной географии.

В.П. Максаковский – один из наиболее видных ученых-географов России. Круг его научных интересов очень широк и включает теорию географии и методику ее преподавания, географию мирового хозяйства, политическую, историческую, культурную географию, зарубежное страноведение, экономическую и социальную географию России. Он является автором более 700 публикаций общим объемом свыше 1700 печатных

листов, в том числе нескольких десятков книг, включая научные монографии, школьные и вузовские учебники, научно-популярные издания.

Статус «легенды» обрел учебник для 10-го (10–11) класса средней школы, общий тираж которого составил около 50 миллионов экземпляров. Бестселлерами стали такие работы, как «Географическая культура» (1998 г.), «Историческая география мира» (1999 г.), «Литературная география» (2005 г.), двухтомник «Географическая картина мира» (1999 г., 2003–2004 гг.), уникальная книга-альбом «Всемирное культурное наследие» (2003 г.), которая оказалась самой большой книгой издательства «Просвещение», увидевшей свет за все 83 года его существования.

В.П. Максаковский – доктор географических наук, Почетный профессор и зав. кафедрой МПГУ, академик Российской академии образования (РАО). Награжден орденом Великой Отечественной войны II ст. и многими медалями, дважды лауреат Государственной премии СССР (1977, 1987 гг.), лауреат премии Президента РФ в области образования (1996 г.), премии Правительства РФ в области образования (2008 г.). Награжден медалью Н.К. Крупской, Золотой медалью РАО. Почетный член Русского географического общества и географических обществ ряда зарубежных стран.

В настоящее время Владимир Павлович продолжает творческий подвиг, повторяя слова Марины Цветаевой «мой письменный верный стол…». Свой 90-летний Юбилей Владимир Павлович отметил новой книгой «Актуальные проблемы России», вышедшей при поддержке Смоленского гуманитарного университета. В ней автор представил свой мудрый взгляд на проблемы структурной перестройки экономики и новой индустриализации, повышения уровня жизни населения и преодоления кризиса культуры.

Владимир Павлович Максаковский – это целая эпоха в отечественном географическом образовании и науке. Поэтому Юбилей Учителя праздновали не только в Москве, но и во многих регионах нашей необъятной страны. Все с огромной признательностью адресовали самые добрые слова Юбиляру!

С величайшим почтением,
Ваши ученики и коллеги –
члены Редакционного Совета
и Редакционной коллегии журнала
«Региональные исследования»

Дорогой Владимир Павлович!
Сердечно поздравляем Вас с 90-летием
и от всей души желаем крепкого здоровья,
творческого долголетия, талантливых учеников,
внимательных коллег и добрых друзей!
Мы Вас ценим и любим!

Юбилей Владимира Ефимовича Шувалова

28 мая 2014 г. исполнилось 60 лет со дня рождения заместителя главного редактора журнала «Региональные исследования», председателя секции экономической и социальной географии учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию, доцента кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидата географических наук **Владимира Ефимовича Шувалова.**

Владимир Ефимович родился в 1954 г. в Свердловске в семье географов. Его отец – Ефим Лукич, – выпускник географического факультета МГПИ им. В.И. Ленина, после защиты кандидатской диссертации всю свою жизнь посвятил подготовке учителей географии в Свердловском (ныне – Уральском) государственном педагогическом институте, где прошел путь от старшего преподавателя до ректора. Мама – Анна Ивановна – также выпускница МГПИ, физико-географ, 40 лет проработала на кафедре физической географии того же института.

Владимир Ефимович поступил на географический факультет Московского университета в 1971 г., выбрав своей специализацией экономическую географию. После успешной защиты дипломной работы под руководством профессора Ю.Г. Саушкина на тему «Функциональный пространственный анализ сети географических границ (на примере границ административных районов Свердловской области)», он продолжил это направление научных исследований в аспирантуре кафедры, окончание которой в 1980 г. завершилось блестящей защитой кандидатской диссертации (также под руководством Юлиана Глебовича) на тему «Понятие границы и эффекта пограничности и их место в экономико-географических исследованиях». Работа была названа новаторской, ее актуальность не снизилась до сих пор.

С марта 1980 г. Владимир Ефимович занимается педагогической, научной и организационной деятельностью на кафедре. В 1990 г. он получил ученое звание доцента, в 1990-х гг. являлся заместителем декана по иностранным делам географического факультета МГУ.

С 1995 г. Владимир Ефимович бессменно возглавляет научно-исследовательскую лабораторию регионального анализа и политической географии географического факультета МГУ, работа в которой построена им на принципах учебно-научного парка; основной контингент ее сотрудников формируют студенты старших курсов, магистранты и аспиранты факультета.

В 1996 г. Владимир Ефимович выступил инициатором создания отделения региональной политики на географическом факультете. Став его руководителем, Владимир Ефимович разработал инновационный учебный план, в реализации которого участвовали как сотрудники кафедры, так и приглашенные ученые и ведущие специалисты-практики в сфере региональной политики. За 2001–2013 гг. общее число выпускников отделения, базовая подготовка которых проводилась при кафедре экономической и социальной географии России, составило 113 человек, некоторые из которых в дальнейшем стали кандидатами наук.

В 2000 г. Владимир Ефимович Шувалов был избран коллективом на должность заве-

дующего кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ. Эти обязанности он исполнял вплоть до 2012 г. Под его руководством на кафедре прошли большие преобразования, связанные с совершенствованием учебного процесса и научной деятельности, которые были обусловлены требованиями нового времени.

В 2000 г. Владимир Ефимович возглавил секцию экономической и социальной географии учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию, объединяющую заведующих кафедрами университетов России. Проводимые по его инициативе и под его руководством совещания, на которых обсуждаются насущные проблемы географического образования в целом и экономико-географической подготовки студентов в частности, способствуют выработке направлений дальнейшего развития образования, консолидируют экономико-географическое сообщество России. В рамках работы в учебно-методическом объединении Владимир Ефимович посвятил много времени совершенствованию государственных стандартов по подготовке географов, он также стремится стимулировать развитие региональных географических центров.

В настоящее время Владимир Ефимович принимает активное участие в работе Русского географического общества, являясь членом Ученого совета Московского отделения РГО. При его участии произошло возрождение Комиссии РГО по территориальной организации и планированию, в которой он исполняет обязанности ее ученого секретаря.

Владимир Ефимович – один из инициаторов создания журнала «Региональные исследования», который уже более 10 лет выходит в Смоленском гуманитарном университете. Журнал, несомненно, является одним из ведущих экономико-географических периодических изданий. Одновременно он выполняет обязанности члена редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Сер. 5. География», научного консультанта Большой Российской энциклопедии.

Сфера научных и педагогических интересов Владимира Ефимовича весьма широка и связана с историей, теорией и методологией социально-экономической географии, географическим районированием и географией транспорта. Владимир Ефимович Шувалов – активный сторонник и продолжатель отечественной районной школы социально-экономической географии, основы которой были заложены в недрах кафедры.

На протяжении более 20 лет он читает курсы «Географическое районирование», «Введение в специальность», «География транспорта», ведет «Семинар по истории и теории социально-экономической географии». Им подготовлено восемь кандидатов наук, под его руководством защищено более 45 дипломных работ и магистерских диссертаций.

Владимир Ефимович за педагогическую деятельность удостоен премии им. М.В. Ломоносова (2011 г.), награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2005 г.).

Владимир Ефимович Шувалов хорошо известен географической общественности своим энтузиазмом, энергией, принципиальностью, порядочностью, неизменной заинтересованностью в развитии науки. Твердостью в отстаивании профессиональных интересов он завоевал огромное уважение и авторитет.

Друзья и коллеги

Дорогой Владимир Ефимович!
Поздравляем Вас с замечательным юбилеем!
Желаем здоровья, нового в педагогической
и научной деятельности и великих
географических открытий!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимжанов Халел Рахимович – выпускник направления «Экология и природопользование» Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Астана, Казахстан. E-mail: kads777kz@yandex.ru

Бакланов Петр Яковлевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток

Батыченко Светлана Павловна – кафедра экономической и социальной географии географического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко, Украина.
E-mail: batychenko_sveta@ukr.net

Благовестова Татьяна Евгеньевна – кандидат географических наук, доцент Смоленского филиала Московского государственного университета путей сообщения. E-mail: t_blagovestova@mail.ru

Бояр Андрей Алексеевич – факультет международных отношений Волынского национального университета им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина

Булгакова Анна Ивановна – научный сотрудник НИИ региональных исследований Смоленского гуманитарного университета

Гладкий Александр Витальевич – доктор географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии географического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Украина

Голяшев Александр Валерьевич – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alexander200588@mail.ru

Гонтарь Николай Владимирович – кандидат географических наук, доцент, заместитель директора СКНИИЭиСП Южного федерального университета по инновационной деятельности, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: passat01@mail.ru

Евдокимов Михаил Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета. E-mail: 89107207477@mail.ru

Елагин Сергей Александрович – помощник депутата Государственной Думы ФС РФ.
E-mail: selagin@yandex.ru

Житин Дмитрий Викторович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: zhitin_dv@mail.ru

Забураева Хава Шахидовна – кандидат географических наук, докторант Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград. E-mail: eveggne@mail.ru

Карлова Елена Васильевна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: Helena16.08@mail.ru

Колчев Александр Николаевич – консультант по вопросам проектного финансирования, г. Москва.
E-mail: kross87@hotmail.com.

Краснов Евгений Васильевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград. E-mail: ecogeography@rambler.ru

Логвин Михаил Михайлович – кандидат географических наук, г. Полтава, Украина

Мезенцева Наталия Ивановна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии географического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, Украина

Савоскул Мария Сергеевна – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: savoskul@yandex.ru

Сафронов Сергей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: saffff@mail.ru

Харченко Сергей Владимирович – аспирант кафедры геоморфологии и палеогеографии географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: xar4enkkoff@rambler.ru

Шеломенцева Марина Владимировна – старший преподаватель кафедры «Экономика и финансы» Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Школьников Антон Сергеевич – соискатель Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: shkolnikoff@list.ru

Шмарин Александр Анатольевич – председатель Общественной организации «Ассоциация перевозчиков ТБО».

Шмарин Андрей Петрович – преподаватель кафедры теории управления и маркетинга, Оренбургский государственный институт менеджмента. E-mail: andrey-shmarin@yandex.ru

Шуканов Павел Васильевич – кандидат географических наук, доцент кафедры общеэкономических дисциплин Полтавского университета экономики и торговли, Украина. E-mail: shukanova07@mail.ru

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vshuper@yandex.ru